

Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
Московский государственный областной университет

На правах рукописи

Красильникова Пелагея Юрьевна

**Проблема толкования коннотации в лексикографии
(на материале зоонимов в текстах Саши Чёрного)**

Специальность 10.02.01 –русский язык

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук профессор
Шаповалова Татьяна Егоровна

Мытищи

2021

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Коннотация как феномен и процесс: разновидности проявления и фазы цикла функционирования.....	24
Вводные замечания.....	24
1.1. Распространение и качественное изменение содержания термина <i>коннотация</i>	26
1.2. Коннотация: особенности её локализации и определения роли в системе значения слова	37
1.2.1. Коннотация в составе лексического значения.....	40
1.2.2. Отношения коннотации и денотации в семантике некоторых групп лексики и слова в целом.....	48
1.3. Практика выделения коннотативных компонентов значения.....	61
1.4. Фазы функционирования и семантические компоненты структуры коннотации.....	72
Выводы.....	95
Глава 2. Структурно-семантические особенности и синтаксические закономерности функционирования коннотаций зоонимов в поэзии Саши Чёрного.....	102
Вводные замечания.....	102
2.1. Поэзия Саши Чёрного в согласии и в споре с эпохой.....	103
2.2. Оценочная коннотативная семантика зоонимов в поэзии Саши Чёрного.....	111
2.3. Синтаксические закономерности реализации коннотаций зоонимов в поэтическом языке Саши Чёрного.....	120
2.4. Реализация коннотаций зоонимов в составе сравнительных конструкций.....	135
Выводы.....	141

Глава 3. Методы описания коннотативной семантики зоонимов лексикографическими средствами, критерии группировки и структура толкования.....	146
Вводные замечания.....	146
3.1. Практика отражения коннотативной семантики слова лексикографическими средствами, формальные и содержательные характеристики лексикографического толкования контекстуальной коннотативной семантики.....	147
3.2. Художественная образность поэзии Саши Чёрного как результат реализации коннотаций разного типа и степени интенсивности.....	159
Выводы.....	172
Заключение.....	177
Список литературы.....	189
Приложение.....	213

Введение

В области языковой семантики на соотношение объективного и субъективного, на достоверность дифференциации одного и другого и на то, принадлежит ли соответствие знака и его означаемых действительному миру или сознанию человека, существуют разные точки зрения, хотя сама возможность суждения о мире вне сознания сомнительна, так как ограничена субъектом. Мышление проявляет себя на всех уровнях языковой системы, но при этом именно через язык проходит один из немногих открытых нам путей анализа мысли как результата деятельности мышления, круг не размыкается. Так, суждение о развитии мышления, выведенное из усложнения грамматического строя – перехода от инкорпорированного и эргативного к номинативному предложению и появлению субъекта в именительном падеже, невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Лежащие за этими изменениями обстоятельства внутренней жизни мышления остаются скрытыми, а основным аргументом является общая констатируемая для разных систем тенденция к усложнению, на существование которой также можно взглянуть по-разному, так как «язык соучаствует во всех наших мыслях и поступках, и не в нашей власти отменить или как-то произвольно локализовать это соучастие» (Гаспаров Б.М., 1996, с. 5). При попытке сопоставления образа мира в сознании наших современников и мышления древних людей кажется разумным предположить огромную разницу в том, что касается способности видеть объективную реальность и отличать её признаки от условных, связанных с «удвоением» мира в языке и культуре в целом. Эта способность декларируется преобладанием научной картины мира над наивными представлениями в принципах восприятия действительности человеком XXI века, однако на примере языковой семантики несложно заметить тот факт, что объективная суть вещей становится предметом интереса носителей языка как участников общения и формирует

содержание коммуникации далеко не в первую очередь, поскольку воспринимается как данность и не требует уточнения. В области значения слова этому условному разграничению объективного (явного, существующего, существенного) и прочего соответствует представление о денотативных и коннотативных признаках, единицах денотативной – основной области значения – и коннотативной – области разнородных ассоциаций и семантических дополнений к денотативному комплексу. Границы денотата умозрительны, в какой-то степени они совпадают с лексикографическим значением слова, в их пределах может быть выделено множество частных признаков – сем. Объективность и значимость как критерии принадлежности тех или иных признаков к денотативной области не однозначны и позволяют подтвердить их достоверность только для физически существующих объектов и научно проверяемых причинно-следственных связей. Коннотация же – это та область значения, к которой принадлежит всё остальное, а оно, будучи условно представлено как некоторое количество информации, составляет намного больший объём, чем сумма существенных и объективных признаков. Если материя как объективная реальность действительно дана в ощущениях, то на уровне лексической семантики именно ощущения мотивируют образ мира в сознании, отражаясь в коннотации и в самом противопоставлении денотативно означаемой ограниченной области и разнообразных дополнительных надстроек коннотативных означаемых. Эти предпосылки способствуют интересу к проблеме коннотации на теоретическом уровне и требуют проверки на практическом.

Мы посчитали целесообразным развернуть разработку в трёх направлениях, соответствующих частным вопросам в рамках общей проблемы толкования коннотации в лексикографии.

1. Что именно нуждается в толковании? Как феномен соозначения может быть описан с точки зрения абстрактной статичности

потенциальной коннотации и с точки зрения динамических изменений, отражающихся в актуальных реализациях коннотативной семантики? Как эксплицируются различные варианты содержания коннотации и какую функцию коннотации с разными типами содержания могут нести в контексте? Каков единый принцип, объединяющий все разнообразные дополнительные элементы в семантике слова и возможно ли его определение?

2. Как потенциальный коннотативный объём лексем тематической группы зоонимов преломляется в языковых манифестациях образа мира одного автора – Саши Чёрного? Прослеживаются ли закономерности реализации коннотативной семантики зоонимов в данном языковом материале? Какие компоненты коннотаций зоонимов участвуют в выражении художественного замысла сатирических и лирических стихотворений? Можно ли выявить механизмы реализации коннотативного значения на синтаксическом уровне? Какова роль коннотаций зоонимов в образной системе поэтических произведений Саши Чёрного?

3. Как различаются подходы к лексикографическому толкованию потенциального объёма коннотации слова и актуальной реализации определённого набора коннотативных признаков? Какова цель отражения дополнительной семантики средствами лексикографии и для каких типов коннотации эту цель можно считать значимой? Как адаптировать инструментарий авторской лексикографии для толкования разных содержательных и функциональных коннотаций? Как наиболее полно описать контекстуально-лексикографическое значение как величину, значительно превосходящую стандартизированное лексикографическое значение, но малую по сравнению с реальным психологическим значением слова?

Значение слова – это сложнейшая многоуровневая структура, а распределённые в этой структуре содержательные элементы соотносятся со всем разнообразием проявлений психической деятельности, с самой жизнью в наиболее широком и неопределённом представлении, а теоретическое описание значения сопряжено с основополагающими для любых рассуждений о месте человека в мире и месте мира в человеке противопоставлениями идеального и материального, объективного и субъективного, рационального и эмоционального, познаваемого и непознаваемого. Коннотативная сторона семантического содержания лексемы сопутствует денотативному значению. Оппозиция денотации и коннотации представляет собой макроструктуру семантики лексической единицы языка. Если понимание денотативной стороны значения для носителя языка редко вызывает сложности, то для интерпретации коннотации может требоваться информация как непосредственно связанная с денотативным значением (ингерентные коннотации), так и косвенно соответствующая денотату или внеположная анализируемому контексту (адгерентные коннотации). Выявляемый объём макрокомпонента соозначаемого для большинства слов оказывается существенно больше денотации как ограниченной области. Коннотация же может развиваться бесконечно, включать в себя новые смыслы, обусловленные в большей степени внеязыковой действительностью. Таким образом, верное и всестороннее понимание более крупных смысловых единств невозможно без обращения к коннотативной стороне семантики слов.

Традиционным инструментом, позволяющим фиксировать значения лексических единиц, является толковый словарь. В том, что касается денотации, он, как правило, удовлетворяет потребности справочного, учебного и научного характера. В то же время для коннотативного значения, обладающего разноплановым содержанием и неизмеримым

потенциалом к расширению, пока не существует оптимальной и универсальной формы представления. В современной лексикографии отсутствует единая система толкования коннотации слова, что и обусловило постановку проблемы, вынесенной в название настоящего исследования.

Вопросы диахронического описания лексики поднимались в лингвистике многократно и подробно рассмотрены с точки зрения разных подходов (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов, О. Н. Трубочёв, В. Н. Топоров, В. Г. Гак, Б. А. Ларин, Ю. Н. Караулов, Ю. С. Сорокин). Широко используются две формы представления коннотативной области значения слова. Первой, наиболее распространённой, являются так называемые стилистические пометы. Их большая значимость для нормативных словарей, несущих рекомендательную функцию, неоспорима, однако сама система этих помет в настоящее время не характеризуется единообразием применения. Отсутствует единая классификация помет, адекватная потребностям как лексикографов, так и пользователей словарей, которая была бы применима для словарей разных типов и отражала бы все возможные стороны коннотативной семантики. По словам Г. Н. Складневской, «на практике это означает, что логически непротиворечивое и унифицированное во всех отношениях описание в словаре невозможно. Во всяком случае, известные попытки выстроить лексическую систему в словаре как организацию, все элементы которой безупречно увязаны между собой, неизбежно вступают в противоречие с реальным языковым существованием» (Складневская Г. Н., 2006, с. 368).

Вторая, более полная форма представления коннотации в словаре состоит в выделении подзоны на уровне всей микроструктуры словаря. Ю.Д. Апресян, относя коннотацию к прагматической стороне языкового знака, располагает прагматическую подзону на четвёртом месте в структуре статьи – после означающего, морфологических характеристик и

семантики лексемы. В эту часть словарной статьи включаются коннотации как культурный и образный мир лексемы, указание социальных статусов говорящего и слушающего и прагматические стилистические пометы. Ю.Д. Апресян говорит также о стихийности формирования номенклатуры стилистических помет и её недостаточной теоретической обоснованности (Апресян Ю.Д., 1986, 1993, 1995).

Для полноценного толкования коннотации слова требуется иное решение, отличное от традиционного использования помет. Коннотация может пониматься по-разному в зависимости от сферы реализации коннотативного значения и целей интерпретации. Значит, нужно или разработать систему помет, охватывающую все сферы и разновидности коннотативной семантики, что представляется невыполнимым в масштабе небольшого исследования вследствие многообразия и изменчивости коннотации, или найти определённый подход к отбору и описанию лексики с точки зрения соознаваемого, который позволит сузить круг анализируемых единиц и описать коннотативные механизмы для этой группы знаков. Такое описание должно давать достаточную информацию об объёме и сути коннотативного содержания конкретной лексемы.

Коннотация – это многогранное и многоуровневое явление. Сложность понятия коннотации и называемого им явления ставит перед исследователем задачу поиска такого соотношения количества коннотирующих знаков и предполагаемого объёма коннотативного плана их семантики, которое позволит рассмотреть каждую лексему более полно и статистически обобщить результаты анализа. Исходя из того, что коннотация зависит от характеристик денотации, мы ограничились языковой материал исследования одной тематической группой лексики. Выбор конкретной тематической группы зоонимов обусловлен спецификой отношений человека с другими живыми существами на планете и тем

значением, которым зоонимические образы издревле наделялись в материальной и духовной культуре.

С точки зрения концепций, описывающих связь языка с разными сторонами общественной действительности (культурной, политической и т. д.), а также присутствия в этой цепочке необходимого третьего элемента – человеческого мышления, воплощающего эту связь в речи, интересным и целесообразным нам представляется рассмотрение коннотативной стороны идиолекта одного автора как носителя определённого комплекса представлений. Такой подход соотносится, с одной стороны, с понятиями языковой личности, идиолекта, идиостиля, языковой картины мира, языковой ситуации, нормы и узуса, а с другой – с представлением о когнитивной природе языковых процессов обработки, хранения, переформирования и обобщения внешней информации. Выбор идиолекта определяется как личностью носителя, так и обстоятельствами, в которых и благодаря которым он сформировался. Уникальность идиолекта обусловлена неповторимостью ментально-лингвального комплекса личности, представляющего собой частную реализацию русской языковой картины мира. В. В. Леденёва в исследовании, посвящённом Н. С. Лескову, пишет, что индивидуализации идиолекта способствует авторская интенция, воплощаясь в использовании по-новому стилистически окрашенной лексики, благодаря чему единицы узуса превращаются в «семантически и эстетически значимые» константы идиостиля (Леденёва В. В., 2000).

Нас интересует, во-первых, то, какими механизмами регулируются превращения такого рода в индивидуальных реализациях семантической системы языка, для чего в качестве примера выбран поэтический язык сатирика (в последние годы жизни и лирика, что отчётливо проявляется и при анализе коннотаций отобранной нами группы знаков) Александра Гликберга, известного под творческим псевдонимом Саша Чёрный. Во-

вторых, идиолект писателя, как и просто речь человека, является результатом осознанного или неосознаваемого выбора языковых знаков, наиболее точно отвечающих его интенции и отражающих множество черт его мышления, из неисчислимого множества уже существующих в языке как в совокупности контекстов. Поэтому мы должны также проанализировать временную динамику коннотативной семантики тематической группы знаков, обозначающих представителей фауны, как средства выражения комплекса эстетических и ценностных установок и те психолингвистические механизмы, которые влияют на коннотативную сторону порождения и восприятия речи.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов:

1) важностью исследования феномена коннотации в его функционально-семантическом, прагматическом, стилистическом аспектах как механизма накопления, распределения и проявления различных содержательных единиц значения, а также как области, составляющей психологически полное, «реальное» значение словесного знака, включающее разнородные означаемые, по тем или иным причинам соотносимые со знаком;

2) отсутствием в лексикографической практике единой системы толкования коннотации слова как актуального или потенциального комплекса означаемых с разными характеристиками и потребностью наиболее полно описать контекстуально-лексикографическое значение, превосходящее стандартизированное лексикографическое значение, но малое по сравнению с реальным психологическим значением слова;

3) уникальной на фоне других лексико-тематических групп способностью зоонимов к развитию коннотации и культурологической значимостью мотивов и результатов изменения системы их означаемых;

4) интересом к описанию функционирования зоонимов в образной системе поэзии Саши Чёрного;

5) целесообразностью рассмотрения коннотативной семантики как результата взаимодействия разных процессов, регулируемых определёнными механизмами;

6) ролью Саши Чёрного в истории русской литературы и в культурной среде своего времени как своеобразной персоны, не принадлежавшей всецело ни к одному художественному или идеологическому сообществу.

Конкретное практическое воплощение подхода к толкованию коннотации в авторском словаре коннотативной семантики соотносится с целями учебной лексикографии и специального изучения языка и стиля писателя.

Объектом исследования являются механизмы, характеризующие проявления феномена коннотации слов тематической группы зоонимов в произведениях Саши Чёрного, а также теоретическая модель коннотативного процесса.

Предмет исследования – алгоритм описания потенциальной и актуальной коннотативной семантики слова как совокупности означаемых, имеющих различные содержательные и функциональные характеристики, на примере поэтических текстов Саши Чёрного.

Цель исследования состоит в выработке подхода к лексикографическому толкованию коннотативного значения как переменной величины, способной имплицитно выразить множество дополнительных смыслов, соотносящихся с разносторонними проявлениями психической деятельности человека и стимулирующими её реакции обстоятельствами, на примере коннотаций лексики, ограниченной рамками одной тематической группы.

Стратегия достижения сформулированной цели требует решения ряда частных задач:

1) описать положение и роль коннотации в семантической структуре слова на примере сравнения слов с противоположными по свойствам денотативными характеристиками;

2) проанализировать разносторонние проявления феномена коннотации и систематизировать их как фрагменты модели динамической процессуальной сущности коннотативного значения;

3) охарактеризовать функционирование контекстуальных коннотативных компонентов значения зоонимов в произведениях Саши Чёрного, найти систематические соответствия, связывающие в данных контекстах знаки с определёнными дополнительными означаемыми, а также описать синтаксические закономерности реализации коннотативных значений зоонимов;

4) соотнести свойства коннотации с возможностями её словарной интерпретации и сформулировать подход, адекватный задачам комплексного отражения характеристик и содержания коннотации слова;

5) классифицировать коннотативные значения зоонимов в поэзии Саши Чёрного в соответствии с выделенными содержательными и функциональными типами проявления коннотации;

6) описать механизм толкования коннотаций разных типов и предложить примеры.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что целесообразным подходом в свете проблемы толкования коннотации в лексикографии является анализ различий толкуемых семантических сущностей, и, исходя из этого, различий в их лексикографическом описании. Этому способствует представление коннотации слова как процессуального явления, выделение этапов, статических (потенциальных) и динамических (актуальных) элементов коннотации, а также содержательных и функциональных характеристик дополнительных означаемых.

Теоретико-методологической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных учёных, принадлежащие к разным областям науки о языке. Она определяется комплексом подходов, совместное использование которых позволяет эффективно реализовать поставленную цель. Среди актуальных для нас направлений можно назвать следующие:

проблема коннотативного значения и его описания в работах Ю. Д. Апресяна, В. И. Говердовского, Г. В. Колшанского, Н. Г. Комлева, О. Г. Ревзиной, Г. Н. Скляревской, В. Н. Телия, В. И. Шаховского;

изучение истории русского литературного языка, языка художественной литературы, лингвистической поэтики и стилистики в работах В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, И. Р. Гальперина, М. Л. Гаспарова, В. П. Григорьева, К. А. Долинина, Б. А. Ларина, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, Б. В. Томашевского, Н. А. Фатеевой, Н. В. Халиковой, Р. Якобсона;

аксиологическое направление в русистике в работах Н. Д. Арутюновой, Е. М. Вольф, Н. А. Герасименко, А. А. Ивина, П. А. Леканта, Т. В. Маркеловой;

лингвокультурология в работах А. Вежбицкой, Е. М. Верещагина, В. А. Масловой, В. И. Карасика, В. Г. Костомарова, Ю. С. Степанова, В. М. Шаклеина;

лексическая семантика в работах Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресяна, В. В. Виноградова, И. М. Кобозевой, Б. Ю. Нормана, И. А. Стернина, А. А. Уфимцевой, Д. Н. Шмелёва, А. Д. Шмелёва;

синтаксическая семантика в работах Н. А. Герасименко, П. А. Леканта, Т. Е. Шаповаловой;

работы по общей и авторской лексикографии, составляющие классическую традицию научного направления, и современные исследования: Я. К. Грота, Ю. Д. Апресяна, В. В. Виноградова, Г. О.

Винокура, В. Г. Гака, В. П. Григорьева, В. В. Дубичинского, Ю. Н. Караулова, Л. П. Крысина, В. В. Леденёвой, В. М. Мокиенко, В. В. Морковкина, С. И. Ожегова, О. Г. Ревзиной, Г. Н. Складневской, Ю. С. Сорокина, О. И. Фоняковой, Н. М. Шанского, А. А. Шахматова, Н. Ю. Шведовой, Л. Л. Шестаковой, Л. В. Щербь; Г. Виганда, Х. Касареса

исследования, освещающие проявления символических элементов культуры в семантике языковых знаков – А. В. Гура, М. М. Маковский, Н.И. и С. М. Толстые, В. Н. Топоров;

психолингвистическое направление науки о языке в работах Т. В. Ахутиной, В. Г. Борботько, А. А. Залевской, Н. О. Золотовой, А. А. Леонтьева, Е. Ф. Тарасова, В. И. Шаховского;

статьи и исследования, посвящённые разным сторонам творчества Саши Чёрного – Л. А. Евстигнеева, М. А. Жиркова, А. С. Иванов, В. Д. Миленко, В. А. Приходько, О. И. Рыбальченко, Л. А. Спиридонова, Л. В. Усенко, К. И. Чуковский.

Материалом для исследования послужила зоонимическая лексика, использованная в поэзии Саши Чёрного. Стихотворения цитируются по текстам, приведённым в Национальном корпусе русского языка [<http://ruscorpora.ru/>].

В соответствии с поставленными задачами в исследовании были применены следующие **методы и приёмы**: описательный метод, приёмы лингвистического наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения, компонентный анализ, контекстуальный анализ (при определении условий употребления оценочных единиц в текстах, филологический анализ художественного текста, анализ словарных толкований и лексикографических помет (при выявлении коннотативных компонентов лексических значений), метод семного анализа, индуктивный метод при переходе от анализа частных языковых фактов к их обобщению и теоретизированию. В качестве вспомогательных использовались метод

сплошной нацеленной выборки зоонимов, статистической обработки материала, приёмы подсчёта и схематического представления результатов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в работе впервые:

- коннотация описана как хронологически протяжённый процесс, включающий определённые механизмы протекания на разных этапах и регулирующий систему дополнительных означаемых;

- предложена трёхкомпонентная (знак – его соозначаемое – объяснение связи знака с его соозначаемым) схема описания коннотации и алгоритм действий при лексикографическом толковании потенциальной или актуальной коннотации лексемы с точки зрения её содержания и функции;

- разделены понятия потенциального объёма коннотации слова и актуального комплекса контекстуальных означаемых, что позволяет конкретизировать задачи лексикографического описания;

- введены содержательная и функциональная классификации коннотативных компонентов семантики зоонимов, которые могут быть экстраполированы на общий анализ коннотаций имён существительных;

- выявлена обратно пропорциональная зависимость объёма денотации и потенциального объёма коннотации на примере противопоставления зоонимов и существительных с абстрактным значением, описывающих состояния души;

- в научный оборот вводится ранее не исследованный с точки зрения коннотативной семантики языковой материал, позволяющий проанализировать употребление соозначающих зоонимических лексем в контексте как инструмент создания образной системы, выражающей ценностные установки автора;

- через динамику аксиологических и эмотивных компонентов коннотации описано изменение выраженного в языке образа мира автора.

Доказано, что употребление зоонимов Сашей Чёрным характеризуется системными закономерностями в воплощении противопоставления позитивно и негативно оцениваемых явлений и качеств.

Теоретическая значимость работы заключается:

1) в намеченной типологизации коннотативных означаемых на основании двух критериев – их функциональных характеристик и вида экспликации их содержания;

2) в представлении разнородных проявлений феномена коннотации в виде фрагментов или этапов единой процессуальной сущности, сопровождающей каждое слово, обременённое «дополнительной» семантикой с момента появления её у слова и воплощающейся при каждой актуализации с конкретным отпечатком значения, состоящего в общем потенциальной объёме коннотации слова, но присущего непосредственно частным условиям своей реализации;

3) в описании мотивационных механизмов, определяющих направление и динамику коннотативного процесса у лексем тематической группы зоонимов.

Практическая значимость работы видится:

1) в возможности использования в курсах лексикологии, фразеологии, семантики, истории русского литературного языка и языка СМИ классификации коннотативных означаемых, сформулированной на основании их функциональных и содержательных характеристик;

2) в иллюстративном применении анализа функционирования коннотаций различных видов в поэтическом языке Саши Чёрного при углублённом комментировании языка художественной литературы;

3) в перспективе дальнейшего изучения механизмов коннотативного процесса и его описания для других лексико-грамматических и тематических групп лексики с помощью изложенных предположений о регулирующих его обстоятельствах.

4) в предложении общего подхода к отбору и описанию коннотативно означаемых в определённой совокупности текстов при составлении литературоведческих, биографических или иных комментариев к ним.

Исследуемые вопросы относятся к области «Семантика» научной специальности 10.02.01 – Русский язык.

Положения, выносимые на защиту:

1. Отправная точка коннотативного процесса для существительных, имеющих реальный или умозрительный референт, – пересечение соответствующим объектом или явлением определённого порога значимости в общем образе мира носителей языка. Зарождение коннотативных процессов в языке относится к древнейшим анимическим формам мировосприятия, для которых ни один объект не мог быть тем, что объективно составляет его сущность и обобщается сейчас как денотативное значение слова. У зоонимов коннотации мотивированы двумя типами оснований: 1) бытовая роль и существенные для человека характеристики; 2) мифопоэтические наивные представления.

2. Оценка, основанная на эмоциональном восприятии, становится катализатором и задаёт вектор развития коннотативного потенциала слова, в ходе этого процесса в коннотативной области значения слова появляются, систематизируются и иногда исчезают различные содержательные элементы, соотносящиеся с разными сторонами деятельности сознания человека.

3. Выражение живой мысли невозможно только через денотативные значения. В речевой коммуникации коннотативное значение слова преломляется в разных модусах восприятия и анализируется в нескольких плоскостях:

- с точки зрения сознательного или несознательного планирования речевого выражения своего намерения производителем высказывания или автором текста,

- в конструировании им путём этого выражения своего образа для себя и для других;

- в характеристике производителя высказывания через внеситуативный анализ интенций, реализуемых в высказывании, и выбранных для этого средств выражения;

- в характеристике адресата высказывания через подбор средств выражения;

- в результатах речевого воздействия (в том, что и как адресат интерпретирует в высказывании и как видит себя в свете этого акта распознавания).

4. Коннотация как явление общественно и психологически значима, она участвует в естественном формировании, систематизации и распространении ценностных и эстетических установок, составляющих миф – не всегда осознаваемый механизм, обуславливающий представления о действительности.

5. Структурные, содержательные и функциональные стороны коннотации зависят от характеристик денотации и отличаются для разных лексико-грамматических категорий тематических групп. Для развития коннотации зоонимов крайне значимы денотативные характеристики, объём их потенциальной коннотации очень велик, а сами коннотации особенно устойчивы и закреплены в основополагающих признаках образа мира. Чем уже и определённое денотативная область и чем более понятен референт в материальном мире, тем богаче коннотативный потенциал слова, и, наоборот, чем более денотативная семантика умозрительна и зависима от восприятия, тем меньше возможностей имеет лексема для развития яркой коннотации.

6. Выделяются три типа коннотаций в соответствии с объёмом и формой экспликации их содержания: признаки, предикативные характеристики и внеположные контексты, а также три коннотативных функции, которые соответствуют реализации конкретного содержания: выделительная, отсылочная и собственно стилистическая. Описанные типы комбинируются в коннотативной семантике слова по-разному в каждом отдельном контексте, и поэтому толкование коннотации в целом может происходить в двух плоскостях – потенциальной и актуальной, которые имеют отличное друг от друга содержательное и функциональное устройство.

7. По концентрации зоонимов и их семантической нагруженности произведения Саши Чёрного сравнимы только с фольклорными, детскими и стилизованными под детские текстами – это отличительная черта его идиолекта. В сатирических стихотворениях зоонимы реализуют яркую коннотативную семантику отрицательной оценки, построенной на компаративной модели «люди как звери». Основанием отрицательной оценки являются переход к искусственности, косности, пассивности, подражание типическому, следование бессознательному течению, чужому примеру или поветрию, механические реакции на внешние стимулы наименее духовно затратным для себя образом, отсутствие рефлексии, противоположные естественности и человечности в высшем смысле слова. Напротив, мир настоящих людей и мир настоящих зверей – предмет лирики поэта, его этический ориентир, и зоонимические лексемы в описании этих миров всегда эмотивно нагружены и реализуют, помимо иных оттенков, семантику положительной оценки, становясь трогательной частью фона или отсылая к образцам естественности, которой лишены герои сатир.

8. Наиболее плодотворным полем актуализации коннотаций зоонимов в текстах Саши Чёрного становится употребление зоонимов в

качестве эталона в оборотах именного типа сравнительной конструкции, где значение сравнения выражено союзом *как*. Особенность реализации четырёхкомпонентной модели сравнения (объект и эталон, признак сравнения и его значение) и проявления в ней коннотативного значения эталонов-зоонимов – невыраженный в грамматической структуре сравнения и невосстанавливаемый, вербализуемый только в виде субъективного эмоционального описания образа признак, на основе которого объект сопоставляется с эталоном.

9. Самым распространённым типом коннотации в проанализированных контекстах является дополнительное значение, содержащее реальный или приписываемый признак или предикативную характеристику, которые задают мотивацию для сопоставления человека с животным. В них реализуется выделительная функция и присутствует элемент эмотивной оценки. Среди этих значений наблюдается обратная пропорциональность между степенью коннотированности и яркостью образов, т. е. близкие к денотативным, ингерентные элементы значения в качестве компаративного основания создают наиболее «живые» визуально-эмоциональные представления при восприятии. Такая же закономерность проявляется при актуализации коннотативных признаков, приписываемых внутренним свойствам.

10. Стилистические коннотации с собственно оценочной функцией используются в поэзии Саши Чёрного ограниченно и традиционно, с семантикой отрицательной оценки. Оригинальную образность собственно оценочные коннотации создают только при наличии положительной оценки, основанной на эмотивном восприятии воодушевления, благостного, счастливого состояния человека, на сопоставлении с естественным и «чистым» существованием представителей фауны.

11. Коннотации, несущие отсылочную функцию, составляют наименьшую группу в поэтическом языке Саши Чёрного, однако их

толкование является наиболее целесообразным, так как требует дополнительных сведений о социально-культурном контексте эпохи или о мифопоэтической мотивации коннотативного процесса.

12. Толкование как потенциальной, так и актуальной коннотации производится согласно трёхчастной модели (знак – объяснение связи знака с этим означаемым – контекстуальное значение).

Оценка достоверности результатов исследования.

Обоснованность и достоверность научных результатов исследования обеспечивается тем, что в нём: 1) проанализирован языковой материал объёмом около 850 словоупотреблений (полное собрание сочинений общим объёмом 2544 страницы), извлечённых методом сплошной выборки; 2) выводы опираются на материалы авторитетных работ исследователей в области языковой семантики; 3) для лингвистического анализа привлечены данные историко-этимологического словаря, толковых словарей русского языка, этнолингвистического словаря, словарей, составленных на основе мифопоэтических и общих культурологических исследований; 4) выводы опираются на аналитическую обработку картотеки контекстов с опорой на Национальный корпус русского языка (<https://ruscorpora.ru/>).

Перспективы исследования состоят в дальнейшем изучении процессуальной сущности коннотации с точки зрения истории русского литературного языка и с целью приближения к толкованию полного, «психологически реального» значения при анализе механизмов речевого воздействия на уровне коннотативных означаемых. Материалы могут послужить основой для создания словаря эволюции (накопления и перераспределения значений) зоонимических образов.

Апробация работы. Положения исследования были представлены на международной научно-практической конференции «Текст в языковом, историческом, философском пространстве» (19 апреля, 2018 г., Москва);

научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов МГОУ (апрель 2016–2018 гг., Москва); научных семинарах кафедры современного русского языка МГОУ «Актуальные проблемы русского языка» (2015–2019 гг.).

Основные положения и результаты исследования изложены в 7 публикациях, 5 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы обусловлена поставленной целью, выделенными в рамках цели задачами, спецификой языкового материала и представлением о логике изложения. Текст исследования состоит из введения, трёх глав, заключения, включает библиографический список и одно приложение.

Глава 1. КОННОТАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН И ПРОЦЕСС: РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ И ФАЗЫ ЦИКЛА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Вводные замечания

Коннотация – это сложное явление, которое даёт слову как знаку обладать способностью указывать не только на комплекс существенных признаков того, что названо этим словом и является общепринятым содержанием данного понятия, но и на множество других признаков, соотносящихся с разными обстоятельствами внешнего мира и с реагирующей на них внутренней, умственной и духовной деятельностью человека. Мы будем говорить о коннотации не только как о конкретном результате соотнесения признака со знаком в процессе означивания, о наличии у слова некоторой семантической валентности, расширяющей его предметно-понятийное значение, но и как о самом процессе присвоения знакам определённых дополнительных признаков.

Данная глава посвящена рассмотрению основополагающих характеристик явления коннотации. Сам термин – это название теоретического обобщения идеи о наличии смысла, не выводимого из совокупности содержания и функций разноуровневых языковых средств выражения мысли внутри высказывания. Такой его широкая трактовка выглядит сейчас, но ранее, со времени своего появления в академическом, теологическом дискурсе в XIII веке и до XX века слово использовалось несколько иначе. За пределами лингвистики как научной области часто применяются выражения «с положительными / негативными коннотациями» и подобные им, то есть термин не является только научным, наоборот, он знаком широкой общественности, и его суть, например, в публицистических контекстах, не отличается кардинальным образом от принятой в лингвистике, будучи, как представляется,

упрощённой и обобщённой модификацией, неизбежно сужающей многообразие семантических структур внутри коннотации. Однако стоит отметить, что такое упрощение имеет свои основания, так как оно выдвигает на первый план семантику оценки, не выраженную специальными морфологическими, лексическими или синтаксическими средствами, а функционирующую имплицитно и поэтому не воспринимаемую именно как оценку. С точки зрения прагматики речевого произведения это имеет большое значение, яркими примерами чего является использование в медиа разной политической направленности таких выражений, как *цепные псы режима, заливаться соловьём, кремлёвские церберы, мышинная возня* и т. п.

Положением, позволяющим снять многие противоречия в понимании состава и структуры коннотации, является идея А. А. Леонтьева о значении в целом не как о статичной сущности, в которой иногда под влиянием внешних обстоятельств происходят некие изменения, а как о «динамической иерархии процессов» (Леонтьев А. А., 1971, с. 8). Именно процессуальная сущность коннотации, такого же комплекса означаемых, как и денотативная семантика, конструирует разрозненный и случайный, на первый взгляд, набор разнородных семантических компонентов в целостное явление, которое можно проанализировать на примере конкретных слов. Исходя из этого представления о процессуальной природе дополнительного значения мы также классифицируем разные типы означаемых, которые обычно понимаются как коннотативность слова, в соответствии с их содержательными и функциональными характеристиками.

1.1. Распространение и качественное изменение содержания термина *коннотация*

Можно очертить круг родственных понятий, относящихся к теме коннотации, но требующих дифференциации. Во-первых, это само слово *коннотация* – термин, уходящий корнями глубоко в историю, о чём будет подробнее сказано ниже. Им называют и преобразование значения слов, и результат этого преобразования (Г. В. Колшанский), и объём результирующего содержания (Е. М. Верещагин, Н. Г. Комлев), и каждый из множества стилистических вариантов или оттенков содержания (К. А. Долинин, Е. Курилович), кодирующий в коммуникации эмоциональное состояние говорящего и его отношение к обстоятельствам (А. А. Уфимцева, В. И. Шаховский, Д. Н. Шмелёв).

Самое раннее упоминание термина *коннотация* из тех, что сейчас возможно обнаружить, согласно работам по богословию, появляется в тексте комментариев к «Суммуле» Петра Испанского (Папа Римский Иоанн XXI) в 1277 году. Сведений о предшествующей истории термина при подготовке этой работы нам не удалось обнаружить, поэтому мы осмелимся сказать, что теория коннотации в соответствующем времени и специфике теологического направления виде впервые была сформулирована в упомянутом тексте. Отметим тот принципиально важный факт, что явление коннотации связывалось на этапе возникновения термина только с категорией имён прилагательных (Юрченко А. И., 2001). Английский философ XIV века У. Оккам, обративший внимание на саму трактовку прилагательных, считал их конкретными именами, означающими объекты, которым присущи некие качества, а не качества как таковые. В его религиозной философии отразилось представление о том, что существует единичное и индивидуальное, а так называемые универсалии, обобщения и абстракции пребывают только в человеческом мышлении и не имеют даже

метафизического прообраза. В рамках этой концепции он применил и термин *коннотация*, не придавая ему, однако, собственно лингвистического смысла. В примечании к «Диспутам» У. Оккама сказано: «Коннотация, по Оккаму, свойство термина соозначать, т. е. указывать на дополнительные особенности вещи, помимо основного значения» (Оккам У., цит. по пер. Е. Лисанюк, 1967–1968). В то же время в самом тексте «Диспутов» в ответе на вопрос, «различаются ли интуитивное и абстрактное познание?», учёный высказывается так: «Не следует полагать многое без необходимости. Ибо познание, в своей субстанции одно и то же, можно назвать интуитивным, если эта вещь присутствует, потому что “интуитивное” [познание] коннотирует на присутствие вещи, и абстрактным, если вещь отсутствует» (Оккам У., цит. по пер. Е. Лисанюк, 1967–1968). В данном контексте «коннотирует» значит ‘реагирует или означает что-то по причине или на основании чего-то’.

В современных работах в качестве исходной точки развития термина в языкознании часто упоминаются труды «Грамматика» и «Логика» Пор-Рояля, созданные А. Арно и К. Лансло во второй половине XVII века (Арно А., Лансло К., 1991), но только в работе В. И. Говердовского 1979 года не обойдён вниманием, хотя и не акцентирован тот факт, что в этих французских трудах по языкознанию явление коннотации также связывается только с именами прилагательными (Говердовский В. И., 1979). В позднейших работах иногда к этим сведениям отсылает формулировка роли коннотации в науке XVII века как «обозначения свойств в отличие от субстанций» (см., например, Кропотова Л. В., 2010).

Здесь и скрыт секрет происхождения простейшего в буквальном переводе термина *коннотация* (от лат. *con-noto* – со/вместе означаю). На начальном этапе своего бытования в лексиконе учёных, то есть примерно с XIII до XIX века, содержание коннотации понималось далеко не так

объёмно и разнообразно, как сейчас. Понятие коннотации использовалось исключительно при логической дифференциации в пределах трактовки прилагательных, обозначающих, как считалось, конкретные объекты, которым присущи определённые свойства, и соозначающих или коннотирующих сами эти свойства.

В конце XIX – начале XX века представление о коннотации было интенсивно развито в логике Д. С. Миллем и в языкознании К. О. Эрдманном. У Д. С. Милля понимание коннотации всё ещё сильно отличается от актуального сейчас в науке, в то время как именно с книги 1900 года К. О. Эрдманна «Значение слова», где в содержании слова выделяется понятийная сторона, попутный смысл и чувственная ценность, начинается активное изучение теории коннотации в том виде, в котором она усреднённо принята и в современных исследованиях. После выхода этого научного труда коннотативный аспект значения становится как самостоятельным объектом исследования, так и способом изучения различных явлений во множестве родственных чистому языкознанию направлений: диахроническое изменение значения (Г. Шпербер); лингвистическое описание экстралингвистических (социальных, региональных, технических и культурных) факторов, проявляющихся в обращении с языком (Л. Блумфилд); стилистическая организация речи (Ш. Балли), психолингвистика (Ч. Осгуд и др.), семиотика (Л. Ельмслев).

На взглядах Ш. Балли основано понимание коннотации как стилистического созначения, но для нас важно отметить, что в его работе «Французская стилистика» большое внимание уделяется и характеристике субъекта речи (автора текста), скрытой в индивидуальной реализации коннотативной системы значений и ставшей для нас мотивацией выделить коннотацию наличия не как присущую языковой единице в речи, а как вывод из её присутствия, соотносящийся с неязыковыми чертами субъекта речи (автора текста) и ситуации. Ярко свидетельствующие об этом цитаты

из «Французской стилистики» приводит В. Н. Телия в качестве эпиграфов к главам «Коннотация и оценка» и «Экспрессивно окрашивающая функция коннотации» (Телия В. Н., 1986, с. 21, с. 110) труда «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц», который в отечественной науке по праву считается фундаментальным исследованием коннотации и к которому мы будем обращаться далее в тексте работы.

Ч. Осгуд провёл известный психолингвистический эксперимент, в котором описал коннотативный профиль слов у отдельных людей и групп с помощью распределения их реакций на слова по шкале оценок. В. И. Говердовский приводит противоречащее обоснованности такого лингвистического эксперимента мнение У. Вейнрейха: «Осгуд не исследовал ни денотативного, ни коннотативного значения, но только аффективную сторону слова, его так называемое эмотивное воздействие, его способность вызывать у говорящих эмоциональную реакцию, исследование которой, по его словам, не подлежит ведению лингвистики» (Говердовский В. И., 1979). Это замечание идёт вразрез с современным представлением как о коннотации, так и о проблемном поле лингвистики. Далее в нашей работе будет освещена проблема эмотивности речи в современной науке и роль эмотивного компонента в структуре коннотации. Системность коннотаций и наличие в их структуре экстралингвистической информации в качестве и мотивирующего основания, и характеристики функционирования и реализации наталкивает на необходимость обратиться к термину из обихода московских и тартуских структуралистов (Лотман Ю. М., 1965) – *экстралингвистическая моделирующая система (вторичная моделирующая система, моделирующая семиотическая система)*. Далее мы остановимся на этом вопросе более подробно.

Прежде чем сосредоточить внимание на исследованиях, рассматривающих коннотацию в русском языке и на русском языке,

следует упомянуть ещё несколько имён зарубежных учёных, идеи которых представляются более чем значительными. Это французский философ Р. Барт, сформулировавший определение коннотации применительно к текстовому анализу: «связь, соотнесённость, анафора, метка, способность посылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным – контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» (Барт Р., 2000, с. 17–18]. Пример такой соотнесённости текстовой коннотации слова *осёл* со множеством контекстов публицистической полемики об искусстве, сопутствовавшей появлению новых направлений в живописи, представлен в стихотворении Саши Чёрного «Рождение футуризма», проанализированном в Приложении к данной работе. В 1970 году Р. Барт выдвинул теорию, в которой слой коннотативных означаемых предстаёт воплощением определённой идеологии. Наша точка зрения на мифоструктурирующую функцию коннотативной семантики слова имеет много общего с его взглядами.

Концептуальный анализ, получивший развитие после публикации книги Д. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» (Лакофф Д., Джонсон М., 2004), напрямую не обращается к термину *коннотация*, но аналогия очевидна: в описании метафорических концептов языкового мышления прослеживается тот же механизм, но речь идёт уже не об идеологии, а о ментальности культурных общностей. Так как задачей данной работы является анализ не самих экстралингвистических факторов, а их проявления в коннотативной системе значений, мы не будем делать различия между этими двумя источниками коннотативных оснований метафоры.

Функционирование термина в современной зарубежной науке представляется несколько иным, чем в отечественной, с чем, помимо хронологии, связана последовательность отсылок в данном разделе к работам европейских и американских учёных, как и к работам на русском

языке. В англоязычных исследованиях последних десятилетий меньше работ по проблеме коннотации, чем на русском языке. Термин используется в зарубежных работах по лингвистике, теории перевода и литературоведению, однако его содержание редко подвергается детальному анализу, его смысл скорее является подразумеваемым, а не обсуждаемым (Salah Salim Ali, 2006). Даже словарное определение противопоставления денотации и коннотации в словаре “Dictionary of the social sciences” носит общий характер в сравнении с толкованиями понятия коннотации в отечественных словарях и научных работах, которые будут приведены ниже, и гласит следующее: «Различие между первичным и вторичным значениями, ставшее важным для структурной лингвистики и литературоведения в 1920-е гг. Денотация относится к буквальному или общепринятому значению слова; коннотация относится к производному значению или ассоциации, связанной со словом» ([Dictionary of the Social Sciences](#) Edited by Craig Calhoun, 2002, с. 371). Начало использования термина *коннотация* в мировой лингвистике непосредственно в рамках лексикографического направления описал Ю.Д. Апресян. Он отмечает сложность в точной датировке первого терминологического употребления слова *коннотация*, утверждая, что в английской лексикографической литературе, связанной с теорией синонимических словарей, он был в ходу уже в середине XIX века (Апресян Ю. Д., 1995, с. 157–158).

Жизнь термина в отечественной науке гораздо менее продолжительна. Нам кажется разумным не начинать отсчёт его истории раньше, чем с 50-х гг. XX века. Конечно, с некоторой долей фантазии можно говорить даже о том, что и в ломоносовской системе трёх штилей явление коннотации имеет значение, но не выделяется специально. Н. Г. Комлев отмечает, что А. А. Потебня и Ф. Ф. Фортунатов, не обращаясь к понятию *коннотации* или *созначения*, признавали важность чувственных

элементов в языке (Комлев Н. Г., 2006, с. 113). Термин *коннотация* в 50-е гг. не был распространён. В книге В. А. Звегинцева «Семасиология» 1957 года используется термин *созначение*, очевидно калькированный, так как автор многократно ссылается на труды иностранных исследователей, где фигурирует оригинальное название. В. А. Звегинцев называет этим словом все элементы содержания слова, выходящие за пределы его прямого значения: эмоциональный, ассоциативный, окказиональные оттенки значения и т. д. При этом он вступает в полемику о созначении с авторами советских учебников по языкознанию (Р. О. Шор, Н. С. Чемоданов, А. М. Финкель, Н. М. Баженов,) (Звегинцев В. А., 1957), не признавая экспрессивно-эмоциональные элементы частью значения слова, требуя по этой причине исключить их из сферы интересов семасиологии и оставить полностью в ведении стилистики «в широком понимании этой дисциплины» (Звегинцев В. А., 1957, с. 185), т. е. не предполагая возможности для исследования коннотации выделиться в отдельное направление даже внутри стилистики. Поначалу такими рамками и было органичено функционирование понятия *коннотация* в отечественной науке. Один из основоположников современной стилистики Г. О. Винокур ещё не использует этот термин, но его широкое понимание стилистических вариантов имеет много общего с представлением о коннотации.

В 1966 году термин упоминается в «Словаре лингвистических терминов», составленном О. С. Ахмановой, в известном нам и распространённом сейчас значении: «КОННОТАЦИЯ англ. connotation, фр. connotation. I. (добавочное значение, окраска, окрашенность). Дополнительное содержание слова (или выражения), его сопутствующие семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов и могут придавать высказыванию

торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т. п. 2. Значение как инвариант (сигнификация, интенциональное значение и т. п.) в противопоставлении денотации, мыслимой как экстенциональное значение, соотнесение с данным референтом и т. д.» (Ахманова О. С., 1969, с. 203–204). За прошедшее с того момента время (более полувека) ничего противоречащего приведённому определению о коннотации сказано не было, однако все названные в словаре «обертнами» (как у О. Эрдманна) компоненты значения по отдельности и в разных комбинациях исследовались углублённо и выдвигались на первый план при анализе разных видов языкового материала и при решении конкретных лингвистических задач. Для нас спорным является только последнее утверждение, присутствующее в словарном определении термина *коннотативный*: «Такой, который не просто указывает на предмет, но и несёт в себе обозначение его отличительных свойств; противоп. денотативный. *Коннотативный артикль. Коннотативный глагол. Коннотативное имя.* Нарисательное имя является коннотативным в отличие от собственного, являющегося денотативным» (Ахманова О. С., 1969, с. 203–204). На наш взгляд, собственные имена также имеют коннотативную нагруженность.

Уже в 70-е гг. центральное понятие нашей работы прочно входит в терминологическую базу русскоязычной лингвистики. В работе К. А. Долинина «Стилистика французского языка» 1978 года коннотации посвящён отдельный параграф, в котором она рассматривается как «исходное понятие анализа художественного текста» (Долинин К. А., 1978). Примерно в этот же период появились труды Н. Г. Комлева (Комлев Н. Г., 1992), Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1980), Г. В. Колшанского (Колшанский Г. В., 1965), В.И. Говердовского (Говердовский В. И., 1977) и И. А. Стернина (Стернин И.А., 1979). На эти работы исследователи проблемы коннотации

продолжают опираться и сейчас, рассматривая типологию, структуру и культурный компонент коннотации, а научное освещение развития термина преимущественно основывается на статьях В. И. Говердовского «История понятия коннотации» (Говердовский В. И., 1979) и О. Г. Ревзиной «О понятии коннотации» (Ревзина О. Г., 2001).

Если обратиться к более современным общим и специальным терминологическим словарям, можно увидеть, что представление о коннотации со времён О. С. Ахмановой мало изменилось, см., например, Толковый переводоведческий словарь (2003 г.): «1. Дополнительные ассоциации, которые слово вызывает в сознании носителей данного языка. 2. Добавочное значение (дополнительное содержание, окраска, окрашенность) слова (или выражения), его сопутствующие или стилистические оттенки, которые накладываются на его основное значение, служат для выражения разного рода экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, которые могут придавать высказыванию торжественность, игривость, непринуждённость, фамильярность и т. д. 3. Значение как инвариант в противопоставлении мыслимой как экстенциональное значение, соотнесение с референтом. 4. Сумма эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на конечный смысл воспринимаемого высказывания. <...> 5. Дополнительное содержание лексической единицы, которое накладывается на её основное значение, оно выражает эмоционально-оценочные оттенки» (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии») и Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой: «Устойчивая ассоциация в языковом сознании говорящего, которую вызывает употребление какого-либо слова в определённом значении (в лингвистике)» (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии»). Отличия определений в этих и других словарях связаны, скорее, не с разным пониманием сути коннотации, но с разной

расстановкой акцентов, с учётом разных фаз функционирования коннотации, её формирования, ранжирования компонентов, реализации в речи говорящего или в тексте автора и её восприятия собеседником, слушателем или читателем. Далее в работе мы будем более детально анализировать эти фазы в соотношении с проявляющимися в них разными компонентами коннотативного значения.

В связи со своей многоплановостью термин *коннотация* применяется в различных областях лингвистических исследований, не ограничиваясь стилистикой. С понятием коннотации связывается широкий круг разнородных явлений, вследствие чего многие исследователи говорят о размывании понятия, однако в нашей работе эта точка зрения не разделяется. С развитием лингвистики как таковой и антропоцентрического подхода в лингвистике понятие коннотации в науке о языке постепенно расширялось, включая в себя различные аспекты понимания сути описываемого явления. В этом процессе наглядно отражается и эволюция представления о языке через включение множества внеязыковых факторов в механизмы его развития. Явление коннотации оказывается универсальной категорией культуры, существует и критическая точка зрения на использование понятия в научном обиходе: «понятие *коннотация* в последнее время превратилось в универсальную отмычку, позволяющую легко открывать двери, замкнутые доселе для пытливого научного ума, в нечто, дающее возможность объяснить всё то, что традиционному объяснению не поддаётся» (Гудков Д. Б., Ковшова М.Л., 2007, с. 146). Сейчас в исследованиях много внимания уделяется разночтениям теорий коннотации и их сопоставлениям, причём акцент делается авторами на несогласованности в понимании термина и на то, что единое обобщающее определение должно положить конец тянувшимся разногласиям. Изучение многих современных работ по вопросу коннотации может создать впечатление, что прогресс в изучении вопроса

достигается путём краткого освещения эволюции понятия и выбора из её этапов положений, наиболее полно отвечающих концепции автора, в целях создания совершенного и всеохватывающего определения, снимающего все разногласия. Полагаем, что продолжение попыток выработки определения нецелесообразно, так как в имеющихся по этому вопросу работах оно ясно и полно сформулировано и не противоречит новейшим теориям в лингвистике. Поэтому мы не видим причин не принять в качестве рабочего определения то, которое приведено в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой и уже было процитировано выше. Мы намеренно не обращаемся в данном разделе к работам В. Н. Телии и Ю. Д. Апресяна, хотя для нашего исследования они крайне важны, так как не относим их непосредственно к истории термина, но при рассмотрении механизмов коннотации и её лексикографического описания они станут для нас основополагающими.

За всю историю использования содержание и сфера функционирования термина *коннотация* претерпели значительные изменения. Если раньше понятие коннотации описывало логические связи в теоретической структуре значений, определяя и характеристики грамматических категорий, то сейчас мы связываем его с более подвижными факторами, относящимися к деятельности мышления и эмоционально-оценочного восприятия человеком действительности. Так, Ю. Д. Апресян дал уже устоявшееся и общепринятое определение коннотации лексемы как «несущественных, но устойчивых признаков выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности», уточняя, что она «не входит непосредственно в лексическое значение слова и не является следствием или выводом из него» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 158–159). Далее в тексте работы мы

подробно рассмотрим вопросы соотношения и зависимости коннотации от лексического значения.

Если в зарубежной лингвистике, на наш взгляд, развитие понятия коннотации замедлилось, оно стало, скорее, вспомогательным элементом в решении других проблем, то в отечественной науке в последние годы его актуальность поддерживается множеством статей и диссертационных исследований, концентрирующихся на разном языковом материале и конкретных текстовых функциях коннотации. Не пытаясь определить явление по-новому, далее мы перейдём к решению спорных вопросов о сути и структуре коннотации разных языковых единиц и выделим фазы функционирования коннотации с учётом избранного языкового материала, в который входят лексемы лексико-семантической группы зоонимов.

1.2. Коннотация: особенности её локализации и определения роли в системе значения слова

За рассмотрением вопроса общего определения коннотации как термина должен следовать анализ самого явления, называемого этим термином. На этом этапе мы встречаемся с одним из дискуссионных вопросов семантического направления в лингвистике, к которому относится изучение проблемы коннотативного значения: с неоднозначностью представления о значении как таковом и его соотношении со знаком. Ярким примером глубины интереса к связи слов и вещей и образованию значения в истории человеческой мысли являются представления философов-стоиков о лектоне (отношении имени к смыслу). Существование двух традиций «сильной» (внешней) и «слабой» (внутренней) семантики (Кобозева И. М., 2000, с. 22) соответствует, на наш взгляд, не только разным взглядам исследователей на значение как предмет семантики и на сам язык, но и диаметрально противоположным

мировоззренческим и в некотором смысле религиозным установкам. И. М. Кобозева, обобщая подходы к анализу значения слова, пишет так: «представители этого направления [сильной семантики] считают, что описать значение языкового выражения – значит сформулировать правило, по которому можно установить, что соответствует этому выражению в действительном мире или в некоторой модели мира. <...> Слабая семантика считает значения языковых выражений ментальными сущностями, принадлежащими не описываемому миру, а сознанию человека. Языковые значения – это не фрагменты мира, а способ их представления, отражения в сознании» (Кобозева И. М., 2000, с. 22–23). Именно представление вопроса о значении слов сложнейшим теоретическим вопросом семантики мотивирует нас исходить при его рассмотрении из философии языка, а не только из собственно лингвистических положений.

Коннотация, как уже было сказано в предыдущем разделе, это и процесс изменения в структуре значения, и результат этого процесса, и проявление результата в речи субъекта, и его интерпретация слушающим или читающим. Функционирование коннотации включает несколько *фаз*, по-разному соотносящихся с внеязыковой действительностью, структурой значения конкретного слова, его выбором, использованием в речи и интерпретацией.

Приведём метафорическое толкование значения, сформулированное А. Ф. Лосевым: «он [смысл термина *значение*] выражает собой точку встречи знака и обозначаемого, ту смысловую арену, где они, встретившись, уже ничем не отличаются друг от друга» (Лосев А. Ф., 1995). В этой трактовке выражена точка зрения, именуемая унилатеральным представлением о значении, т. е. не фокусирующаяся на противопоставлении знака значению. С этим связаны и взгляды А. Ф. Лосева на природу реализации значения, которые мы также разделяем:

«значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста» (Лосев А. Ф., 1995).

Следует иметь в виду и существенную условность основных научных представлений о языке как знаковой системе: «само понятие “знак” окружено десятками других, очень близких, но отнюдь не совпадающих с ним понятий. В головах и языковедов и неязыковедов царит путаница по поводу семиотической и близкой к семиотике терминологии. В настоящее время только не искущённый в лингвистике может считать вопрос о знаках простым и ясным, специалисты же давно потеряли точное и единообразное понятие о знаке» (Лосев А. Ф., 1995). Глубина научного подхода к тем или иным вопросам лингвистики заключается иногда в сознательном отказе от чрезмерного углубления: «такие слова, как знак или значение, в своих логических истоках просто неопределимы. Мы не определяем, что такое язык, считая, что такое определение будет излишним и слишком уж очевидным. Точно так же мы не будем определять и того, что такое сообщение или содержание сообщения, а тем самым и того, что такое вообще информация. <...> Одно только необходимо сказать: не нужно стремиться к окончательным и немедленным определениям» (Лосев А. Ф., 1995). В определении значения есть не только терминологические сложности, но и практические, конструктивные: «Никто не в состоянии определить ядро значения удовлетворительным образом: оно остаётся фантомом логической абстракции» (Звегинцев В. А., 1957, с. 228).

Обращение к элементарнейшим вопросам теории языкового знака способно ответить на многие спорные вопросы о сущности и проявлениях так называемых дополнительных значений, коннотаций. К таким вопросам относятся следующие: включение или невключение коннотации в состав лексического значения, разделение в семантическом содержании коннотации и денотации, наличие или отсутствие коннотированности у

некоторых лексем, а также вопрос выбора изолированного или контекстуального анализа коннотативной семантики слова. Кроме того, представляется спорным и тезис, определяющий коннотативную семантику как «дополнительное» и «второстепенное» значение. Несомненно, что она дополняет денотативное содержание и сопутствует ему при реализации лексемы в речи, однако назвать её второстепенной мы не считаем возможным. Аргументация такой позиции будет приведена в подразделе 1.2.2.

1.2.1. Коннотация в составе лексического значения

Роль дополнительных смыслов слова в его лексическом значении всегда становилась в лингвистической науке предметом споров (Ю. Д. Апресян, Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Ю. П. Солодуб). Некоторые из них соотносятся с противопоставлением смысла и значения слова на основе «семантического треугольника» Ф. Л. Г. Фреге и других схем, появившихся позже, с распределением семантической информации по «зонам» сигнификата, денотата, референта и отсутствием у коннотации постоянного места в этих схемах; другие акцентированы на эмоционально-чувственной стороне использования языка или на его культурно-идеологической выразительности. Как кажется, корнем разногласий в вопросе включения или невключения коннотации в структуру лексического значения является разная глубина укоренения в лингвистических подходах представления о том, что существует объективная норма, связывающая язык и действительность, а каждому знаку-слову соответствует ограниченное количество означаемых, непосредственно присутствующих в реальности или являющихся общеупотребительными метафизическими конструктами.

Ярким примером, на котором прослеживается противопоставление лингвофилософских подходов, является приведённая в советском учебнике В. А. Звегинцева «Семасиология» критика взглядов В. В. Виноградова: «Неприемлемое, с нашей точки зрения, определение лексического значения слова содержится в книге В. В. Виноградова «Русский язык» (Учпедгиз, 1947, стр. 14). «Вне зависимости от его данного употребления, пишет он, слово присутствует в сознании со всеми его значениями, со скрытыми и возможными, готовыми по первому поводу всплыть на поверхность. Но, конечно, то или иное значение слова реализуется и определяется контекстом его употребления. В сущности, сколько обособленных контекстов употребления данного слова, столько и его лексических форм». Из этого определения явствует, что слово не обладает никакой смысловой самостоятельностью (его значение определяется контекстом его употребления) и что любое употребление уже есть и значение слова» (Звегинцев В. А., 1957, с. 224). Мы же будем придерживаться точки зрения, родственной процитированной Звегинцевым мысли В. В. Виноградова, так как преобладающую часть семантического объёма, проявляющегося в употреблении слова, составляет именно информация, выходящая за рамки лексикографически закреплённых лексико-семантических вариантов и поэтому называемая «дополнительной». Однако именно такая информация, т. е. коннотация слова, и является той самой валентностью основного лексико-семантического варианта (ЛСВ), на основе которой происходят процессы полисемии, омонимии, образования переносных значений.

Творческая сила, определяющая динамику семантической системы языка, – это склонность языкового сознания человека к метафоризации, его фантазия и когнитивные механизмы, заставляющие его связывать сложное и трудноопределимое явление с известным и простым. Далее эта точка зрения будет освещена подробнее, здесь же для нас важна та мысль,

что «дополнительные» коннотативные компоненты содержания слова нецелесообразно исключать из структуры лексического значения, если только не предположить, что целью формулирования лексического значения является буквальный ответ на элементарный вопрос «что такое...?» Ответить на него несложно, поэтому нас должна больше интересовать возможность интерпретации мотива, заставляющего сознание человека приписывать тому или иному слову-знаку определённые значения и использовать его в зависимости от внешних условий и их восприятия.

Аксиома II А. Ф. Лосева «всякое обозначаемое и тем более означаемое предполагает, что есть знак, которым оно обозначено» (Лосев А. Ф., 1995, с. 75) вводит коннотации в семантическую систему на равных правах с основными значениями. Разница здесь только количественная, так как коннотация может занимать меньшую или большую часть семантического объёма той или иной единицы языка. Элементарная аксиома VI «Всякий обозначаемый и уже тем самым всякий означаемый предмет необходимо требует для себя своего собственного и специфического, а главное, своего собственного внезнакового носителя» (Лосев А. Ф., 1995, с. 79) тоже важна для понимания основополагающих признаков коннотаций. Исходя из неё, мы утверждаем, что все отражённые в коннотативных значениях обстоятельства присутствуют в реальности или в её отражении сознанием, то есть нечто фантастическое из области мифопоэтических представлений, любой субъективный вымысел или психическая деформация могут быть обозначены только в случае своего существования или в случае существования представления о них. Аксиома структуры XX «Всякий знак имеет свою собственную структуру» (Лосев А. Ф., 1995, с. 96), аксиома модели XXI «Всякий знак является либо моделью для самого себя, либо для каких-нибудь других предметностей того же типа» (Лосев А. Ф., 1995, с. 96) подводят нас к

концепции индивидуальных вариантов схемы лексикографических описаний в соответствии с частными структурами значения каждого рассматриваемого языкового знака, которая будет развита в Главе 3.

Если не сосредотачивать внимание на понимании языка как системы правил и норм, применяемых в речи и, соответственно, на нормативной функции лексикографии, а определять его как «систему изоглосс, соединяющих индивидуальные лингвистические акты» (Комлев Н. Г., 1992, с. 46) или как «всю совокупность высказываний, которыми может пользоваться данная общность» (Комлев Н. Г., 1992, с. 46), то становится очевидным, что коннотативные стороны лексической семантики в речи и в художественном тексте имеют большее значение по сравнению с денотативным содержанием слова. Изолированное от контекстов употребления значение слова может трактоваться как пёстрый набор семантических компонентов, появление которых обусловлено как раз предшествующими моменту «изоляции», т. е. анализа, контекстами. А. А. Потебня писал: «В слове всё зависит от употребления. Употребление включает в себя и создание слова, так как создание есть лишь первый случай употребления» (Потебня А. А., 1999, с. 32). Набор, накопленный употреблением, – это потенциальный объём значений и их оттенков, который определённым образом актуализируется при каждом отдельном применении.

Две наиболее авторитетные в современной русской лингвистике концепции коннотации Ю. Д. Апресяна и В. Н. Телии соответствуют разным представлениям не только об объёме понятия, но и о статусе коннотации в структуре лексического значения. Ю. Д. Апресян исключает коннотацию из состава лексического значения, понимая её как «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности, не входящие

непосредственно в лексическое значение слова и не являющиеся следствиями или выводами из него» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 159). Для В. Н. Телия коннотация – «эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска лексической единицы узувального или окказионального характера; в структуре коннотации ассоциативно-образный компонент выступает как основа оценочной квалификации» (Телия В. Н., 1986). В. Н. Телия включает в коннотацию три компонента: эмоциональный, оценочный или стилистический, а также ассоциативно-образный, являющийся основой оценки, при этом она понимает как части значения слова оценочный, мотивационный, эмотивный, стилистически маркированный компоненты. То есть исследовательница включает все коннотативные компоненты в том или ином виде в структуру значения слова. Мы обратимся к этой классификации при рассмотрении фаз функционирования коннотации (см. следующий параграф), а с точки зрения представления о подвижной иерархической структуре коннотативного значения нам важно отметить определение Ю. П. Солодуба, согласно которому она представляет собой многоуровневую синтезирующую суперструктуру, в которой иерархия компонентов может быть представлена по-разному: вершиной её может быть экспрессивность, эмотивность или оценочность (Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., 2002, с. 223).

Н. Г. Комлев пишет: «Коннотация не является элементом материальной структуры слова-знака. Её компоненты создаются в процессе восприятия слов-знаков» (Комлев Н. Г., 2000, с. 108–109). Невозможно оспорить это утверждение, однако мы сталкиваемся с вопросом, который неизбежно встаёт при исследовании сознания и мышления: как и в каком виде существуют, и существуют ли вообще объекты исследования, в данном случае – слова-знаки вне восприятия, и как найти подход к их описанию, как говорить о сознании не на языке

сознания? Вопросы теории такого метаязыка не относятся к нашей проблемной области, и здесь нет возможности их рассматривать.

Мы видим, что в современной науке точки зрения на вопрос о месте коннотации в структуре лексического значения по-прежнему не были унифицированы. Нельзя назвать единство взглядов необходимым для прогресса науки в целом, скорее, наоборот, нам представляется важной гибкость представлений о коннотации, позволяющая использовать это явление в разных исследованиях. В данной работе мы будем исходить далее из невозможности ответа на вопрос о том, входит ли коннотация в структуру лексического значения, принимая во внимание большую условность трактовки самого понятия *лексическое значение*.

Если выносить коннотацию за пределы лексического значения, то в его рамках остаётся только попытка представления языка как точного отражения объективной действительности, что видится не совсем верным. Н. Г. Комлев так комментирует это в своей работе «Компоненты содержательной структуры слова»: «Описывая лексическое понятие, а также другие компоненты семантического содержания слова, следует иметь в виду, что абсолютная самостоятельность (по отношению к головному мозгу и биопсихическим процессам индивида) есть иллюзия» (Комлев Н. Г., 2006, с. 80) и цитирует далее очень важную для нашей работы мысль Е. Гродзинского: «Ибо если уверовать в идеальность значений, то дальнейшие вопросы на тему того, что такое значение, становятся уже беспредметными» (цит. по Комлев Н. Г., 2006, с. 80). Определение лексического значения у неактуализированных в употреблении слов и утверждение самого факта его существования – крайне сложный вопрос: «Всякий знак получает свою полноценную значимость только в контексте других знаков, понимая под контекстом широчайший принцип» (Лосев А. Ф., 1995), в то время как разовое использование слова уже является элементарной единицей, составляющей

его значение, а коннотативные компоненты разных типов, о которых подробнее будет сказано в следующем разделе, присутствуют при использовании слова практически всегда, если целью речи или текста не является максимально объективное и бесстрастное изложение факта, хотя и в таких случаях зачастую за денотативным смыслом стоит ещё один, связанный непосредственно с наличием слова, его выбором для выражения мысли. Чисто денотативные высказывания возможны только при сознательном конструировании, например, в учебных целях. Тематическая группа зоонимических лексем обладает уникальной по своей насыщенности дополнительной семантикой, их коннотация настолько глубоко укоренена в языковой традиции, что не рассматривать её как составляющую часть структуры лексического значения невозможно, этот пласт лексики «составляет основу образных средств языка – метафор и фразеологизмов <...> Они будят воображение» (Арутюнова Н. Д., 1999, с. 23). В каком-то смысле это учитывает и нормативная лексикография, так как переносные значения слов, появившиеся на основе коннотации, включаются в словарные толкования. Здесь следует упомянуть и концепцию А. А. Потебни, получившую развитие в работах по семасиологии. Учёный выделяет в значении двуплановое содержание: образ и понятие, которые опосредованы совокупностью частных суждений об образе (сем), образующих понятие. Подробное рассмотрение соотношения значения и понятия не входит в наше проблемное поле, но действительно важной для нашего исследования характеристикой понятия является наличие в нём понятийного ядра, близкого к терминологическому, и наивной стороны понятия, состоящей из результатов чувственно-образного отражения объекта номинации в сознании. Именно эта наивная сторона понятия и является, на наш взгляд, камнем преткновения в спорах о месте коннотативного компонента в семантике слова, так как качества,

например, тигра (опасный, яростный, грациозный) могут трактоваться и как неотъемлемая часть значения лексемы *тигр*, и как вариативные и субъективные оценки.

Итак, учитывая высокую степень умозрительности границ сферы лексического значения, мы считаем, что коннотации не могут быть полностью вынесены за его пределы. При анализе лексико-семантической группы зоонимов мы не будем выносить коннотативную семантику за пределы лексического значения, так как их коннотации очень тесно связаны с семным составом большинства понятий животного мира, а для жизни языка гораздо важнее так называемая «наивная» семантика, чем объективное научное содержание лексического значения. Словарный состав языка и его денотативный слой отличаются некоторым постоянством, к настоящему времени он качественно, подробно и методологически продуманно описан в словарях.

Истолкование языковых значений предполагает три ступени интерпретации: «буквальную (или дословную, “прямую”); эстетическую (коннотационную, эвфонетическую) и высшую (прагматическую, идеологическую, “переносную”)» (Алефиренко Н. Ф., 2005, с. 12). Современная лексикография уже не ставит перед собой задачи ответа на вопросы модели «что такое...?» Эти функции настолько автоматизированы информационными технологиями, что при толковании зоонимической лексики, принадлежащей к одному из важнейших источников языковой образности, следует уделять внимание и действительной реализации антропологического подхода, отвечая на вопросы «что ... значит для нас и почему?», отмечая изменения значения и интересуясь мотивацией этих изменений, то есть делая коннотацию предметом лексикографического толкования слова.

1.2.2. Отношения коннотации и денотации в семантике некоторых групп лексики и слова в целом

В лингвистике существуют разные представления о соотношении сторон содержания слова. Несмотря на то что имплицитный слой смыслов, как правило, преобладает над эксплицитным количественно, коннотативные значения неизменно воспринимаются как второстепенные по отношению к денотативным.

Отношения коннотации и денотации слова при его употреблении не могут рассматриваться вне связи с общей характеристикой их потенциального семантического объёма, так как свойства коннотации, как представляется, находятся в зависимости от особенностей денотации.

Мы предполагаем, что коннотация как таковая появляется у того или иного слова в момент пересечения обозначаемым им объектом или явлением определённого порога значимости для языкового сознания. Значимость эта может быть как практической, так и эмоциональной.

Слова могут быть разделены на группы по виду их денотатов, мы будем пользоваться в этих целях классификацией Н. Г. Комлева. Сначала учёный противопоставляет объектам языкового характера объекты внеязыковой действительности. Слова первой группы – это, во-первых, мета-лексика, означающая языковые акты, к ней же относятся и универсальные слова, сохранившие внеязыковую референцию, например, *туманный* (выражение и воздух), *грубый* (слово и поведение), во-вторых, функциональная лексика, обозначающая исключительно языковые отношения: предлоги, союзы, местоимения и др. Их денотаты – языковые факты и отношения (Комлев Н. Г., 1992, с. 84).

Объекты внеязыковой действительности, к которым отсылает денотативная семантика слов, разделяются на три вида: телесные, феноменальные и конструктивные. Конструктивные объекты составлены из

фрагментов реальности, соотносятся с фантастическими представлениями и пустыми классами, они «образуют мысль, которая и служит объектом языкового обозначения» (Комлев Н. Г., 1992, с. 86), например, *кентавр*, *ведьма*, *естественный спутник Луны*. Феноменальными объектами являются некоторые свойства телесных объектов, их действия, качества и отношения.

Понимая под самим фактом коннотированности противопоставление денотации, следует признать, что, например, для слов, обозначающих чувства и их оттенки, проблема разграничения разных компонентов значения лексемы не может иметь полноценного решения как таковая. Эта мысль продиктована неопределённостью денотата, а следовательно, и лабильностью всех сторон семантики слова. То есть если исходить из представления о формировании коннотации из увеличения значимости, то слова, называющие состояния души человека и незримые абстракции, являются, скорее, названием суммы коннотаций, оттенков значений одного неопределимого понятия. Говоря об упомянутой классификации денотатов, Н. Г. Комлев также отмечает, что в ней «неясное место занимают объекты интроспективной психической жизни» (Комлев Н. Г., 1992, с. 87). В семантике лексем этого типа значительная часть содержания приходится на рациональный сигнификативный слой, а не на конкретно-чувственный денотативный, который может быть и пустым. Нам кажется, что характеристику класса «объекты интроспективной психической жизни» можно несколько уточнить. Так, лексемы, обозначающие черты характера человека, никогда не бывают лишены оценочного компонента семантики, причём он даже не рефлексивируется как оценка, так как общественному сознанию, «здравому смыслу» очевидно, что инертность, лень, недоброжелательность – это плохо, а энергичность, лёгкость характера, снисходительность – хорошо. Томас Манн писал в романе «Волшебная гора»: «К сожалению, когда мы говорим о тех или

иных особенностях характера, в наших словах всегда скрыта моральная оценка, либо хвала, либо порицание, хотя у каждой такой особенности всегда есть две стороны» (Манн Т., 1995, с. 161). Предполагаем, что это свидетельствует о соответствующем свойстве общего человеческого образа мира, делающем людей самым доступным объектом оценивания и требующем квалификации их качеств согласно усреднённым представлениям о прекрасном, здоровом и разумном.

Совсем иначе, с точки зрения коннотативного содержания, выглядят языковые способы выражения и приёмы описания состояния души, как и соответствующие этим состояниям ритуалы культуры (оплакивания, поздравления и т. п.), будучи закреплены в определённой рациональной форме, имеют мало отношения к содержанию чувства. Так, рассуждая о слагаемых ритуала скорби, М. Мамардашвили говорит: «Они, действуя на человеческое существо, переводят, интенсифицируя, его обычные состояния в другой режим жизни и бытия, в тот режим, в котором уже есть память, есть преемственность, есть длительность во времени, не подверженные отклонениям и распаду (которым они были бы подвержены, если бы были предоставлены естественному ходу самих натуральных процессов). Мы помним, мы любим, мы привязаны, имеем совесть (эти чисто человеческие состояния), когда мы прошли, как мясо, через формообразующую или делающую фарш машину» (Мамардашвили М. К., 2014, с. 17–18). Н. Г. Комлев пишет, что «именно представления помогают воспринимать и удерживать в памяти абстрактные лексические понятия, например, такие, как время, сила, дух и т. д.» (Комлев Н. Г., 1992, с. 111). Целью изучения любой знаковой системы является определение её содержания. Реальное же содержание называемых словами чувств никакими научными методами проанализировано быть не может, но лингвистическая сторона этого вопроса, естественно, может иметь решение, связанное с рассмотрением существующих языковых структур, а

не гипотетических построений, «потому что любая попытка детерминистского осознания начальных условий уже содержит в себе в скрытом виде сами эти начальные условия <...> генетически предшествующее начальное условие не восстановимо» (Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М., 1997). Невозможен даже метаязык для содержательного описания тех оттенков чувств, проявляющихся в человеке вне традиционного контекста употребления таких слов, как *боль*, *тоска*, *любовь*, т. е. они в некоторой степени создают свои значения сами, входя в концептуальную картину мира человека с детства и регулируя его представления о себе и мире всю жизнь.

Очень примечателен в этом контексте миф о древнеиндийской богине речи Вач. В посвящённом ей гимне она описывает себя сама и сама же называет своё имя в анаграмме. «В. выше неба и шире земли. Она владычица и собирательница богатств, наделяет ими всех; кого она любит, тот становится сильным, мудрым <...> Она порождает споры между людьми и насыщает тех, кто слышит сказанное ею. <...> Её называют божественной, царицей богов. <...> Шат.-бр. говорит о ней как об одной из жён Праджапати, создавшего **воды из мира в образе речи**. <...> Образ В. сложился на основе др.-инд. представлений о триаде мысль–слово–дело» (Топоров В. Н., 2014, с. 72–73). Современные концепции также регулируются рамками, метафорически присутствующими в этом описании речи: она говорит о себе сама, человек не может рассуждать о себе и своём мире вне языка, не может подняться над водами речи, потому что они всегда текут внутри него самого.

В толковании сложных понятий, выраженных, например, абстрактными существительными, не имеющими вещественного значения, вопрос о разграничении языка-объекта и языка метаописания нам не представляется разрешимым. Если неопределима область денотации, то и судить об объёме и границах коннотации кажется невозможным, само

разделение этих макрокомпонентов в структуре значения до некоторой степени условно.

Единственная область, в рамках которой возможно говорить о коннотациях подобных лексем, вторичные моделирующие системы художественного, этического, идеологического или иного типа (Лотман Ю. М., 1965, с. 23). Коннотативные элементы развиваются на основе денотации в результате включения слова в определённые отношения с другими элементами вторичной моделирующей системы. Так, Ю. М. Лотман приводит яркий пример вычленения контекстуальной коннотации лексемы *гений*, называемой им «значением понятия в системе романтизма» (Лотман Ю. М., 1965, с. 25), на основе антитезы гений – толпа, накладывающейся на оппозиции величие – ничтожество, исключительность, необычность – пошлость, заурядность, духовность – материальность, творчество – животность, мятеж – покорность и т. п. То есть все первые и все вторые члены оппозиций являются «вариантами некоего архизначения» (Лотман Ю. М., 1965, с. 26), которое и становится направлением и характером актуальной коннотации этих лексем. «Значение элементов возникает в их отношении» (Лотман Ю. М., 1965, с. 29), а для исследования коннотации отношение друг к другу таких лексем, как абстрактные существительные, позволяет не только наблюдать проявление их значения, но и разделять коннотативный и денотативный макрокомпоненты значения, и анализировать содержание этих компонентов. Однако нельзя упускать из виду тот факт, что реляционные элементы значений по очевидным причинам не должны без дополнительного рассмотрения переноситься в другие системы, т. е. они остаются актуальными только в рамках своей или схожих вторичных моделирующих систем. Так, слова *тоска*, *тревога*, *тщета*, *отчаяние* могут иметь функционально-стилистически ограниченное употребление, могут характеризоваться определённой традицией использования, однако

структурные вопросы коннотированности для лексем такого рода не могут быть решены, как мы уже отмечали выше, из-за их в буквальном смысле слова метафизической отнесённости, т. е. умозрительности денотации. Такие слова становятся вместилищем наиболее значимых и наименее определённых в кратком признаке представлений, объединённых понятием ментальности (Колесов В. В., 2014).

Не менее интересен вопрос соотношения сторон языкового знака применительно к чисто оценочным словам, принадлежащим к разным частям речи. Точный и не требующий доказательств ответ на вопрос «Что такое хорошо и что такое плохо?» возможен только в таком виде: это антонимичные друг другу наречия, соответствующие противоположным точкам на оценочной шкале. Человек с рождения слышит характеристики чего-либо в рамках этой оппозиции и считает её полностью реальной и доступной для осмысления, хотя сама оппозиция не существует нигде, кроме как в языке. Существует, конечно, и крайность в стремлении относить даже самые ясные из основных значений к условным «по примышлению сладкое, по примышлению горькое, а в действительности атомы и пустота» (Мамардашвили М. К., 2014, с. 89), но мы ограничимся выводом об отсутствии у абстрактных слов возможности развивать полноценную систему коннотативных значений, так как их лексическое значение уже перенасыщено примышлением большого количества разнородных признаков. Так, на наш взгляд, слово *горе* не имеет собственных коннотаций, в него включён неизмеримо широкий и детализированный диапазон человеческих чувств и оценок, которые сами по себе и являются источников коннотированности в языке, но фразеологизм *горе луковое*, где этот диапазон сужен благодаря иронической окраске, уже может реализовать в контексте дополнительные оттенки значения.

Иная природа коннотативной семантики у тех лексико-семантических групп существительных, которые обозначают предметы и явления, близкие человеку в период становления языковой традиции. К ним относятся пространственные характеристики, явления и объекты неживой природы, растения, животные, элементарные предметы обихода, части человеческого тела и детали облика (невербальные средства коммуникации). Коннотативная семантика этих слов очень богата, имеет по большей части культурную обусловленность и, в отличие от абстрактных существительных, определённым образом прямо или косвенно связана с денотатом (по Н. Г. Комлеву, телесные объекты занимают главенствующее положение среди объектов внеязыковой действительности по признаку бесспорной и очевидной связи денотата со словом-знаком (Комлев Н. Г., 1992, с. 84]). Даже полностью, казалось бы, нейтральные понятия ориентационных признаков имеют сложную систему сопутствующих значений, что подробно описано в 4 главе известной работы «Метафоры, которыми мы живём» Дж. Лакоффа и М. Джонсона (Лакофф Д., Джонсон М., 2004, с. 35–46).

По вышеизложенным причинам особенно привлекательна перспектива рассмотрения дополнительных культурных коннотаций именно той лексики, с предметами номинации которой у языкового сознания самые долгие и самые глубокие отношения. Человеческая фантазия и способность к абстрактному мышлению способствовала развитию сложной культуры, в языке эта динамика отразилась на всех уровнях: на грамматическом – в виде появления грамматических категорий и изменении и усложнении структуры предложения, на лексическом уровне имплицитно, в форме разветвлённой коннотативной системы слов. Лексемы, обозначающие доступные человеку для осмысления объекты, впитали в свою семантику всё, что было менее доступным познанию, но привлекало к себе внимание, опережая

позитивное знание происходящего в мире. Так, человеческое тело и его части вобрали в себя не только представления обо всех процессах мироздания, но и о происхождении всего сущего, что и воплотилось в мифе о первочеловеке Пуруше (Топоров В. Н., 2014). Лексико-семантическая группа зоонимов, выступавшая в давние времена как один из основных мифологических кодов, сохранила в своей активной, т. е. интерпретируемой и сейчас, коннотативной семантике множество элементов осколков более древних представлений о мире. В этом вопросе преимущество зоонимов перед названиями бытовых предметов и фитонимов обусловлено внеязыковыми факторами.

В настоящей работе мы обращаемся к исследованиям В. Н. Топорова о мифопоэтическом, так как общие мифы и коннотации, закрепляющие фрагменты мифов, сохраняются в языке и мышлении дольше всего. Таким образом, именно коннотации оказываются той частью семантической сферы языка, которая не только вмещает значимые для определённой культуры свойства номинируемого предмета или явления, но, что более важно, позволяет составить представление о том, как и почему у тех или иных языковых коллективов складывалась определённая система ценностей. Ярким примером в данном случае является слово *корова*, коннотированное в русском языке узко и даже несущее пейоративную семантику в переносном значении на основе денотативных признаков ‘крупная’, ‘грузная’, переосмысляемых с коннотативным оттенком отрицательной оценки, а также коннотативных признаков ‘неловкая’, ‘упрямая’. В поэтической речи примеров такого употребления мало по понятным причинам, их можно услышать в разговорной речи человека низкой культуры.

Здесь мы сталкиваемся с особенностью русского языкового сознания, которая заключается в тенденции к присвоению одомашненным животным, полезным в хозяйстве, негативных характеристик, относимых

обычно людьми к людям: глупость, нечистоплотность, упрямство, лень и т. п. Напротив, заимствованные из мифологии других народов представления, которые воплотились, например, в коннотациях, присутствующих во фразеологизме *священная корова* (индуизм, джайнизм, зороастризм) и порождённых представлением о *небесной корове* (древнеегипетская мифология), отличаются мелиоративными оттенками или отражают нейтральные метафорические значения: то, о чём не следует говорить, или обладание правовым иммунитетом (URL «Академик. Словари и энциклопедии»). Интересно, что такое употребление, основанное на заимствованной мифологии, для языка русской поэзии становится характерным в начале XX века. Это, по-видимому, объясняется волной популярности экзотических древних культур и религий Востока среди образованных людей. Ср.: *Я смиренная корова; / Нраву я была простова; / Грех мой, право, не велик: / Ободрал меня мясник* (В. А. Жуковский, 1815); *Один из них был тот, чей бык намнясь пропал, / Другой, – корова чья намнясь с двора пропала* (А. П. Сумароков, 1755); *Зашла раз корова к отцу за погост, / Махнул я её через крышу за хвост* (А. К. Толстой, 1867); и *Бык на цепи золотой, / В небе высоко ревьёт... / Вон и корова плывёт* (А. Н. Толстой, 1909); *Стихны, ветер, / Не лай, водяное стекло. / С небес через красные сети / Дождит молоко. / Мудростью пухнет слово, / Вязью колося поля, / Над тучами, как корова, / Хвост задрала заря* (С. А. Есенин, 1917); *И Великий Сфинкс, как корова, На Сахару прольёт удой* (Н. А. Клюев, 1921).

Наиболее ярко мифопоэтическая образность лексемы *корова* раскрывается в поэзии Н. А. Заболоцкого: *И вдруг открылся небосклон / С большим животным институтом. / Там жизнь была всегда здорова / И посреди большого зданья / Стояла стройная корова / В венце неполного сознания <...> Корова в формулах и лентах / Пекла пирог из элементов* (Начало науки, 1931); *Послушайте, деревья, речь / О том, как появляется*

корова (Пир в доме Бомбеева, 1933). Связь с общеиндоевропейскими представлениями о мировом древе особенно отчётливо проявляется в стихотворении Н. А. Заболоцкого «Искусство»: *Дерево растёт, напоминая / Естественную деревянную колонну. / От неё расходятся члены, / Одеты в круглые листья. / Собрание таких деревьев / Образует лес, дубраву. / Но определенье леса неточно, / Если указать на одно формальное строенье. / Толстое тело **коровы**, / Поставленное на четыре окончания, / Увенчанное хромовидной головою / И двумя рогами (словно луна в первой четверти). / Тоже будет непонятно, / Также будет непостижимо, / Если забудем о его значенье / На карте живущих всего мира.<...> Человек, владыка планеты, / Государь деревянного леса, / Император коровьего мяса, / Саваоф двухэтажного дома, – / Он и планетою правит, / Он и леса вырубает, / Он и **корову** зарежет, / А вымолвить слова не может. / Но я, однообразный человек, / Взял в рот длинную сияющую дудку, / Дул, и, подчинённые дыханию, / Слова вылетали в мир, становясь предметами. / **Корова** мне кашу варила, / Дерево сказку читало, / А мёртвые домики мира / Прыгали, словно живые (1930).*

Дерево символизирует общечеловеческую культуру, из него, тем подчинив его бытовой функции, было построено множество домов, так же и небесная корова, орошающая мир своим молоком, изменила своё место в иерархии живого мира. Образ человека-мясника, разрушившего естественный порядок жизни и расчленившего небесную корову, встречается в уже упомянутом стихотворении «Пир в доме Бомбеева»: *Послушайте, деревья, речь / О том, как появляется мясник. / Его топор сверкает, словно меч, / И он к убийству издавна привык. / Ещё растеньями бока **коровы** полны, / Но уж кровавые из тела хлещут волны, / А печка жизни всё пылает, / Горит, трещит элементар, / И человек ладонью подсыпает / В мясное варево сияющий кристалл. / В желудке нашем*

*исчезают звери, / Животные, растения, цветы, / И печки – жизни
выпуклые двери / Для наших мыслей крепко заперты.*

Так как мы считаем основным способом реализации коннотативного значения контекст употребления, мы можем проследить своеобразный график глубины и распространённости той или иной коннотации, исходя из частоты и характера её проявления. Инструментами такого анализа являются Национальный корпус русского языка и разнообразные словари и энциклопедии. Отчасти литературоведческое описание бытования лексемы *корова* в поэтических текстах служит для демонстрации параметра глубины, который к первой четверти XX века достиг своего максимального значения, т. е. структура и свойства мифопоэтического образа реализовались в контекстуальных коннотациях, отсылающих к «мифологическому образу космической зоны» (Топоров В. Н., 2014, с. 182) наиболее полно. До этого времени дополнительные по отношению к основному номинативному значения связывались только с денотативными характеристиками: *дойная корова, бодливой корове Бог рогов не дал, сидит, как на корове седло* – и с инвективным употреблением в переносном значении. После описанного периода, в советской поэзии и поэзии последних десятилетий в большинстве случаев лексема *корова* встречается в своём основном значении, мифопоэтическая коннотация присутствует в нём или, возможно, вне авторской интенции, см.: *Там, словно под тенью священного лавра, / Корова лежит с головой Минотавра, / Египетским богом там кажется дятел / И я наблюдаю, простой наблюдатель* (И. В. Чиннов, 1978); или поверхностно, см.: *Корова ли в калошах, / священная корова, / индийская богиня, / помчалась прогуляться / со скотного двора?* (С. В. Петров, 1940); *И венки из вьюнков и камелий / На рогах у священных коров* (А. Е. Адалис, 1947); или соответствует библейскому мотиву, см. у И. А. Бродского: *Звезда блестит, но ты далека. / Корова мычит, и дух молока / мешается с*

запахом козьей мочи, / и громко блеет овца в ночи. / Шнурки башмаков и манжеты брюк, / а вовсе не то, что есть вокруг, / мешает почувствовать мне наяву / себя – младенцем в хлеву (1964).

Таким образом, если механизм коннотирования в сознании человека сам по себе следствие его эволюции и средство развития общества как такового и разных объединений людей, согласно определённому «воображаемому порядку» общественных договоров, то содержание коннотации, та информация, которая сопутствует денотативным значениям слов, позволяет на уровне семантики частично охарактеризовать тип культуры, религиозных воззрений, идеологический порядок в обществе и бытующие в определённый момент культурные установки.

Коннотативная насыщенность слов, принадлежащих к разным лексико-семантическим группам, не одинакова, а степень глубины возможной коннотации обратно пропорциональна таким качествам значения лексемы, как степень его абстрактности, детализированности и наличием в денотации эмоционального компонента, поэтому зоонимическая лексика оказывается одной из наиболее интересных и целесообразных групп языкового материала для анализа культурно обусловленного коннотативного значения. Рассмотрение же абстрактной лексики, которое приведено в начале этого раздела, напротив, демонстрирует сложность выработки научного подхода к описанию их семантики.

Мы видим, что в лексической семантике невозможно дать однозначное определение отношений денотации и коннотации, но сужение материала исследования позволяет сделать это с большей точностью. Назвать коннотативную семантику зоонимов второстепенной возможно только с точки зрения причинно-следственных отношений на этапе возникновения, когда она отталкивалась от референта в реальном

мире. Сейчас же коннотативные свойства зоонимических лексем, наоборот, присваиваются человеком как частным референтам, так и денотативным классам сущностей. Коннотация может быть первостепенной по качественному признаку (для переносных значений зоонимов, где денотация как таковая составлена из коннотаций основного лексико-семантического варианта) и по количественному (в случаях реализации в контексте большого количества коннотативных сем). Тем не менее, роль денотативного значения очень важна. И. Р. Гальперин писал, что коннотация не отрицает денотацию, а «строится на ней и сосуществует с ней. <...> Она не может полностью заглушить “денотативный код”, поскольку именно этот код порождает всякого рода возможные (и даже невозможные) его варианты» (Гальперин И. Р., 1980, с. 16). Единственное, что представляется возможным утверждать, это то, что для разных слов степень отдалённости от денотата и детерминированности им является переменной величиной. Далее в работе мы будем подробнее рассматривать особенности зависимости от денотации отдельных компонентов коннотации. Рассмотрение роли коннотации с учётом функций языка демонстрирует, что именно она способствует реализации большинства из них (коммуникативной, кумулятивной, интерпретативной, регулятивной, эмоционально-экспрессивной, эстетической, этнокультурной).

Вопрос выделения зоны денотативного значения также не является однозначно решённым, поэтому определить точно, что знак означает, а что со-означает, т. е. какие из значений следует считать «дополнительными», возможно только при анализе каждого знака индивидуально.

В первую очередь коннотативные смыслы являются именно означаемыми, а дополнительно и второстепенно или облигаторно, это вопрос частного рассмотрения отдельных лексем. Взгляд на коннотацию

как на явление «удвоения мира» не позволяют нам считать её дополнительным и второстепенным свойством значения слова.

1.3. Практика выделения коннотативных компонентов значения

Существует множество исследований коннотации, сосредотачивающихся на её разных аспектах. Можно отметить, что к коннотативным значениям относят самые разнообразные смысловые элементы, соотносимые с денотатом коннотирующей лексемы разными способами. Целью данной части исследования является не обобщение работ исследователей, касающихся этого вопроса, но обобщённый анализ типов языковых выражений, которые обычно относят к коннотативной области, т. е. к области, лежащей за пределами прямого безоценочного и безотсылочного значения. Мы уже говорили о том, что слова разных частей речи характеризуются разной коннотативной насыщенностью, а наиболее ярко это свойство проявляется у существительных, особенно у существительных, относящихся к определённым номинациям предметов и явлений, оставивших в человеческой культуре, в нашем сознании и языке самые устойчивые и детализированные отражения своих образов. Здесь эта мысль приведена для обоснования того, что и при попытке систематизации такого рода использование нашего языкового материала, то есть тематической группы зоонимической лексики, оправдано и целесообразно.

Под типами содержательных экспликаций коннотации мы понимаем не классификацию лексем, коннотирующих что-либо именно в определённом контексте, т. е. имеющих актуальную коннотацию, или тех, коннотации которых препарируются и описываются изолированно как потенциальная коннотация, а, наоборот, изложение сути коннотативного значения, его масштаб, глубину и форму. Среди множества сведений,

составляющих содержательные компоненты коннотации, могут быть выделены крайне разнородные. В первую очередь, они различаются количественно, по объёму, например, эксплицируются одним словом (как правило, называющим признак), развёрнутой предикативной характеристикой, устойчивым выражением или целым текстом – как мифопоэтическим или литературным, так и исторически-документальным. Высокая степень укоренённости текста, к которому отсылает коннотация, в языковой картине мира позволяет эксплицировать её менее объёмно. Так, чтобы верно интерпретировать содержание коннотации слов *овечка* (не *овца*) или *агнец*, не нужно обильно цитировать тексты христианства, хотя в зависимости от контекста они могут выражать и иронию, в то время как характер коннотации (не являющейся узуальной, инвективной) слова *осёл*, встречающейся в нескольких стихотворениях Саши Чёрного, для большинства людей не является подразумеваемым. В стихотворении «Рождение футуризма» направление рассуждений обозначено точно: салон «ослиной кожи», художественное объединение «Ослиный хвост», но в поэтической системе образов Саши Чёрного лексема *осёл* обрела свойства символа, уже не подкреплённого вспомогательным контекстом при каждом употреблении, например, в одном из его известнейших стихотворений «Стилизованный осёл. Ария для безголосых» раскрываемая текстом коннотация слова *осёл*, использованного только в названии, носит яркий оценочный характер, а с точки зрения содержания уравнивает и радикальные направления живописи, и футуризм в поэзии, и, как можно предполагать, саму идею господства формы над смыслом и функцией («двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах»), присущую, согласно позиции автора, многим новаторским течениям в разных сферах культуры той эпохи: *Я люблю апельсины и всё, что случайно рифмуется, / У меня темперамент макаки и нервы как сталь. / Пусть любой старомодник из зависти злится и дуется / И вопит: «Не*

поэзия – шваль!» В данном случае актуальная коннотация несёт в себе отсылку к широкому культурному контексту, для описания которого, в частности лексикографическими методами, необходимо привести объёмную справку (см. Приложение). Если же эта лексема реализует своё узуальное переносное значение, её актуальная коннотация будет выражаться одним словом, подразумевающим оценочную семантику, и соответствовать стилистической помете «оскорбительное» или «бранное», см.: *Не так ли: вы чище январских сугробов, / И мудрость сочтется из ваших голов, / Тогда отчего же из ста юдофобов / Полсотни мерзавцев, полсотни ослов?; Гурьба учащихся ослов / Бежит за горничною Лидкой; А Хирам твой бездарный осёл / И при этом ещё привередник!; Тогда красные ослы призвали / Спецо-варягов: / «Тройной оклад! Отборное меню! / Барские квартиры за проволочными заграждениями!»*

Содержанием коннотации может быть также предикативная характеристика, в случае зоонимов сопряжённая с тем, что и как делает животное, или с тем, что и как делают с ним, например, со способностью осла издавать резкие немелодичные звуки: *Душа Демьяна зычно крикнет, / Как пробудившийся осёл.*

Здесь коннотативная насыщенность лексемы в значительной степени не реализована, так как компонент значения ‘громко, неприятно кричит’ находится, скорее, на границе коннотации и денотации (‘громко’ – денотация, ‘неприятно, резко’ – коннотация), являясь сравнительным признаком в приведённой конструкции.

То же слово может коннотативно вводить в поэтический текст и образные ассоциации на основе оценочной коннотации, одним названием характерного действия создавая точное описание атмосферы базарного шума и беспорядка, связываемой автором с совершенно разными ситуациями: собранием корпорантов и литературной жизнью: *Бульдоговидные дворяне, / Склонив изрубленные лбы, / Мычат над пивом в*

*ресторане, / Набив свиною зобы.<...> Клубится дым, **режут ослы**, / И ресторатор, добрый пастырь, / Обходит, кланяясь, столы; Жестокий бог литературы! / Давно тебе я не служил: / Ленился, думал, спал и жил, / Забыл журнальные фигуры, / Интриг и купли кислый ил, / Молчанья боль и трепет шкуры / И терпкий аромат чернил...<...> Собрал с мечты душистый мёд, / Беспечный, как мечтатель-инок, / Придётся сконфуженно на рынок, / **Орут ослы**, шумит народ, / В ларях пестрят возы новинок, / Вступать ли в жалкий поединок, Иль унести домой свой сот?*

Коннотативная образность присутствует в схожих конструкциях предикативных центров (животное и его действие) и в тех случаях, когда в художественной речи подразумеваются отношения прямой референции с действительностью, не метафорическое, а непосредственное описание. Впрочем, не меньшая роль в создании этой образности принадлежит значению глаголов, характеризующих действия референтов зоонимических лексем, описываемое ими движение беспокойно, в их коннотации яркое элемент эмотивного восприятия: *Очнись. Нет дома – ты один: / Чужая девочка сквозь тын / Смеётся, хлопая в ладони. / В возах раскормленные кони, / **Пылят коровы, мчатся овцы**, / Проходят с песнями литовцы / И месяц, строгий и чужой, / Встаёт над дальнею межой...*

Итак, классификация по объёму информационного содержания, имплицитированного в коннотации, может быть выстроена по возрастающей и выглядеть следующим образом:

1. Объективные или приписываемые **признаки** наивного понятия, выражаемого коннотирующей лексемой. Интересен вопрос о том, как определить, к какому макрокомпоненту значения – денотативному или коннотативному – принадлежит конкретный признак. Существуют три теста, предложенные Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчуком (Л. Н.

Иорданская, И. А. Мельчук, 2007, с. 201–202) и Ю. Д. Апресяном (Ю. Д. Апресян, 1995, с. 106). Они имеют «формульный» характер: первый из них основан на перемене предположительно коннотативного признака объекта на противоположный и признании его неконнотативным, если высказывание становится противоречивым (*говорящая рыба* – противоречиво, следовательно, *немая* – неконнотативный признак); идея третьего теста в том, что возможность однозначно идентифицировать лексему по некоему толкованию автоматически позволяет считать все другие толкования коннотативными.

Согласно первому тесту, коннотация ‘глупый’ является таковой для прямого номинативного значения слова *осёл*, а в переносном она уже оказывается частью денотации, см.: *От мудрых, средних и ослов / Родятся реки старых слов.* Содержательная коннотация у слова *осёл* отсутствует, но есть стилистическая, оценочная, которую мы будем рассматривать в рамках следующей, функциональной классификации.

Этот пример демонстрирует и то, как выглядит процесс образования переносных значений на основе коннотации: из коннотативного содержания прямого значения она отстраняется в употреблении настолько сильно, что со временем формирует свою самостоятельную денотацию, как вязкая жидкость, которая может долго тянуться, но в какой-то момент тяжесть капли увеличивается так, что она полностью отделяется.

Такие тесты не гарантируют точного результата, поэтому следует принимать во внимание и так называемую лингвистическую интуицию, в том числе при попытках описания динамики коннотации. Так, согласно тестам, мы не можем с уверенностью назвать коннотативными такие семы в значении слова *тигр* как ‘опасный’, ‘кровожадный’, но сейчас, в первой четверти XXI века, они в меньшей степени являются подразумеваемыми, тогда как коннотативные семы ‘грозный’, ‘грациозный’, ‘величественный’ более свойственны среднему представлению, что подтверждается выдачей

поисковых систем и Национального корпуса русского языка. Это, в свою очередь, свидетельствует об определённом месте объекта номинации в картине мира носителей языка: в непосредственной опасной близости от тигра люди сейчас практически не оказываются, поэтому более употребительными являются те коннотации, которые свойственны оценивающему взгляду издали (зоопарк, сафари, видеозапись). Выдача поисковых систем в среднем составляет около 15 миллионов упоминаний выраженных эксплицитно коннотаций второй группы и около 10 миллионов первой (выдача поисковой системы Yandex, 18.12.2018), что также свидетельствует о транссемантизации (замене одной сопутствующей семы другой) в значении слова.

2. Следующую группу составляют предикативные признаки в коннотации, описывающие действия, совершаемые референтом или над референтом коннотирующего имени и, соответственно, образ действия его контекстуального означаемого. Эта предикативная характеристика – коннотация, чаще всего являющаяся сравнительным признаком, основой поэтической метафоры (см. Раздел 2.4.).

Для анализа локализации таких коннотаций в структуре значения может быть использован третий тест из упомянутых выше. Ю. Д. Апресян отмечает, что он «предназначен лишь для существительных, причём только тех, референты которых имеют определённые функции» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 106), что дополнительно обосновывает выделение коннотаций-действий (функций). Данный тест предписывает проверить, имеет ли место естественный смысл высказывания, если предположить, что объект, которому присвоена коннотативная функция, плохо выполняет её или не выполняет, когда находится «не в порядке» в широком смысле слова. Если высказывание не кажется нелогичным, то в большинстве случаев сема, связанная с этой функцией, не выходит за пределы денотации. Впрочем, этот тест также не претендует на всеохватность, и

исключениями оказываются именно некоторые зоонимы – названия животных, которых человек использует для получения пищи и сырья, так как «получится, что указание на функцию не часть лексического значения, а коннотация. В самом деле, ход мысли в предложении: *Наша свинья сломала передние ноги, и поэтому её нельзя резать на сало* <использовать для получения сала> – нельзя признать естественным. Наоборот, такая травма домашнего животного как раз считается бесспорным основанием для того, чтобы его немедленно заколоть и использовать всё, что можно» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 107). Так, в примере: *Цедил за фразой фразу, / Томился, как рыба на суше* – сложно разобраться в логичности результата теста: у рыбы есть функции, например, плавать в воде и быть употребляемой в пищу, однако то, что с ней не всё в порядке, не мешает ей быть съеденной и не позволит выживать на суше. Предположим, что коннотирует в данном случае вся устойчивая конструкция-стандарт сравнения и эта коннотация, скорее, функциональная, усиливающая образность, при этом сам зооним реализует денотативную семантику.

Иные, но также не абсолютно очевидные итоги этот тест даёт при анализе коннотаций зоонимов, называющих более отдалённых в бытовом смысле от человека существ, см.: *шёлково-мягкие тряпки / Шуриат, словно листьев осенних охапки / Под мягкой рысью ежа*. Сема, содержащая восприятие манеры движения животного, может быть отнесена как к денотативной, так и к коннотативной стороне семантики слова, в зависимости от субъективного взгляда. Это приводит к выводу, что место в семантической структуре такого обозначения действий и их характера, несущих не слишком явный оттенок субъективной оценочности, может трактоваться двояко. Ярким примером принадлежности другому экстремуму достоверной и полной коннотативности действия является уже приведённое выше сравнение *душа Демьяна зычно крикнет, как пробудившийся осёл*.

3. Наибольшая по объёму коннотативно означаемого группа – это коннотации, отсылающие к другим текстам. Внутри этой группы можно выделить две подгруппы:

а) отсылки к конкретным текстам, существующим в фиксированной форме, к событиям, к известным высказываниям. Ярким примером такого содержания является описанная выше коннотативная отсылка зоонима *осёл* к художественному объединению «Ослиный хвост», экстраполированная на более широкий культурный контекст периода;

б) отсылки к комплексу текстов, к культурным традициям, к мифопоэтической образности или к совокупности употребления лексемы в определённом дискурсе. В предыдущем параграфе подробно описана такая отсылка на примере зоонима *корова*. Обобщённо можно назвать перечисленные терминальные области отсылки моделями, см. у А. Ф. Лосева: «универсальное мировое дерево как архетип для соответствующих мифологем в отдельных мифологиях мы с полным правом могли бы назвать моделью» (Лосев А. Ф., 1982, с. 210).

Такие значения, как правило, более точно определяются как часть коннотации, ср. *агнец* как ‘кроткий невинный человек’ – переносное значение, основанное на религиозной коннотации «основное жертвенное животное» (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии»), и *агнец Божий* как прямая цитация, имеющая только дискурсивную коннотацию: отношение высказывания к религиозной тематике.

В некоторой степени эта классификация родственна философским положениям знаковой теории, также дифференцирующей знаки, в том числе языковые, по объёму и свойствам их означаемых (индекс, иконический знак, символ, миф).

Кроме содержания коннотаций зоонимов, того объёма информации, который кодируется коннотирующим словом, следует говорить также о её функциональной характеристике. Функции коннотации реализуются при

переходе потенциального объёма дополнительной семантики к актуализации в контексте.

1. Содержательные коннотации первых двух групп реальные или предполагаемые признаки и действия референта коннотирующей лексемы (зоонима) выполняют при актуализации выделительную функцию, снижая значимость других семантических компонентов и выводя на первый план один из них или более, на основе которых слово соответствует прагматической интенции производителя высказывания или автора текста, см.: *Пассаж не спеша осмотрев, / Вхожу к «Доминику», как лев, / Пью портер, малагу и виски. / По карте, с достоинством ем / Сосиски в томате и крем, / Пулярдку и снова сосиски.* Количество и качество таких элементов семантики варьируется у разных слов, поэтому максимально достоверного обобщения можно достичь также при анализе коннотаций лексики, принадлежащей к одной тематической группе.

2. Культурные коннотации, содержанием которых является отсылка к разным видам текстов, составляют основу для интертекстуальности. Их функция – это привнесение в актуальный контекст смыслов других текстов. Их максимальная отдалённость от денотативного ядра очевидна, даже если в содержании такой коннотации присутствует прямой денотативный смысл. Так, в примере *синие кредитки вместо Синей Птицы / Унесут туда, где солнце, степь и тишь*, как и во многих других контекстах, лишены значимости все денотативные смыслы слова *птица* и биологической категории ‘вид птиц рода Синие птицы семейства дроздовых’, важна только не всегда уже считаваемая отсылка к пьесе М. Метерлинка и роли *Синей птицы* в этом сюжете.

Пример коннотации с функцией отсылки к дискурсу встречается в стихотворении Саши Чёрного «Диета»: *Боговздорец иль политик, /*

Радикал иль чёрный рак, / Гениальный иль дурак, / Оптимист иль кислый нытик – / На газетной простыне / Все найдут своё вполне. Словосочетание *чёрный рак* не зафиксировано ни в одном словаре, и многие читатели в попытке раскрыть его значение останавливаются на том, что это что-то родственное «розовому слону», «неведомой зверушке». Объяснение можно найти в исследовании Л. Евстигнеевой «Журнал Сатирикон и поэты-сатириконцы»: «Приученный искать двойное дно у каждого сатириконского произведения, читатель вспоминал, что для разоблачения “союзников” в журнале часто использовался один и тот же устойчивый образ *чёрный рак* (черносотенец)» (Евстигнеева Л. А., 1968).

3. Последнюю функциональную группу составляют характеризующие коннотации. Их особенность состоит в том, что их содержательное и функциональное описание очень схожи между собой. Такие коннотации – это явление несколько иного порядка, чем все описанные выше. Они регулируют и описывают прагматику высказывания и стилистику текста, иногда реализуясь полностью самостоятельно, а иногда накладываясь на содержательные коннотации. Это сложный и неоднородный класс коннотаций, которые в случае с зоонимами чаще всего исполняют оценочную функцию с фиксированными стилистическими оттенками. При этом существует множество преобладающих в коннотативном оценочном использовании разных слов мотивирующих оснований, объединяемых категорией эмотивности (см. Шаховский В. И., 1983, 1984). У некоторых групп слов эмотивность и оценочность локализованы в денотации, например, у слов с пейоративной функцией: *гадина, дрянь*, или у переносных значений многих зоонимов, например: *змея, свинья, козёл, боров, павлин*. Стилистическая коннотация в этом случае указывает на специфику сферы употребления. Однако при контекстуальном присвоении какому-либо объекту эмотивно-оценочного компонента таких лексем они вносят в высказывание коннотативную

семантику соответствующей оценки: *Мордатый бури, в видах рекламы, / Двум желторотым червякам, / Сопя, показывает шрамы – / Те робко жмутся по бокам.*

У слов с нейтральной денотацией гораздо больше возможностей развивать разные оценочные коннотации в контексте: *Васильевский остров прекрасен, / Как жаба в манжетах; В её салонах – все, толпою смелой, / Содравили шкуру с девственных идей, / Хватают лапами бесчувственное тело / И рьяно ржут, как стадо лошадей.* Здесь зоонимы имеют ярко выраженные контекстуальные оценочные коннотации, основанные на эмотивности, но не имеют стилистических. Содержательная коннотация в них присутствует также, но оценочная функция с точки зрения своего содержания – это только позиция на шкале оценки между плюсом и минусом.

Итак, в коннотации, присущей означаемому нечто за пределами денотации слову, может быть выделен целый спектр означаемых. В свою очередь, коннотативные означаемые классифицируются по двум признакам: по содержанию – в зависимости от объёма и свойств кодируемой информации, по функции – механизму и цели трансформации потенциального коннотативного объёма в актуальное значение слова. Описанные признаки комбинируются в контекстуальной семантике каждого коннотирующего слова по-своему, поэтому описание потенциального дополнительного значения лексемы имеет мало общего с описанием её конкретных употреблений.

1.4. Фазы функционирования и семантические компоненты структуры коннотации

В лингвистике существует множество точек зрения на состав коннотации как семантической единицы. Так как первым разделом

отечественной науки о языке, в котором стало применяться это понятие, была стилистика, во многих работах и сейчас коннотация приравнивается к стилистическому созначению. Причиной этого является то, что во второй половине XX века стилистика активно развивалась и была комплексной наукой, подпитывающейся новыми идеями и творческими подходами (см., например, работы В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, К.А. Долинина и др.). Стилистическая функция коннотации понималась широко, не ограничиваясь оттенками значения синонимов разной степени и характера выразительности. Так, Б. В. Томашевский писал: «Стилистика является связующей дисциплиной между языкознанием и литературоведением» (Томашевский Б. В., 2010, с. 20). По словам Е. Ф. Тарасова, «стилистика – это область, которая предполагает выход за пределы лингвистики» (Тарасов Е. Ф., 2010, с. 18). Позже стали развиваться частные направления в языкознании, для каждого из которых коннотация становилась и предметом, и способом анализа: язык художественной литературы, лингвокультурология, психолингвистика, аксиология. Соответственно выводились на первый план и разные содержательные и функциональные компоненты коннотации, а также принципы, объясняющие механизмы её функционирования.

Основой для описания компонентной структуры коннотации в этом разделе стала уже намеченная в предыдущих параграфах концепция, согласно которой коннотация понимается не как целостный феномен, неизменный во времени, а как дискретно развивающаяся сущность. В процессе этой эволюции можно выделить несколько этапов или фаз. Умозрительной точкой отсчёта является момент отсутствия у слова рассматриваемой коннотации, а конечной – восприятие коннотации в речи или тексте. Для тематического класса зоонимов, который принят в качестве материала исследования, первичная фаза коннотативного процесса является в большей степени гипотетически реконструируемой,

чем реально восстанавливаемой, так как названия животных – это одна из старейших тематических групп лексики во всех языках мира по очевидным естественным причинам. Однако, пользуясь исследованиями мифопоэтической стороны развития языка и культуры, мы, тем не менее, можем делать приблизительные выводы относительно древнейших проявлений коннотативных процессов как результатов естественной творческой способности человека.

Ранее мы приводили образное определение А. Ф. Лосевым значения как «арены встречи знака и означаемого» (Лосев А. Ф., 1995). Арена в данном случае – это не столько пространство с определёнными свойствами, сколько целый сценарий, в котором до встречи на арене каждый из участников, в том числе коннотативное означаемое, по-своему оформляется под действием множества факторов. Такое представление близко положениям отечественной психолингвистики. А. А. Леонтьев называет значение как психологический феномен «не вещью, но процессом» и «динамической иерархией процессов» (Леонтьев А. А., 1971, с. 7), а также отмечает значимое для нашего исследования качество значения, говоря, что оно «не является простой суммой исходных смысловых компонентов» (Леонтьев А. А., 1971, с. 7).

Коннотация не может мыслиться вне самого явления означивания, в её анализе также имеет место существенная сложность дешифрации посредством её разложения на отдельные семантические компоненты. Возникающий сначала при упоминании компонентной структуры коннотации условный образ долей, в разных пропорциях составляющих целое, сменяется сюжетом с несколькими опорными точками, изображением некоего пути. Перечислить и раскрыть содержание этих опорных точек коннотативной семантики через разложение её на компоненты до некоторой степени реальная цель, однако значение как процесс характеризуется не только собственно содержанием, но и

сложнейшим комплексом внутриязыковых и внешних условий, оказывающих на него влияние. Описать их достоверно, без существенных преувеличений, с опорой на уже готовую концепцию не представляется нам возможным, поэтому далее в этом разделе мы будем говорить только о наиболее общих характеристиках течения коннотативного процесса.

Наше исследование сосредоточено на рассмотрении коннотаций класса слов, называющих живых существ Земли и составляющих один из тех разрядов лексики, которые наиболее подробно освещены в работах, касающихся вопросов истории мифопоэтической образности в языке, литературе и материальной культуре (А. В. Гура, М. М. Маковский, Н. В. Павлович, Н. И. Толстой, С. М. Толстая, В. Н. Топоров). Поэтому мы рискнём на основе данных из этих источников отсчитывать путь, пройденный семантикой некоторых зоонимов, начиная с древнейших времён. Значимой переменной величиной в общезыковой динамике коннотации является так называемая внутренняя форма слова, выделенная А. А. Потебнёй как ближайшее этимологическое значение слова, осознаваемое носителями языка и противопоставленное внешней форме (Потебня А. А., 1999, с. 74–100). Целостная же двусторонняя структура уже соотносится с процессами восприятия текста или живой речи: «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли» (Потебня А. А., 1999, с. 93). Внутренняя форма, как и внешняя, и содержание слова, равноценно проявляются и сильнее всего акцентируются в поэтическом языке, что лишний раз обосновывает выбор для рассмотрения в данной работе лексических единиц в поэтическом контексте. Отсутствие же значимой внутренней формы можно считать чертой прозаической речи. В большей степени это относится к речи научной, где научное, ограниченное денотацией и внешней формой понятие, является не только достаточным, но и необходимым с точки

зрения прагматики, где происходит «забвение» внутренней формы и так называемое «сгущение» мысли (Потебня А. А., 1999, с. 155). Однако коннотативная насыщенность, объём наивного понятия со всеми его образными валентностями не самостоятельное свойство, противопоставляющее поэтический язык научному, ведь оно распространяется на лексический уровень и присуще каждому отдельно взятому слову. Этому свойству сопутствуют специфические условия реализации значения, т. е. контекст и его особенности, которые В. Б. Шкловский называет «ощутимостью» построения: «ощущаться может или акустическая, или произносительная, или же семасиологическая сторона слова. Иногда же ощутимо не строение, а построение слов, расположение их. Одним из средств создать ощутимое, переживаемое в самой своей ткани, построение является поэтический образ, но только одним из средств» (Шкловский В. Б., 1919, с. 3–6).

Первой фазой, которую проходят коннотативные процессы в семантике слова, является **расширение элементарного номинативного значения** за счёт значимых для человека как носителя языка свойств денотативной сущности реальных или приписываемых. Определить тот или иной компонент ближайшей коннотации как этимологически или ассоциативно связанный с внутренней формой не всегда возможно, особенно у таких слов, которые имеют глубочайшую укоренённость в языке и искусстве, например, зоонимов, названий природных явлений и частей тела, терминов родства и т. п. Например, невозможно классифицировать с этой точки зрения внутреннюю форму и коннотации слова *солнце*. То, что мы сейчас считаем его денотацией, было сформулировано не так давно как часть научного понятия. Солнце было богом большую часть истории человечества и развития языка, и его значение до «становления материалом искусства» неотделимо от этимологического. Момент, соответствующий отдалённым и в большей

степени неизвестным обстоятельствам, мы назовём **фазой появления коннотативного потенциала**. Нам не так много известно об исходной точке коннотативных процессов в семантике зоонимов, но то, что известно, даёт возможность предполагать, что для форм познания, называемых «демоническими», «анимическими», «языческими» представлениями о действительности, ни одно живое существо, известное человеку, не могло быть лишено дополнительных смыслов. Естественно также, что «дополнительными» мы можем называть их только сейчас в рамках диахронического описания и только по отношению к нынешним формам понятий, что является грубым смешением с синхронным рассмотрением семантической системы языка. Итак, как мы уже отмечали, поворотным моментом, с которого зооним начинает развивать семантику, сейчас называемую коннотативной, является момент пересечения его означаемым некоего порога значимости в жизни носителей языка. Важная особенность этой фазы более чем условное применение самого термина *коннотация*. Очевидно, что при синхроническом подходе к рассмотрению семантики зоонимов невозможно было бы говорить не только о разграничении денотации и коннотации, но и сколько-нибудь точно пытаться охарактеризовать понятийное ядро, так как воплощённые в понятиях представления имели принципиально отличающиеся от современных структуру и содержание как следствие соответствующих свойств сознания. Эта разница очень хорошо заметна на более удобном для такого исследования уровне – грамматическом. Так, например, древний человек мог до определённого момента не понимать как отдельные друг от друга факты действительности предмет и класс предметов, субъект и действие субъекта, даже принадлежность субъекту его действия: «Ввиду указанного прогресса абстрагирующей деятельности мышления в объективном мире вместо текучего сумбура стали мыслиться действующие субъекты, пусть ограниченные в своих действиях, но зато

уже не пассивные фетиши, скованные собственным физическим телом» (Лосев А. Ф., 1982).

Иными словами, на том этапе, который мы принимаем за фазу появления коннотативного потенциала, никакая коннотация, как и денотация, не могла существовать в принципе, т. е. корова на небесах не космологическая метафора, а она и есть, не отличимая ни от всех земных коров, ни от каждой отдельной коровы, также и солнце не есть настолько важная часть жизни, что превозносится, как божество, а есть божество со всеми приписанными ему свойствами. Только при диахроническом подходе мы можем считать эти цельные языческие представления о мире мотиваторами фрагментов коннотаций зоонимов. Созначения, семантически связанные с этой первой фазой коннотативного процесса, обобщённо можно разделить на два класса: 1) основанные на бытовых ролях и характеристиках разных представителей фауны; 2) обусловленные мифопоэтическими народными представлениями о них. Естественно, оба эти класса имеют общий исток, общую первопричину, но всё же со временем и по мере смешения локальных культур бытовые и мифопоэтические коннотации потеряли поверхностно проявляющуюся взаимосвязь.

В. Н. Телия считает, что языковое сознание также сопричастно мировоззрению, фиксируемому в языке, и именно культурная коннотация, будучи узуальным воплощением культурной интерпретации в значении языковой сущности, придаёт языковым знакам функцию квазиэталонов, квазистереотипов и т. п. (Телия В. Н., 1986, с. 155). В. В. Виноградов, изучая русские фразеологизмы, подчёркивал, что образ, лежащий в основе их значения и употребления, можно уяснить только на фоне той материальной и духовной культуры, в контексте которой они возникли (Виноградов В. В., 1977). Выделяя в информативной структуре слова экстралингвистическую и лингвистическую информацию, В. Г. Гак, в

свою очередь, отмечал, что в образных употреблениях слов и во фразеологии активизируются потенциальные семантические компоненты значения слова, отражающие свойства, приписываемые ему в данном языковом коллективе (Гак В. Г., 1972). Иными словами, в семантику слов входят фоновые знания, а семантическое пространство языка рассматривается как производное национальной культуры. Исследуя национальную специфику лексических единиц, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров предложили понятие «лексического фона». Они разложили значение слова на две составные части: лексическое понятие (оно состоит из семантических признаков или «семантических долей», обеспечивающих узнавание и именованье соответствующего предмета или явления) и лексический фон, который представляет собой совокупность всех непонятных семантических долей и покрывает таким образом фоновые знания о географических, исторических и культурологических особенностях слова, являющихся достоянием не отдельного человека, а «массового, общественного, то есть языкового сознания» (Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1980, с. 177–180; Верещагин Е. М., Костомаров В. Г., 1990, с. 57–58). Сейчас в научном обиходе есть термин *культурная коннотация*, используемый без строгого определения называемого явления и отличающийся от того, что традиционно обозначалось термином *лексическая* или *языковая коннотация*. Согласно широко известному определению, предложенному на материале фразеологических единиц В. Н. Телия, культурная коннотация – это «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» (Телия В. Н., 1996, с. 214). Принципиально важным является то, что культурная коннотация, проявляющаяся в форме социокультурной оценки объекта действительности в поле интерпретации, не является чем-то стихийным, произвольным и случайным. Образно-мотивированный

аспект значения в категориях культуры и есть культурная коннотация, а национально-маркированные установки, стереотипы, культурная специфика внутренней формы лексем, словесно выражающих признаки национальной картины мира, свойственны семантическому пространству определённого этноса. Упомянув об этносе, следует обратиться и к положениям этнолингвистики. Н. И. Толстой своей работе «Язык и культура», говоря о прогрессе семиотики в XX в., указывает на то, что «без этнически, территориально и лингвистически обозначенных, приуроченных и обособленных семиологий общая семиология в некотором отношении останется беспочвенной и без широких перспектив дальнейшего развития» (Толстые Н. И. и С. М., 2013, с. 16), а при осуществлении таких частных семиотических исследований «не следует забывать о существовании языковой картины мира и о возможности реконструкции древней картины мира на основании того же материала языка» (Толстые Н. И. и С. М., 2013, с. 17). Так, большой интерес представляет отражение верований и ритуалов древних носителей языка в семантических ассоциациях лексем, а также степень устойчивости таких дополнительных значений.

Роль того или иного животного в ритуалах, магические представления о нём или его бытовое использование могут мотивировать настолько важный элемент коннотации зоонима, что он сохранится спустя столетия (см. статьи *смерть животных* и *сова* в «Словаре славянских древностей» (Толстой Н. И., 2012, с. 71, 97). Так, рассмотрение контекстуальной семантики зоонима *филин* в стихотворении Саши Чёрного «Потомки» демонстрирует, что верная интерпретация коннотативного компонента, на котором основана образность сравнения *я, как филин, на обломках переломанных богов*, кроется именно в сфере признаков, заложенных в древнем языковом сознании на уровне магического понимания действительности: «Зловещая нечистая птица,

символ одинокой женщины. Сова, как и другие ночные птицы семейства совиных (филин, сыч), наделяется демоническими свойствами <...> для народных представлений о сове характерен мотив смерти <...> известны поверья о сове как о воплощении души умершего» (Толстой Н. И., 2012., с. 97–98). Образная коннотация лексемы *сова* включает также сему 'одиночество', мотивированную образом жизни птицы, ставшим в народных поверьях символом вдовства или безбрачия. Нельзя переоценить пользу от обращения к этнолингвистической трактовке выражаемого лексемой понятия для литературоведческого анализа художественного текста, а также для лингвистического описания динамики в коннотативном поле семантической системы языка.

Некоторые семантические ассоциации зоонимов входят в языковую норму, что объясняется, на наш взгляд, тесным контактом носителей языка с обозначаемыми ими существами в определённый период (курица, петух, корова, бык, коза, козёл, овца, баран, скот и т. д.). Одомашненные животные во фразеологии чаще всего предстают носителями человеческих качеств. Меньшую, но также высокую интенсивность имеет образность коннотативной стороны значения лексем, называющих тех существ, которые не используются в домашнем хозяйстве, но влияют на него и на человеческую жизнь, т. е. от них исходит опасность (медведь, волк, лиса, мышь, ястреб) или, наоборот, они приносят пользу (рыба). Эстетически благоприятные проявления живой природы отмечаются также человеком и мотивируют поэтическую образность, оторванную от бытовой жизни, ярким примером является лексема *соловей*, ставшая одним из основных романтических символов европейской литературы, но и до этого сопровождавшаяся уникальными по интенсивности положительными коннотациями.

Всё же, хотя рациональная мотивация коннотаций через конкретные свойства существ характерна для множества дополнительных значений

зоонимов, не следует пренебрегать тенденцией мифологического мышления определять предмет не со стороны его признаков, не характеризовать его через них. По выражению М. М. Маковского, оно «берёт любой предмет, имеющий реальные признаки величины, цвета, качества, назначения и т. д., и наделяет его образными, воображаемыми чертами, идущими мимо признаков предмета. Так, левый означает смерть, правый – жизнь, красное – воскресение или жизненную силу, вечность, сосуд – зверя или жертвоприношение и т. д. Тут, следовательно, решающую роль играют не признаки предмета, а его семантика. Значимость заменяет признаки; всякая значимость и есть признак. <...> Всё видимое вокруг конкретно воспроизводится и вновь создаётся в слове, вещи, действии» (Маковский М. М., 1996, с. 22–23). Таким образом, мифопоэтическая образность или бытовая роль (и то, и то в данном контексте называется культурой) мотивируют внутреннюю форму слова и наследственную осколочную семантику в коннотациях.

Итак, в первой фазе коннотативного процесса ведущая роль в их толковании принадлежит тому комплексу мотиваторов, которые объединяются под названием культурного компонента коннотации. В случае такого тематического класса слов, как зоонимы, корни их семантической системы теряются настолько далеко в истории, что единственным источником сведений оказываются древнейшие анимические, мифопоэтические, религиозные представления. Объективные стороны действительности оказывают влияние в точке преодоления порога значимости через эмотивную нагруженность, о которой подробнее будет сказано далее.

Фаза формирования коннотативного значения представляет собой наиболее длительный период коннотативного процесса, её принципиальная черта – это более сильная, чем в первой фазе, детерминированность обстоятельствами объективных условий жизни и

развития языковых коллективов. То есть традиционное метафорическое употребление зоонимов в значительной степени обусловлено теми объективными свойствами, которые были отмечены языковым сознанием людей в силу их большого влияния. Те же коннотации, чьи признаки уже утратили непосредственное влияние на восприятие человеком мира, продолжают жить в форме осколков преданий, суеверий, форма и характер коннотации сохраняется, но живое содержание стирается. С течением времени изменился и тип хозяйства как основного способа жизнеобеспечения, и его место в концептуальной картине мира. Интересно, что в действительности роль тех же животных осталась прежней, но изменившийся образ жизни людей и промышленная революция больше не позволяют большинству носителей языка иметь о них столь яркое представление, что заметно на примере использования эпитета *волоокая*, а переход к научной картине мира делает многие коннотации «милым пережитком старины» (*пташка божья*). В русской языковой картине мира слово *скот* окружено множеством разнообразных положительных коннотаций: «одна из главных имущественных ценностей; обеспечивает человека пищей, одеждой и обувью, рабочей силой и транспортом. Для человека скот не только объект ухода, разведения, защиты, но и жизненный партнёр, часть семейного социума» (Толстой Н.И., 2012, с. 22). Такое почтительное отношение не помешало образованию устойчивого переносного значения, реализующегося при характеристике человека. Словарь В. И. Даля сопровождает его толкование пометками «областное» и «бранное» (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии»). См.: *Здесь скот весь день среди степей навозит, жрёт и дрыхнет праздно. Такую жизнь у нас, людей, мы называем буржуазной.* Это явление называется эмоционально-оценочной энантиосемией, и для его изучения могут быть полезны результаты диахронического исследования. При регулярном, узуальном употреблении

такие значения фиксируются словарями, однако и нерегулярность употребления не говорит о том, что для языковой общности явление стало несущественным. Материальная культура и менталитет, преемственность языка и культуры воплощены в живом национальном языке, т. е. язык способен отображать культурно-национальную ментальность народа – носителя языка (Сепир Э., 2019). Соответственно, изменениям ментальности языкового сообщества непременно сопутствуют модификации языковой и, в частности, коннотативной системы. Надо отметить, что фаза формирования коннотативного значения выделена нами как наиболее длительная не потому, что это характерно для процесса как такового, а только потому, что в диахроническом аспекте мы считаем целесообразным рассматривать динамику дополнительных значений именно так, понимая появление коннотативной потенции как исходную точку, а формирование коннотации как всю эволюцию значения до момента оформления коннотативной семантики в виде, близком к современному.

Реализации потенциальных коннотативных сем в предполагаемой коммуникации предшествует более значимая фаза коннотативного процесса, определяющая эту потенцию **оформление содержания коннотации** на основе определённого источника. С ним соотносятся остальные значимые свойства коннотативного значения, полностью лежащие в сфере внеязыковой действительности или в области традиционного употребления языковых единиц.

Наиболее оторванной от внутриязыковых факторов является коннотация, формирование которой связано с типом восприятия или использования соответствующего объекта действительности, обозначаемого лексемой. Этот тип коннотативного значения широко представлен в семантике конкретных существительных, денотирующих те явления, которые непосредственно отражались на жизни носителей языка.

Среди слов, имеющих коннотативные семы такого рода, особое место занимает зоонимический пласт лексики. Это, очевидно, связано с той ролью, которую играли как домашние, так и дикие животные в бытовой действительности людей. Обусловленность таких коннотаций условиями жизни человека очень сильна, соответственно, характер семантических ассоциаций может значительно различаться в языках разных народов. Так, Ю. Д. Апресян упоминает пример, подробно описанный А. В. Исаченко: «В немецком языке козе приписывается набор неприятных свойств <...> Этот набор коннотаций объясняется тем, что “в Западной Европе коза до недавнего времени была символом негативного (социального) статуса, “коровой бедняков”. Поэтому исторически сложилось пренебрежительное отношение к этому животному” <...> В русском быту любое домашнее животное, в том числе и коза, было скорее приметой достатка, что создавало основу для положительных коннотаций» (Апресян Ю. Д., 1995). См., например, у Саши Чёрного: *Принесёт мне ворона швейцарского сыра, у заблудшей козы надою молока. Если к вечеру станет прохладно и сыро, обложу себе мохом бока.* Мы видим, что коннотации, основанные на типе восприятия или использования обозначаемого объекта, могут служить не только источником сведений этнолингвистического характера, но и давать представление об условиях жизни языкового коллектива на момент формирования коннотативного значения. К прочим факторам, влияющим на развитие лексической коннотации, относятся традиции литературной обработки лексемы, исторический, религиозный, политический, психологический или иной культурный контекст её существования, этимология слова и др., которые не принадлежат полностью ни к внеязыковым влияниям, ни к собственно лингвистическим процессам. Эти факторы присутствуют и влияют на динамику коннотативного процесса множества зоонимов. При диахроническом рассмотрении следует различать, насколько это возможно, связанные с

денотатом и обусловленные традицией употребления лексемы источники коннотации, так как неясность в этом различии может привести к ошибочным выводам относительно конкретных обстоятельств, обусловивших коннотативное значение. К принципиально важным для задач лексикографии свойствам относятся также непредсказуемость и несогласованность формирования коннотации, затрудняющие описание семантических ассоциаций по аналогии или каким-либо автоматизированным способом.

В фазе оформления коннотативного содержания уже становится очевидной принадлежность большинства дополнительных семантических компонентов к коннотативной зоне зоонимов (для сравнения см. толкование динамики зоонима *жаба*). При этом у тех зоонимов, которые употреблялись в одном и том же коннотативном значении наиболее интенсивно, происходит закрепление и последующее «окаменение» этих сем, остающихся потом достоянием фразеологической системы языка (*волчий аппетит, собачья преданность*) и обширной области зоонимических вторичных номинаций людей как инвективных (*лиса, пёс, крыса, корова, осёл*), так и мелиоративных (*сокол ясный, рыбка, лань*). Инвективные коннотативные значения зоонимов, как правило, становятся настолько стабильными, что переходят в узуальные переносные и их мотивирующие основания перестают восприниматься, акцент при употреблении делается только на контекстуального референта этой номинации, и актуализируется в основном семантика негативной оценки с лёгким оттенком, обозначающим причину такой оценки: глупость или упрямство для осла, беспринципность для волка, мелочность и стремление к личной выгоде для крысы.

Итак, для наиболее точного представления о сущности и специфике коннотативного значения, мы рассматриваем его с точки зрения положений психолингвистики, так как эта сторона семантики языковой

единицы значительно зависит от специфики функционирования мыслительных структур человека. Коннотация слова – это не устойчивая, присущая ему характеристика, но процесс или, по выражению А. А. Леонтьева, «динамическая иерархия процессов» (Леонтьев А. А., 1971, с. 10–11). По этой причине анализ компонентной структуры коннотации должен опираться не на образ долей, в разных пропорциях составляющих единое целое, а на схематичное изображение процесса, проходящего в своём развитии определённые опорные точки. Помимо этих реперных точек коннотативного процесса, на него оказывает влияние ещё множество внутриязыковых и внешних факторов. Фаза появления коннотативного потенциала у зоонимических лексем хронологически удалена от нас так сильно, что выводы о содержании и мотивах коннотации возможны только на основе мифопоэтических источников и соответствующей сохранившейся осколочной коннотативной семантики. Само зарождение коннотативных процессов в языке мы относим на счёт древнейших анимических форм мировосприятия, для которых ни один объект не мог быть тем, что объективно составляет его сущность и обобщается сейчас как денотативное значение слова. Катализатором коннотативного процесса для каждого конкретного объекта является превышение ими определённого порога значимости для человека в практическом или эстетическом отношении. Можно выделить два типа такой мотивации для лексем тематического класса зоонимов. Это коннотации, 1) основанные на бытовых ролях и характеристиках разных представителей фауны и 2) обусловленные мифопоэтическими народными представлениями о них. Естественно, оба эти типа имеют общий исток, общую первопричину, но предположения такого рода лежат далеко за пределами области изучения лингвистики. Дополнительные значения слов, называющих представителей фауны, теснейшим образом связаны с культурой, понимаемой в том числе как взаимоотношения человека с

природой, с землёй, со всем, что питает его жизнь. Поэтому и те зоонимы, коннотации которых явно обусловлены элементарными бытовыми функциями животных, обладают своей нынешней семантикой в результате культурной эволюции. Таким образом, мифопоэтическая образность или бытовая роль мотивируют внутреннюю форму слова и наследственную осколочную семантику в коннотациях зоонимов. Всё это касается содержания коннотации, некоторого объёма привязанной к лексеме за счёт роли её денотата в жизни людей и места в мышлении культурной информации, которая может быть вызвана к жизни, актуализирована в языковой деятельности с помощью контекста, условий коммуникации или сопутствующих языковых механизмов. В следующем разделе мы будем говорить о том, какие принципы задают направление и характер коннотативного процесса как информационного канала, по которому, изменяясь и перераспределяясь, доходит до нас культурное содержание дополнительных значений. Так как коннотация при реализации выполняет компаративную функцию, то и реальным её значением является, если вспомнить процитированное ранее определение А. Ф. Лосева, «встреча на арене» коннотирующего знака и ситуативного партнёра по сопоставлению.

В фазе реализации коннотативного значения, встрече знака со своим единожды актуальным означаемым, можно выделить следующие этапы: 1) порождение высказывания и его сознательное или несознательное редактирование, построение, интонационное, пунктуационное или какое-либо иное невербальное его оформление; 2) момент встречи этого комплексного знака с воспринимающим сознанием адресата (на этом этапе можно умозрительно представить знак лишённым актуальных коннотаций, оторванным от производителя и ещё не адаптированным восприятием, открытым для предположений множества вариантов вложенных и интерпретируемых смыслов; это точка анализа,

абстрагированного от данных ситуацией условий); так, многие древние тексты оторваны для нас от интенций автора, условия их создания неизвестны, они обретают однозначное толкование только в индивидуальном восприятии, изолированно же от обоих участников коммуникации они полностью открыты для любых смыслов или их отсутствия; 3) восприятие собеседником или читателем.

Говоря о названных выше моментах коннотативного преобразования информации, следует отметить, что его механизмы и принципы в большинстве случаев являются неосознаваемыми для обоих действующих лиц. Иными словами, хотя говорящий и подбирает иногда специально наиболее подходящее слово для выражения своей мысли, на коннотативном уровне это слово вносит в коммуникацию больший объём информации, который избирательно интерпретируется реципиентом в зависимости от иных обстоятельств, не всегда имеющих отношение к производителю высказывания. Только человек большого опыта, обладающий эмпатией и душевной тонкостью, предсказывая спектр и характер интерпретации его речи адресатом, имеет способность произвольно использовать в своей речи такие слова и конструкции, образы и логические построения, которые будут в наибольшей степени ориентированы на полное и правильное, с его точки зрения, понимание слушателем или читателем. Это и называют умением «говорить с человеком на его языке», но знания этого «языка слушателя» не может быть достаточно для эффективности речи, гораздо более важно верно оценить свою аудиторию. Отрицательным примером в данном случае можно назвать чрезмерно упрощённую речь приглашённого лектора для неспециалистов в его теме и при этом достаточно образованных людей для того, чтобы почувствовать эту «ошибку перевода», ощущение, что их оценивают ниже, чем они считают должным. Примером несоответствия коннотативного кода, заложенного автором, коду читателя является

негативное восприятие грубой политической агитации под маской литературного произведения. Эти же несовпадения, только уже интеллектуального качества речи, в восприятии разных людей комически выразил А. П. Чехов в ставшей крылатой реплике: «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном». О ней же упоминает в дневниковых записях А. А. Блок, размышляя о своих обязанностях редактора материалов Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 году: «Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема её, когда в её основании разумеется чертёж сухой и единственно возможный. При нахождении чертежа нельзя не руководствоваться вековой академической традицией, здравым и, так сказать, естественным разумом. <...> Мыслится речь русская, немногословная, спокойная, важная, веская, понятная. <...> Таковую речь поймёт народ (напрасно думать, что народ не поймёт чего-нибудь настоящего, верного), а популяризации не поймёт. *Всякая популяризация, всякое оригинальничанье, всякое приспособление заранее лишает мысль её творческого веса, разжижает её, делает шаткой, студенистой* (курсив наш. – П. К.)» (Блок А. А., 1988, с. 445–446). Все эти качества, которых оказывается лишена речь, влияют именно на её результирующее воздействие на воспринимающего участника коммуникации, относясь при этом к первым этапам порождения речи – построению внутреннеречевой схемы высказывания и грамматическому структурированию (Ахутина Т.В., 2007, с. 13–14). В то же время внутренние факторы, заставляющие производителя высказывания строить его именно так и использовать определённый набор образов – это не столько комплекс его невыраженных внешне личных свойств, а собственно внешние факторы, которые, «интериоризировавшись в процессе формирования психики личности, стали внутренними» (Тарасов Е. Ф., 2010, с. 23).

Не принципиально, по каким именно критериям происходит расхождение, оказывается ли содержание непонятым, избыточным или несоответствующим ценностям реципиента, оказывается ли форма чересчур простой или сложной. Значимо другое: то, как действующее лицо 1 (производитель высказывания, автор) представляет отдельно себя, отдельно текст, себя в связи с текстом и в его свете, как он видит действующее лицо 2 и прогнозирует его восприятие, а также всё то же самое в восприятии действующего лица 2. Естественно в такой ситуации и то, что говорящий, за исключением редких случаев, не разграничивает все этапы преобразования своей мысли. Каждая из этих точек проявляется в коннотативном плане высказывания. Именно их мы назвали точками преобразования, в которых информация приобретает новый вид по отношению к каждой из других точек, что схематически напоминает множественный рикошет. Для писателя умение сознательно или несознательно учитывать эти механизмы – одна из граней его мастерства. В политической лингвистике глубоко исследовано применение принципов коннотативного преобразования при манипуляции общественным мнением: «Эффективность информационно-психологических операций основывается прежде всего на активизации именно вербальных единиц и их блоков. <...> Семантические и коннотативные потенции графически выделенных приоритетных слов и синтагм позволяют предложить интерпретации их и всего сообщения аудиторией» (Васильев А. Д., 2006, с. 101, 103). Различные ассоциации, воплощаемые коннотативным значением слова, соотносятся с принадлежностью текста определённому типу дискурса. Так, В. Г. Борботько рассматривает лексические ассоциации как «свёрнутую манифестацию различных типов дискурсивных моделей» (Борботько В. Г., 2003). Когда такие дискурсивные модели приобретают обязательный характер, они выходят на сверхличностный уровень и представляют «аксиоматику языкового

сознания носителей данной лингвокультуры» (Пищальникова В. А., 2003, с. 20). Коннотативные преобразовательные процессы сопутствуют интенции к выражению на всех уровнях осознаваемости, выделенных А.Н. и А. А. Леонтьевыми: актуальное осознание, сознательный контроль, бессознательный контроль и неосознаваемое (Залевская А. А., 2003, с. 31). Они непосредственно связаны с функционированием языкового сознания, являя собой экспликацию уровней его организации, обращение к которой даёт ключи к описанию многих индивидуальных особенностей его обладателя или коллективных психических свойств групп, а им свойственны общие проявления организации коннотативных процессов в речевой деятельности. В статье А. А. Залевской, критически освещающей вопросы теории языкового сознания, приведено важное соображение, дополнительно оправдывающее выделение нами в этом разделе нескольких этапов коннотативного преобразования информации в процессе коммуникации: «переживание понятности и вербальное описание того, что именно понято, разные процессы. <...> Каждому известно, что даже когда более или менее развёрнутое вербальное описание понятого делается “для самого себя”, мы неоднократно уточняем, детализируем, пересматриваем эти описания. Такие процессы надстраиваются над первичным по своей функции актом переживания понимания и включают рефлекссию и интерпретацию с постоянным контролем того, насколько удачно дискретные языковые единицы способны отобразить многомерный континуум понятого или задуманного. <...> В свете сказанного языковое произведение оказывается ключом ко множеству далеко не всегда поддающихся вербализации продуктов различных процессов переработки индивидом его разностороннего опыта взаимодействия с окружающим миром.<...> К сожалению, в научных исследованиях не принято разграничивать эти две ситуации: “для себя” и “для других” вторая по умолчанию принимается за тождественную

первой, хотя на самом деле они различаются по многим параметрам» (Залевская А. А., 2003, с. 31–32).

Можно обозначить вектор и характер причинно-следственной связи, мотивирующей описанное выше поэтапное преобразование информации при её передаче. В. И. Шаховский, отмечая неплодотворность и нецелесообразность разработок теории взаимодействия языка и сознания через семиотические структуры, пишет: «Судя по необозримому количеству работ психолингвистов, они зациклились на тезисе о единстве языка и сознания, на интерпретации сознания только с помощью языка, который через свои инструменты, в частности, через слово, опосредует сознание. Уже аксиоматичен вывод о том, что якобы единственным плодотворным путём изучения сознания является раскрытие структуры значений и смыслов, поскольку детерминантами сознания являются семиотические конструкции (знак, значение) <...> Фактически в большинстве последних по времени работ о сознании до сих пор речь идёт о языковом сознании, и даже понятия “образ мира” и “картина мира” основаны на вербалистском толковании сознания» (Шаховский В. И., 2006, с. 64–65). Всё это свидетельствует о том, что не имеет смысла далее в лингвистических исследованиях, рассматривающих язык через призму мышления, акцентировать внимание на вовлечённости языка в мыслительные процессы. Гораздо большую глубину понимания даёт описание отражения в языке довербальных информационных структур, а именно, человеческих эмоций (Шаховский В. И., 2006, с. 65). Мы полностью разделяем взгляды В. И. Шаховского на эмотивную подоплёку функционирования языка. Когда речь идёт о настолько тонких, незримых явлениях, направление рассуждений вернее всего корректировать, обращаясь к положениям соответствующих научных традиций, см., например, у А. М. Пятигорского: «Пять органов чувств и ум входят в соприкосновение с вещами и фактами мира, и этим производятся реакции.

Реакции производят в живом существе более сложные психические функции – эмоции. Эмоции порождают жажду продолжать существование. Жажда продолжать существование вызывает к жизни связи и отношения данного живого существа с вещами и фактами мира и с самим собой. Эти отношения обуславливают само существование живого существа» (Пятигорский А. М., 2015). Эмоции в самом общем понимании, в противопоставлении условной рациональности, сопутствуют и во многом задают характер и направление коннотативного процесса, их воздействие можно проследить на всех его этапах. Наиболее заметное влияние этот фактор оказывает в исходной точке, так как это не просто влияние, он скорее становится катализатором, благодаря которому процесс запускается. Мы уже говорили выше, что отправным пунктом коннотирования слова является пересечение его денотатом некоего порога значимости для человека как носителя языка. Даже при наличии явной объективной детерминированности роста значимости, как в случае с животными, помогающими людям обслуживать свои первостепенные потребности, очевидно, что вовлечение эмоционального восприятия в динамику значимости происходит непременно, что и позволяет в дальнейшем слову обрастать метафорическими значениями, подниматься по шкале значимости настолько высоко, чтобы оказаться частью глубоких религиозных верований. Таким образом, компонент, названный В. И. Шаховским эмотивным, на этапе образования коннотации оказывается единственным значимым функциональным макрокомпонентом, тогда как содержание его может быть маркировано как культурное. Логичным кажется возразить, что на самом деле важнейшую роль здесь играет оценка и закладывает соответствующий компонент коннотации слова, сохраняющийся в дальнейшем, однако это будет справедливо только наполовину: оценка действительно происходит, и она явно присутствует в нашем представлении о «пороге значимости». Объект, явление или какая-

либо иная номинируемая сущность оценивается как в большой степени плохая или хорошая, как + или –, как, если избавляться от рациональных оценочных наименований, эмоционально приятная или неприятная и поэтому становится значимой. Но важно понимать, что чисто рациональные оценки, если они и возможны, не могут мотивировать коннотативный процесс, так как не стимулируют творческую способность носителя языка. Иными словами, то, что произвольно и естественно оценивается человеком как хорошее или плохое, получает и эмотивную составляющую коннотации, так как уже стало близким и значимым для его жизни. На последнем этапе коммуникативного использования коннотации эмоции реципиента, вызванные в нём воспринятым текстом, являются средством, позволяющим выполнить прагматические установки. Присутствие эмотивной стороны во всех промежуточных фазах коннотативного процесса, на наш взгляд, несомненно, оно легко прослеживается также на примере любой из упомянутых ранее в тексте зоонимических лексем.

Итак, встрече знака со своим актуальным коннотативным означаемым на арене восприятия в коммуникации или при чтении предшествует длительный процесс, в начале которого слово с вещественным значением за счёт внеязыковых обстоятельств обретает потенциал к развитию коннотации, и на всём протяжении этого развития в нём продолжают перераспределяться и оформляться различные элементы. Наиболее примечательными особенностями действия коннотации с точки зрения психолингвистической трактовки является, во-первых, способность умножения интерпретаций, которая проявляется при общении во множественных отражениях на разных этапах и с точки зрения разных участников коммуникации, создавая объёмную картину ситуации, раскрывая мотивы и прагматические установки говорящих и их представления друг о друге. Во-вторых, коннотирование как одно из

основных следствий ассоциативности человеческого мышления, выполняет мифоструктурирующую функцию, схематизируя содержание как индивидуальной, так и общественной мысли до упрощённой, усложнённой или любым образом выстроенной взамен свободного течения, которое в каждой точке может сменить направление, картины, в деталях которой по коннотативным признакам её языкового выражения проступают этические и эстетические установки.

Выводы

Рассмотрение истории укоренения термина в науке показало, что первоначально иным был не столько его смысл, сколько связанная с этим смыслом область употребления. Сейчас термин используется в переводоведении, стилистике, лингвистической семантике, однако при своём появлении он означал особенности грамматической категории прилагательного и применялся довольно узко. Ни одна из поддающихся описанию сторон функционирования коннотативной семантики не противоречит определению О. С. Ахмановой. Сложными являются вопросы практического разграничения областей коннотации и денотации, соотношения этой границы с зоной лексического значения, абстрактной характеристики тех или иных компонентов семантики как «основных» или «второстепенных», а также выделения собственно коннотативных означаемых внутри или вне контекста с учётом их содержания и функции. Разночтения в толковании коннотации связаны не с тем, что её компоненты разнородны и не укладываются в универсальную модель, а с тем, что под одним этим термином понимается целый цикл бесконечного процесса означивания.

В функционировании коннотации как феномена можно выделить несколько фаз, каждой из которых свойственны специфические характеристики.

Вопрос о включении коннотации в структуру лексического значения слова или исключении из неё сложен в силу умозрительности его границ. Лексическое значение не может быть самостоятельно, изолированно и идеально, так как в противном случае будет подобно пробирке с лабораторным мутантом. Если же признать наличие в нём несколько хаотической естественности, мы встречаемся с признанной характеристикой значения как совокупности употреблений, а живое употребление языковых средств может быть денотативным, ограниченным узкими рамками лексического значения только в условиях сознательного конструирования, и даже в этом случае оно всё же будет сопровождаться коннотацией, содержащей условия, на которых данное денотативное значение привлечено в определённых целях, своеобразной «коннотацией присутствия». Для лексем тематической группы зоонимов это особенно актуально в силу особой близости человека и разнообразных представителей фауны, выраженной в материальной и духовной культуре и, конечно, в языке. Благодаря этой беспрецедентной связи, от которой человек, вероятно, никогда не сможет изолировать своё воображение и свести на нет её проявления в своём образе мира, семантика зоонимов количественно и качественно насыщена настолько сильно, что попытка отделить денотативную область лексического значения приводит только к повторению научного понятия, тогда как для жизни языка гораздо более важна «наивная» семантика, чем характеристика объекта как части научной картины мира.

Структурные, содержательные и функциональные стороны коннотации находятся в зависимости от характеристик денотации, а потому отличаются не только для разных лексико-грамматических

категорий слов, но и для разных тематических групп в пределах одной категории. Так, имена существительные имеют огромный коннотативный потенциал в целом, но развивают этот потенциал только те существительные, которые называют или связаны с чем-то в образе мира человека, что наделено им большой значимостью на основе эмотивного восприятия. Для таких абстракций, как *сила, время, дух, красота*, вопрос внеконтекстного выделения коннотации неразрешим, так как область денотации не ясна и не может стать ясной. Названия внутренних свойств человека имеют уже совершенно иную семантическую структуру. С первого взгляда очевидно, что ни одно из таких слов как *образованность, тщеславие, скардность, добродушие, подобострастие, дружелюбие* и т.д. никогда не используется и не воспринимается без оценочного компонента в семантике, хотя он и не входит в узко понимаемое лексическое значение слова.

Названия животных, наряду с названиями частей тела человека, растений, пространственных характеристик, элементов быта и явлений природы составляют ту группу лексики, для которой обусловленность коннотации денотатом и внеязыковой действительностью особенно сильна, а сами коннотации особенно устойчивы, будучи закреплены в основополагающих признаках образа мира. Что человек видел вокруг себя и суть чего представлял доступной для познания, тому он приписывал множество других означаемых, которые были уже не так доступны для осмысления и понятны, а зоологические образы по времени проявления своих следов в истории человеческой культуры уступают только самым элементарным символам жизни и плодородия, содержащим обобщённую идею того, что есть у каждого человека и продолжает нашу жизнь на Земле. Стоит заметить, что ни одна группа лексики не имеет настолько яркой и древней коннотативной семантики, как комплекс дополнительных значений очень небольшого количества слов, называющих половые

признаки. Закономерность такова: чем уже и определённое денотативная область и чем более понятен референт в материальном мире, тем богаче коннотативный потенциал слова, и, наоборот, чем более денотативная семантика расплывчата, умозрительна и зависима от индивидуального восприятия, тем меньше «свободы» остаётся у слова для развития яркой коннотации.

Было выделено три типа коннотаций в соответствии с объёмом и формой экспликации их содержания: признаки, предикативные характеристики и внеположные контексты любого объёма – и три функции, которые соответствуют реализации конкретного содержания: выделительная, отсылочная и собственно стилистическая, которая свойственна в основном устойчивым в употреблении пейоративным значениям, может нести чистую экспрессию, а также одобрение или неодобрение, окказионально сопутствующее коннотирующей лексеме.

Совокупность разнородных единиц содержания коннотации может быть описана для конкретного слова изолированно, применительно к его потенциальному коннотативному объёму, тогда как функциональная характеристика реализуется соозначающим словом в цельной ткани текста. Как и при переплетении нитей из одной незакреплённой можно создать любой контур. Будучи вплетённой в общий рисунок, она может иметь и небольшое значение, но накрепко связанное с канвой, образуемой другими. Содержательные и функциональные свойства коннотаций лексемы выстраивают уникальную комбинацию не только в каждом контексте, но и при каждом новом состоянии двух других элементов триады «текст–автор–читатель».

В соответствии с представлением о коннотации как о процессе были определены общие фазы и характеристики этого процесса. Наибольшим потенциалом к развитию многогранной коннотации обладают конкретные имена существительные. Для них точкой отсчёта этого процесса является

первая фаза – момент пересечения понятием и входящим в него комплексом признаков некоего порога значимости для человека. У зоонимов, как правило, это происходит за счёт двух мотиваторов – бытовых условий жизни и анимических, мифологических представлений. Они задают эмотивное восприятие объекта или явления, которое на рациональном уровне превращается в оценку, полностью относясь к коннотативной сфере. **Вторую фазу** – длительный процесс формирования каждой конкретной коннотации сложно проследить, и результатом подобного исследования является не лингвистическое исследование, а материал для словаря образности или символики. С точки зрения целесообразности для понимания современного состояния той или иной коннотации важным является **третья фаза**, оформление коннотации в известном нам виде на основе определённого источника. Источники уже гораздо более разнообразны, чем мотиваторы первой фазы коннотативного процесса. Это принятые способы литературного использования лексемы, а также религиозные, исторические, политические или иные культурные контексты её употребления. Именно описание всей совокупности подобных влияний в коннотации слова является толкованием её потенциального коннотативного объёма, то есть всех значимых вариантов дополнительных значений, накопленных за весь известный срок с начала коннотативного процесса. **Четвёртой фазой** является непосредственная актуализация дополнительного значения в употреблении. Каждое из статистически значимых употреблений вносит свой вклад в потенциальный набор коннотативных оттенков, и каждое из них в этой многократно последней фазе реализует внутри неё свою, действительную только единожды, комбинацию семантических компонентов. С точки зрения психолингвистического функционирования коннотации процесс её реализации дробится на несколько аспектов, будучи преломлениями семантики одного и того же слова или выражения

в разных модусах восприятия. Коннотативный объём семантики служит автору текста или производителю высказывания при сознательном или несознательном планировании речевого выражения своего намерения средством конструирурования собственного образа «для себя» и «для других». С точки зрения реципиента коннотация позволяет увидеть картину того, что хотел выразить собеседник или автор, что это желание говорит о нём, как данные средства выражения характеризуют адресата, на которого направлен текст, и как этот адресат (слушатель или читатель) видит себя в свете этого акта распознавания.

Невозможность реального использования чисто денотативных форм выражения мысли и следующая из этого способность коннотации как феномена давать дополнительный объём слову, который можно сравнить, в зависимости от масштаба и свойств, с двойным дном или потайным кармашком, который практически никогда не бывает пустым, позволяют выделить значимую для человеческих сообществ особенность коннотативности, проявляющейся в высказываниях и текстах. Это – роль коннотации в создании, структурировании, поддержании и передаче определённых ценностных, эстетических, эмотивных установок, её мифоструктурирующая функция. Миф в данном случае понимается широко: как не всегда осознаваемый механизм, обуславливающий представления о действительности, мыслимой в качестве объективной и о том, какое место в ней занимают и чем являются в ней субъект и «другие».

Глава 2. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОННОТАЦИЙ ЗООНИМОВ В ПОЭЗИИ САШИ ЧЁРНОГО

*Ни одного сколько-нибудь связного суждения,
ни одной отвлечённой мысли человек не выскажет
без того, чтобы не выдать себя с головой, бессознательно
не вложить в неё всё своё “я”, не передать символически
лейтмотив и исконную проблему всей своей жизни.*

Томас Манн

Вводные замечания

Мы рассматриваем свойства и содержание коннотаций тематической группы зоонимов, специфика семантики которых обусловлена несравнимой ни с какими иными группами объектов значимостью именуемой этими словами фауны. Так как язык – это не набор словарных значений и грамматических законов, а комплекс бесчисленных его реализаций, регулируемых внешними социальными факторами, переходящими во внутренние личностные, мы выбрали в качестве языкового материала идиолект Саши Чёрного как пример того, как происходит это преломление внешнего во внутреннем и как многовековая коннотативная система зоонимов реализует себя в определённый период времени по сравнению с накопленной до этого совокупностью коннотаций и с нынешним узуальным употреблением.

В этой главе получит свою презентацию характеристика функционирования коннотаций избранной тематической группы лексики при их контекстуальной реализации в поэзии Саши Чёрного. В параграфе

2.1. определяется место Саши Чёрного в литературной жизни своего времени, что очень важно для представления о том, какие образы и как формировались и функционировали в идиолекте поэта. Высказывания современников и свидетельства знакомых о чертах его характера, проявляющихся в манере держаться, также имеют значение, так как «позволяют судить, хотя и косвенно, о содержании образов сознания» (Тарасов Е. Ф., 2010, с. 25). В главе будут рассмотрены частные лингвистические вопросы, связанные с описанием коннотативных означаемых, функционирующих в идиолекте Саши Чёрного как в зафиксированной индивидуальной авторской реализации языковой системы.

Первым из таких вопросов является коннотативная оценочность, выделенная в предыдущей главе как катализатор нарастания коннотативного содержания слова, резюмирующий в форме положения между точками «хорошо» и «плохо» эмоциональное восприятие называемого словом объекта. В параграфе 2.2. будет проанализирована семантическая категория оценки на избранном языковом материале, сатирическая направленность которого максимально способствует раскрытию спектра оценочных значений тематической группы зоонимов. В главе будут представлены обстоятельства реализации коннотации в контексте, которые условно названы синтаксическими механизмами, так как, по-видимому, существуют закономерности, связывающие позицию слова в структуре предложения со способом и полнотой проявления его коннотативных означаемых. В последнем параграфе особое внимание уделяется конструкциям со значением сравнения и их структурным и семантическим особенностям в поэтических текстах Саши Чёрного.

2.1. Поэзия Саши Чёрного в согласии и в споре с эпохой

Семантическая система языка представляет собой некий континуум, каждый вектор которого продолжает предыдущий. Динамика этой системы характеризуется совокупностью изменившихся и расширившихся значений, но система сохраняет и множество смыслов, свойственных более ранним стадиям, поэтому нам представляется рациональным избрать для более тщательного анализа такой период, в котором пересекаются две значительно отличающиеся друг от друга нормы литературного языка, и такой материал, который репрезентативен для конкретного исторического периода и литературного жанра.

Первая четверть XX века была временем, когда русская культура переживала сложный и насыщенный период, связанный как с историческими событиями, так и с радикально новаторскими течениями, воплощающимися в философии, психологии, живописи, музыке, хореографии и, естественно, в литературном языке. При этом нельзя назвать элементарной задачей поиск репрезентативного идиолекта как индивидуальной, уникальной семантической системы, находящейся при этом в состоянии динамического баланса с единой системой значений русского языка. Интересно избрать для анализа тексты такого автора, который занимал критическую позицию наблюдателя, стоял несколько поодаль от литературного процесса, в наименьшей степени подвергался влиянию многообразных стилей и концепций, однако имел о них полное представление. Бесспорно, научного интереса достойны многие яркие идиолекты писателей указанного периода. Однако в данном случае привлекает не прогрессивность творческого метода, как, например, у «Гилеи» и футуристов, не новая романтика символистов, а языковое воплощение картины мира, наиболее приближённое к простому, обывательскому, но одухотворённое при этом сильным и своеобразным

художественным дарованием. А. И. Куприн писал о Саше Чёрном: «Милый поэт, совсем своеобразный, полный доброго восхищения жизнью, людьми, травами и животными, тот ласковый и скромный рыцарь, в щите которого, заменяя герольда, смеется юмор и сверкает капелька слезы» (Куприн А. И., 1973). Вспоминая о предшествующих первой мировой войне и революции тёмных годах политической реакции в России, К. И. Чуковский выводит на первый план не правительственный террор и подобные обстоятельства, а куда более сложное явление – «страшную болезнь, вроде чумы или оспы, которой заболели тогда тысячи русских людей. Болезнь называлась: опошление, загнивание души, ибо с политической реакцией свирепствовала в ту пору психическая; она отравила умы и чудовищно искалечила нравы» (Чуковский К. И., 1996, с. 7). Бесславное окончание революции 1905 года оказалось для обширных слоёв интеллигенции крахом и их духовной жизни, начались повальные самоубийства. Соответственно социальной обстановке и в литературе обновилась мотивная сфера: распространённой темой стала смерть. Она воспевалась в гимнах и становилась предметом культа. Такое декадентство с позиции разума, но без свойственной ему резкой сатиры Саша Чёрный осуждает: *Бесконечно позорно в припадке печали / Добровольно исчезнуть, как тень на стекле. <...> Оставайся! Так мало здесь чутких и честных.../ Оставайся! Лишь в них оправданье земли. / Адресов я не знаю – ищи неизвестных, Как и ты, неподвижно лежащих в пыли. / Если лучшие будут бросаться в пролёты, / Скиснет мир от бескрылых гиен и тупиц! / Полюби безотчётную радость полёта.../ Разверни свою душу до полных границ. / Будь женой или мужем, сестрой или братом,/ Акушеркой, художником, нянькой, врачом, / Отдавай – и, дрожа, не тянись за возвратом: / Все сердца открываются этим ключом.*

Одновременно в литературе получили небывалое развитие эротические мотивы. Это явление отражено в стихотворении Саши

Чёрного 1908 года «Песня о поле»: *...Сплетайте вокруг подола / Весёлый «хоровод». / Ни слёз, ни жертв, ни муки ... / Подыдем знамя-брюки Высоко над толпой. / Ах, нет доступней темы! / На ней сойдёмся все мы – / И зрячий и слепой.*

Крайнюю степень проявления «обывательщины» подтверждает обилие юмористов, злоеющее на фоне массовых виселиц. К. И. Чуковский понимает эти процессы как воплощение «отрыва от идеалов гражданственности», но можно посмотреть на них и с другой стороны: в обстановке крайнего отчаяния проявляются самые естественные и простые стремления человека, по З. Фрейду, «стремление к жизни» – к физическим проявлениям любви, к смеху – и «стремление к смерти». В рамках этой парадигмы ничего пошлого и предосудительного в таком поведении людей нет, но отражение этих настроений в литературе – вопрос более тонкий. Саша Чёрный стал тем поэтом, который взбунтовался против этой мрачной эпохи в своих стихах времён работы в «Сатириконе» и нашёл самый эффективный способ сатирического отображения действительности, не только проклиная и издеваясь над нею, а примеряя на себя образ, маскируясь под ненавистного ему обывателя и говоря от имени этой «отвратительной маски». Тогда пользовалось популярностью всё экстравагантное. Как пишет в предисловии к собранию сочинений Саши Чёрного А. С. Иванов, «на этом костюмированном балу одни были одеты в косоворотку, другие – в жёлтую кофту, а кто-то – “в чём-то испанском” или “в чём-то норвежском. <...> В литературный “балаганчик”, над входом в который светился “цветной фонарь обмана”, поэт заявился в удручающе шокирующем некарнавальном облачении» (Иванов А. С., 2007, с. 14). Тема сатирического периода его творчества – отсутствие у так называемой образованной части общества живой души, опустошённость, страх перед осознанной деятельностью и неспособность к ней, отчуждённость от людей и природы, стадность,

автоматизированность суждений и действий. «Он попал, так сказать, в самый нерв эпохи, и эпоха закричала о себе его голосом» (Чуковский К. И., 1996, с. 8). Всё это: неестественность, бесчеловечность, обезличенность – является истинным направлением его сатиры, тогда как претенциозно-смешные, неискренние, поверхностные люди – это лишь частные проявления общей тенденции. При этом стиль его так оригинален, так не похож ни на чей, что узнать автора можно по одной строке, в том числе по небывалым для поэтического языка вкраплениям образов животного мира в разнящиеся по настроению стихотворения: *Я поведу вас узкою тропой, – / Вы не боитесь жаб и паутины? – / Вдоль мельницы пустынной и слепой, / Сквозь заросли сирени и малины...; На печи поёт сверчок: / «Есть для всех верёвка»; Вечная память прекрасным и звучным словам! / Вечная память дешёвым и искренним позам! / Страшно дрожать по своим беспартийным углам / Крылья спалившим стрекозам!; Я, как страус, не раз зарывался в песок... / Но сегодня мой дух так спокойно высок...*

Саша Чёрный имел невероятную способность быстро, в два слова создавать художественный образ, делая акцент именно на колоритное, динамическое изображение, подчинённое лиризму. Очень часто образы эти отсылают читателя к животному миру в разных его проявлениях. Корней Чуковский вспоминает, как пришёл вместе с поэтом в гости к издателю и при виде большого сибирского кота, спавшего на письменном столе, Саша Чёрный усмехнулся и сказал: «Толстая муфта с глазами русалки». Эта молниеносная метафора показалась литераторам настолько точной и меткой, что они «повторяли её каждый раз, когда им на глаза попадался этот кот» (Чуковский К. И., 1996, с. 10). Позже она появилась и в одном из стихотворений в печати.

Зоонимическая метафорика была свойственна не только поэтическому языку Саши Чёрного. Отзываясь о некоем работнике

издательства, он добродушно отметил: «Из всех крокодилов, пожирающих писательское мясо, это самый симпатичный» (Чуковский К. И., 1996, с. 17). Советский критик З. С. Паперный, восхищаясь свежими и меткими образами, характеризует насыщенность зоонимическими сравнениями и эпитетами (дама, улыбающаяся, как тарань, прячущая свои *рыбьи кости* в нежно-розовую ткань; господа с *телячьими улыбками*, в жилетах *орангутанговых тонов*) как изображение мира торжествующего примитива, **человекоподобной животности** (Чуковский К. И., 1996, с. 12). На причины появления этой особенности также могут быть разные точки зрения. Помимо очевидной внутренней склонности поэта, художественного вкуса, альтернативную версию высказывает К. И. Чуковский: «Для той маски обанкротившегося интеллигента, от имени которой Саша Чёрный написал свой сатирический цикл, чрезвычайно характерно представление о мире как об отвратительной и грязной дыре, где копошатся какие-то “гады” и “жабы”» (Чуковский К. И., 1996, с. 13). Умственная работа оказывается бесплодными и ограниченными размышлениями и спорами, а реальная жизнь переходит в суетность, «долженствующую имитировать жизнеподобную активность» (Иванов А.С., 2007, с. 160). Духовное обнищание делает людей механистичными, стандартизированными в соответствии с несколькими принятыми в обществе стратегиями поведения, а такая автоматизация всех внутренних реакций человека становится в системе образов поэтического языка Саши Чёрного мотивом для того, чтобы сравнить их с животными, насекомыми и другими существами, которым умственная и духовная сложность человека не свойственна. При этом сами животные оказываются на светлой стороне образной системы наравне с детьми и их прямые наименования всегда имеют только положительные контекстуальные коннотации, потому что они, как и дети, естественны. Однако даже самые закостеневшие в своих городских костюмах и светских образах люди у

Саши Чёрного оживают в отдалении от города, сбрасывают маски и становятся благородными и простыми: *Фокс мой, к борту прижав свои лапы, / Нюхал воздух в восторженной позе. / Я сидел неподвижно без шляпы / И молился дождю и берёзе.*

Эта особенность поэтического словаря – обилие зоонимов в разных функциях – была отмечена В. Набоковым в мемориальной статье: «Кажется, нет у него такого стихотворения, где бы ни отыскался хоть один зоологический эпитет, – так в гостиной или кабинете можно найти под креслом плюшевую игрушку, и это признак того, что в доме есть дети. Маленькое животное в углу стихотворения – марка Саши Чёрного» (Набоков В. В., цит. по Иванов А. С., 2007, с. 28). Он стал новатором во многом, в частности, расширив взрослый поэтический словарь жабами, зайцами, мопсами, комарами. Эту традицию развил и продолжил Николай Олейников, творивший уже в такое время, когда слишком прозрачно намекать на человеческое общество было вредно, поэтому его поэзия подробнее описала сложный мир взаимоотношений мух, тараканов, муравьёв, чижей и других существ.

Сашу Чёрного часто упрекают в грубости, неэстетичности, но сложно не увидеть гораздо более яркие качества его стихов, их «пленительную пластичность, обволакивающую уютность речи, доверительность тона, какое-то удивительное добросердечие. <...> Сатиры его – это письма к ближним, попавшим в беду, к тем, кто умудрился собственную жизнь – дарованное им драгоценное чудо – так бездарно исковеркать» (Иванов А. С., 2007, с. 22). Благодаря выраженной в стихотворных произведениях поэта оппозиции распространённым темам и мотивам представляется чёткий набросок той обстановки, которая стала объектом его сатиры. Проявляющиеся в идиолекте поэта на уровне коннотативных означаемых взгляды и оценки находятся одновременно и в соответствии с образом эпохи, отражённом в литературном процессе, и

отличаются самобытностью мотивов, обусловленной спецификой черт его характера, позволяющих ему глубоко и остро переживать происходящее и при этом сторониться не только участия, но даже видимой причастности к тому, что составляло политические, творческие, поведенческие и иные тенденции, увлекающие многих его современников.

Одной из особенностей поэтического языка Саши Чёрного является отмеченное и критикой, и публикой активное использование слов тематической группы зоонимов при описании человеческих черт. Их обилие действительно примечательно, однако, как мы уже говорили в предыдущей главе, эта тематическая группа на протяжении всей истории развития языка играла роль резервуара, наполнявшегося коннотативно означаемыми признаками, приписываемыми представителям фауны. Таким образом, интерес представляет не только сама эта черта поэтического идиолекта Саши Чёрного, но и соотношение установленных традицией и оригинальных контекстуальных коннотаций, семантические и грамматические механизмы, сопутствующие реализации дополнительных значений зоонимов, а также функциональный аспект их использования.

2.2. Оценочная коннотативная семантика зоонимов в поэзии Саши Чёрного

*Ах, в теперешние дни с каким жгучим, опьяняющим,
сладким негодованием читаешь эти сатиры,
где каждое сжатое слово подобно удару резца по мрамору.
Итак, Саша Чёрный всюду остаётся настоящим,
тонко чувствующим и глубоко думающим лириком –
в красках, в звуках, в сатире, и быте, и светлых
нежно-чувственных образах природы.*
А. И. Куприн

Оценочное значение – это одна из основных семантических категорий, формирующих коннотативное значение. Его составляющие не

регулируются строгими иерархическими отношениями вследствие сложных пересечений связей между различными категориями и имплицитности компонентов их содержания (Маркелова Т. В., 1993, с. 86). Так, логически сложные категории зачастую включают в себя более простые, а многие категории носят относительный характер. Некоторые из них составляют однородные по логическому содержанию объединения, лежащие в основе группировки функционально-семантических полей.

В предыдущей главе оценка объекта представлена как мотивирующий механизм образования коннотативных значений слова, называющего этот объект. «Маслом», смазывающим этот механизм и позволяющим ему работать, является эмоциональное восприятие объекта человеком, составляющее эмотивный компонент коннотативной семантики. Здесь мы сосредотачиваемся именно на оценочности, так как проявления эмотивности менее поддаются описанию, но всегда ощутимы и очевидны при анализе дополнительного оценочного значения слова.

Категория оценки всегда связана с категориями субъекта и объекта. Она, по мнению Т. В. Маркеловой, входит в группировку количественно-качественных полей, логически объединяясь с семантической категорией качества (Маркелова Т. В., 1993, с. 87). Важным фактором для обозначения границ оценочной семантики является разделение семантических категорий на собственно номинационные и интерпретационные. Оценка, относясь к интерпретационному классу, характеризуется зависимостью от внеязыковых факторов, от роли говорящего в акте коммуникации, что подтверждает принадлежность этой категории к области субъективного восприятия. Отметим, что понимание места оценки в совокупности семантических категорий как интерпретационной характеристики имеет много общего с пониманием коннотации в рамках теории лингвистической экспертизы как значения,

которое не обязательно воспринимается адресатом сообщения (читателем текста), а его понимание зависит также от внеязыковых факторов.

Основополагающим для нас является тезис В. В. Виноградова о том, что в поэтическом языке «находит выражение оценка изображаемого мира со стороны писателя, его отношения к действительности, его миропонимания» (Виноградов В. В., 1981, с. 114). Оценочная семантика представляет собой сложную систему, определяемую семантическими категориями субъекта, объекта, характера оценки и основания оценки. Природа этих компонентов лежит в основе специфических признаков семантики оценки. В соответствии с экстремумами шкалы оценки «хорошо» и «плохо» при внешней дискретности оценки, каждый компонент оказывает влияние на характеристику «хорошести», выражаемую оценкой. Это свойство зависит от природы объекта, а та, в свою очередь, обусловлена «выбором» субъекта – сензитивным или интеллектуальным аспектом его оценочной деятельности.

Выражения, не содержащие эксплицитных элементов оценки ни в виде специальных слов, ни в виде сем, резко выделяются среди оценочных высказываний. При отсутствии вышеупомянутых маркёров они тем не менее приобретают оценочное значение, накладываясь на общий для данного социума образ мира и существующие в нём стереотипы. Зоонимы, несущие оценочное значение, относятся именно к таким, квазиоценочным выражениям, в которых оценка не проявляется в специальных словах: *Не ты ль, приятель, Льва Толстого / На Джека Лондона сменил? / Кто «интересней», – тот и мил. / К чему **кроту** вершины слова.* Однако иногда дополнительные характеризующие слова в сочетании с зоонимом могут уточнять оценочное значение: *Кто в трамвае, как акула, **отвратительно** зевает.* В структуру такой оценки входят и имплицитные, и эксплицитные элементы. Так, объект оценки в большинстве случаев бывает выражен эксплицитно: *Кто в трамвае, как акула, **отвратительно** зевает? То*

зевает друг-читатель над скучнейшей газетой. Если для логики оценок параметр имплицитности или эксплицитности не имеет существенного веса, то для лингвистического анализа оценок этот вопрос первостепенно важен. Оценочный компонент играет одну из существенных ролей в появлении у слова коннотативного значения и дальнейшем его формировании (см. подробнее в Главе 1).

С логической точки зрения, категория оценки включает следующие элементы: оценивающий субъект, оцениваемый предмет или объект, характер оценки и основание оценки. Они соотносятся с языковой семантикой оценки, которая отражает структуру оценочного суждения (Маркелова Т. В., 1993, с. 86). Суждение выносится следующим образом: опыт, определённое состояние сознания и общечеловеческие стандарты бытия мотивируют субъект приписать ценность определённому предмету путём выражения оценки.

Для нашего исследования важно рассмотреть эти элементы, составляющие структуру оценки, в соответствии с определённым материалом и целями. При анализе художественного поэтического текста с точки зрения коннотативного содержания за субъект оценки принимаем автора, вне зависимости от того, встречается ли слово в составе прямой или косвенной речи персонажа или лирического героя стихотворения. Употребление слова в косвенной речи персонажа, несомненно, является инструментом характеристики производителя речи, поэтому субъектом оценки будем считать автора, хотя при реальной коммуникации субъект и производитель высказывания, как правило, совпадают. Так, в примере: *...медички повторяли те же клички: «Грымза! **Килька!** Баба! Франт!»* – оценочный компонент семантики зоонима *килька* эксплицитно функционирует в составе оценочного предиката. Имплицитно же он служит созданию художественного образа производителя косвенной речи, так как слово *килька* в определённый период использовалось в качестве

оскорбления на одесских базарах (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии»), что свидетельствует о связи говорящего с базаром и, соответственно, способствует формированию иронического оценочного значения. Таким образом, в подобных случаях автор является субъектом оценки, а субъект становится объектом. Эти переходы соотносятся с описанной в параграфе системой коннотативных преобразований. То, что персонаж употребляет некое резкое оценочное выражение, служит средством оценки его самого: *Махин, чучело баранье, / Что ты ноги развернул! / Ноги вместе, морду выше! / Повтори, собачий сын.* В реальной речевой деятельности, где количество этих преобразований не ограничивается авторским замыслом, такие выражения на коннотативном уровне могут служить разнообразным целям организованного речевого воздействия, например, в политическом дискурсе (см. знаменитое выражение В. В. Путина *мочить в сортире*).

Оценка может носить абсолютный или сравнительный характер. Абсолютная оценка относится к одному объекту, а относительная сравнивает два объекта. В рамках нашего исследования коннотативной семантики зоонимов актуальным, за редким исключением, оказывается явление абсолютной оценки: *Под разврат бессмысленных речей человек тупеет, как скотина.* Содержанием следующего этапа характеристики является определение положительного или отрицательного отношения субъекта к объекту, связанного как с позицией объекта на шкале оценок (отрицательное – положительное – безразличное), так и с эмоциями, ощущениями и концептуальным миром субъекта (Маркелова Т. В., 1993, с. 88).

Вопрос о структуре оснований оценочных суждений является крайне сложным. Самая общая классификация, соотносящаяся с дихотомией объективного и субъективного, разделяет оценки на две группы: внутренние, основанием которых является некое чувство или

ощущение, и внешние, основанием которых служит некий образец, стандарт или норма (Маркелова Т. В., 1993, с. 82). В структуре внешней оценки имплицитность стереотипов и шкалы оценок как частей модальной рамки объясняется обязательностью ценностных ориентаций социума (Маркелова Т. В., 1993, с. 87). Эта модальная рамка не является постоянной, однако подвержена меньшей изменчивости, чем индивидуальные комплексы ценностных ориентаций, она больше зависит от социально-исторических обстоятельств, чем от своеобразия мышления отдельной личности. Так, Пушкин назвал Карамзина стариком 30 лет, что продиктовано, очевидно, не личным мнением поэта о возрастных особенностях человека, а именно тем, что для начала XIX в. этот возраст действительно считался преклонным, однако в наше время такое выражение уже может быть интерпретировано совсем иначе, соответственно, изменились и ассоциации со словом *старик*.

Положительность или отрицательность модуса оценки зависит от ситуации и стереотипов, по отношению к которым производится оценка. Несомненно, что при анализе живой речи имеет значение отнесённость оценок к событиям реального мира, а не к суждениям о нём, тогда как при исследовании художественного текста нам представляется необходимым уделять внимание именно индивидуальным основаниям авторской оценки. В обоих случаях оценка может оказаться связанной с процессами сравнения и выбора, которым необходим некий стандартизированный ориентир. Если в классе внешних оценок такой стандарт выводится из внеязыковых факторов действительности, то для интерпретации ориентира внутренних оценок отдельного человека, производителя текстов, писателя, требуется проделать более сложный путь: сначала найти и проанализировать выражающие оценочное значение лексические единицы, а уже потом согласно полученным координатам определить положение «осей» оценки. Крайними точками оси Y, обозначающей

внешнюю оценку, являются «хорошо» и «плохо», а крайними точками X оси – «нравится» и «не нравится», отражающими характер внутренней оценки. Применительно к такому материалу исследования, как язык поэзии, и особенно поэзии сатирической, оценки оси X, то есть оценки внутренние, субъективные, преобладают как количественно, так и качественно: *Брань и звуки заушений.../ И на них из всех дверей / Побежали светотени / Жадных к зрелищу зверей.*

В соответствии с описанной в Главе 1 схемой коннотативного процесса, оценка, основанная на предваряющей её эмотивности, занимает высшую позицию в иерархии компонентов семантической ассоциации. Авторский стиль воплощается в стилистическом компоненте – выборе конкретного слова для отражения оценочной семантики, а обстоятельства реального мира становятся социокультурным основанием для выбора слова, выражающего оценку.

По сути своей оценочная семантика имеет много общего с категорией модальности, а именно, с субъективной модальностью, которая характеризует отношение автора высказывания к его содержанию. Объективная модальность, выражающая отношение действия к действительности, таким образом, совпадает с классом внешних оценок, а субъективная – с классом внутренних оценок. Е. М. Вольф в работе «Функциональная семантика оценки» говорит об этом так: «Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, т. е. модальную, компоненту, причём первая описывает одно или несколько возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» (Вольф Е. М., 2002, с. 97). Таким образом, оценочную модальность определяют не отдельные элементы высказывания, а высказывание в целом. Это

подводит нас к мысли о том, что, анализируя коннотативную оценочную семантику зоонимов, невозможно правильно описать характер оценки, не обращаясь к содержащему его высказыванию, не к конкретной синтаксической конструкции, а к общему, неразложимому смыслу выражения: *Начальнической плешу строгий блеск с бычачьим лбом сливается в гротеск.* «Встраиваясь в контекст, оценка выполняет функцию модальной рамки, наложенной на высказывание и не совпадающей ни с его логико-семантическим построением, ни с синтаксическим» (Вольф Е. М., 2002, с. 12). Так, на примере лексемы *звери* ярко видна контекстуальная амбивалентность коннотативной оценочной семантики. Оценка является внеденотативной для использования как в прямом значении, так и в переносном, но в прямом у Саши Чёрного она всегда имеет положительный, одобрительный характер, тогда как в переносном, максимально оторванном от денотации, направляется в адрес всего косного, злого, бесчувственного в людях: *Не один, но четыре еврейских вопроса! / Для господ шулеров и кокоток пера, / Для зверей, у которых на сердце кора, / Для голодных шпионов с душою барбоса.*

Вопрос о классификации оценочных значений может быть спорным. Кажется, что сам факт оценки заключает в себе смысл классификации объектов, ведь в толковании обоснования оценки часто появляется проблема того, какие существуют уровни для оценки по данному признаку. Тем не менее, оценка не обязательно предполагает систематизацию. Оценочные слова не выступают в классифицирующей функции, когда эмоциональный аспект преобладает над рациональным. Так, стол может быть *удобным, менее удобным и совсем неудобным, а более или менее великолепным* – нет. Сказанное относится как к оценочным прилагательным и наречиям, так и к существительным, в частности, к зоонимам, однако в зоонимах семантика оценки

актуализируется только в контексте, за исключением редких случаев. Например, лексема *крыса* просто не имеет в русской языковой картине мира положительных коннотаций. Во фразеологии закреплена негативная окраска (крысы первыми бегут с корабля, крысиные бега), а любые метафорические употребления характеризуются негативным модусом оценки, если отдельно не сказано иное (крысиное личико, выглядеть как мокрая крыса, вести себя как крыса). При этом таракан, будучи близким ей существом с бытовой точки зрения, в качестве понятия наделяется не только отрицательными языковыми коннотациями, его «живучесть» является основой для положительной, одобрительной метафорической оценки человека или другого живого существа. Учитывая, что крысы как вид обладают не меньшей живучестью, этот факт представляется нам довольно любопытным. Впрочем, классификация может присутствовать в случае с оценкой, обобщённо выражающейся в сравнении с животным. Это напрямую связано с синтаксическим воплощением такой оценки в предложении.

Оценочное значение может реализоваться и через относительные прилагательные или наречия, образованные от зоонима: *Родил собачий, затхлый быт и, приучивши спину к плети, охотно ел из всех корыт*. Так, например, в легендарном стихотворении О. Э. Мандельштама встречаем: *Тараканьи смеются усища и сияют его голенища*. Субъектом оценки в поэтическом тексте всегда является сам поэт, но объектом здесь оказывается не синтаксический субъект *усища*, с которым определительными отношениями связано прилагательное, а обозначенная местоимением личность И. В. Сталина. Характер оценки является резко отрицательным, что очевидно как из контекста в буквальном смысле слова, так и из контекста историко-литературного, обоснованием оценки становится отсылка к стихотворению К. И. Чуковского «Тараканище», в котором грозный таракан перепугал всех, включая гиппопотама. При

такой реализации оценочного значения градация характера оценки невозможна, у оцениваемого признака не может быть большая или меньшая степень проявления.

Аналогично мы рассматриваем реализацию оценочного суждения в речи с помощью конструкции со сравнительным союзом *как* – градация степеней не имеет места в таких случаях. Можно сформировать меру сравнения аналитически: *почти как, совсем как, точно как* и т. д., но в контексте данного исследования мы считаем нужным анализировать языковые единицы в том виде, в котором они приведены автором: *Дальше унтер говорит – и, как ястреб кровожадный, всё глазами шевелит.*

Поэзии свойственна субъективность, а наиболее субъективной стороной коннотативного значения слова является оценочный компонент. Семантическая категория оценки и её структурные элементы определённым образом адаптируются к описанию дополнительных оценочных значений зоонимов в сатирической поэзии. Так, в самом зоониме характер и основание оценки выражаются только имплицитно, без участия оценочных слов. Эксплицитно, как правило, бывает выражен объект оценки. Субъектом оценки в контексте исследования коннотации языковых единиц в текстах сатирической поэзии является автор, вне зависимости от синтаксического субъекта. Дифференциация относительных и абсолютных оценок в свете материала нашего исследования не включается в схему анализа, так как оценка, выраженная зоонимом, всегда является абсолютной.

Вопросы характеристики оценки как внешней или внутренней и определения оценочного слова как классификационного признака также могут считаться решёнными для зоонимов в сатирической поэзии Саши Чёрного. Таким образом, полем для плодотворного исследования коннотативной семантики языковых единиц сатирической поэзии оказываются составляющие категории оценки, соотносящиеся с

понятиями основания оценки и характера оценки. С категорией основания коннотативной оценки соотносятся содержательные экспликации дополнительного значения, описанные в Главе 1, а с характером оценки – его функциональное описание, которое может трактоваться как стилистическая характеристика и представать при лексикографической параметризации в виде специальной пометы. Оценка, осуществляемая при введении конструкции с зоонимом, никогда не имеет своим объектом называемое животное, то есть при этом реализуется основная внутритекстовая функция коннотации – компаративная. За счёт этой компаративности дополнительного значения возникает сатирический эффект, так как для денотата качество, ставшее основой для сопоставления, нормально, а для человека неестественно и «нечеловечно», что отличает сатиру Саши Чёрного от схожей басенной традиции.

2.3. Синтаксические закономерности реализации коннотаций зоонимов в поэтическом языке Саши Чёрного

Полноценное и всестороннее рассмотрение особенностей коннотативного значения зоонимов невозможно без описания их функционирования в основной единице текста – предложении. Для решения этой задачи первостепенную значимость имеет определение подхода, в рамках которого будет произведён анализ. Мы принимаем за отправную точку определение В. В. Виноградова: «Предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная (т. е. неделимая далее на речевые единицы с теми же основными структурными признаками) единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли. <...> Каждое предложение с грамматической точки зрения представляет собой

внутреннее единство словесно выраженных его членов, порядка их расположения и интонации» (Виноградов В. В., 1975).

В науке о языке имело место множество интерпретаций сути предложения и методов анализа его структуры. Радикально противоположными друг другу подходами можно назвать логический и формально-грамматический. В качестве основного вида воплощения и передачи мысли в ходе коммуникации предложение рассматривается как основа логического анализа суждения как формы мышления. В. В. Виноградов отмечает, что ещё в грамматике античности теория предложения и теория суждения тесно переплетались, а иногда и смешивались (Виноградов В. В., 1975). Результатом этого смешения стала созданная в XVII–XVIII вв. универсальная схема предложения и его членов, применявшаяся ко всем языкам мира. Согласно этой схеме в каждом предложении (включая безличные и бессубъектные) безотносительно к его грамматической структуре путём логических рассуждений выделялись субъект, предикат, объект и атрибут. При таком подходе характерные особенности разных типов предложения, отличительные черты их структуры, форм и способов выражения отдельных членов, а также историческое развитие состава предложения игнорировались или отходили на второй план. Эти и другие недостатки собственно логического подхода и изменение отношения к нему в работах отечественных исследователей, например, А. А. Потебни и А. А. Шахматова, описано В. В. Виноградовым в труде «Основные вопросы синтаксиса предложения». Применительно к целям описания коннотативного значения зоонимов логический подход к трактовке структуры предложения является достаточным и соотносится с проблемным полем исследования, в которое грамматика входит только как вспомогательный элемент.

Один из способов выражения оценочного значения, наиболее прямой, подразумевает предикатную позицию зоонима. В этих случаях объект и характер оценки соответствуют логико-грамматическим категориям объекта и предиката вследствие синтаксически обусловленного значения и предикатной, характеризующей семантики оценочной функции: *Свинья!* / *Меня назвать свиньёю? Ах, злодей!* / *Меня, / Который благородней всех людей?!* Здесь происходит совмещение ролевого субъекта и объекта оценки, выраженной зоонимом. О. И. Рыбальченко считает, что в данном случае имеет место переадресовка оценки: усиление иронического отношения и его экспрессивности через несогласие объекта с отрицательной оценкой, её неприятие (Рыбальченко О. И., 1999). Ключ к пониманию мотивации оценки содержится в названии стихотворения – «Ночная песня пьяницы». Лексема *свинья* развивает свои коннотативные семы, входя во множество сравнительных оборотов и фразеологических выражений. О. И. Рыбальченко выделяет семы ‘примитивность’, ‘грубость’, ‘неотёсанность’ и ‘неопрятность’, основываясь на употреблении слова *свинья* во фразеологических оборотах с семантикой отрицательной эмоциональной оценки (Рыбальченко О. И., 1999). Мы считаем, что более точно данное контекстуальное коннотативное значение характеризуют семы ‘невоздержанность’ и неопределимое одним словом значение ‘противоположности благородству’, непосредственно вытекающие из анализируемого текста.

Для выражения семантики осуждения используется зооним *осёл*, выполняющий функцию обращения: *Квартирант сидит на чемодане. / Груды книжек покрывают пол. / Злые стёкла свищут: эй, осел!*

Коннотация оценки, содержащаяся в лексеме *осёл*, в данном контексте не подразумевает резко отрицательного отношения к объекту оценки, это скорее добрая ирония автора. Это контекстуальное значение реализует потенциальные семы ‘нерешительность’, ‘неуверенность’,

‘робость’. Они мотивированы выражением *буриданов осёл*, бытующим в русской речи, а не переносным значением лексемы осёл ‘о глупом, тупом, упрямом человеке’. О. И. Рыбальченко связывает такое словоупотребление с социально-политическими взглядами Саши Чёрного, опираясь на строчку из того же стихотворения: – *Ты – народ, а я – интеллигент, – / Говорит он ей среди лобзаний. / – Наконец-то, здесь, сейчас, вдвоём, / Я тебя, а ты меня – поймём...*

И действительно, поэт часто в своём творчестве допускает жёсткие иронические высказывания в отношении людей, причисляющих себя к «интеллигенции», считая их взгляды излишне романтическими, оторванными от реальности, от жизни людей. Однако не может быть именно эта концепция, ведь слова *осёл* и *интеллигент* находятся на разных планах повествования. Второе переносное значение зоонима *осёл* мотивирует реализацию сем ‘упрямство’, ‘глупость’: *И вежливо в ответ мычишь: «Да-да, конечно...» А в горле вопль: «Осёл!»* Анализ контекстуальных значений лексемы *осёл* в поэзии Саши Чёрного позволяет нам делать выводы, касающиеся его позиции по отношению к представителям «нового искусства», этот вопрос более подробно освещён в Приложении.

Стоит отметить, что наиболее яркая эмоционально-экспрессивная окраска присуща предложениям, где зооним находится в составе основного компонента, передающего вещественное значение сказуемого, а предикативное значение выражено связкой *быть* в нулевой форме (см.: Герасименко Н. А., 2015, с. 145–159) в тех, где отсутствуют уточняющие значение элементы: *Они – три лебедя (а октябристы – раки, Союзники же – щуки без зубов); Нет, Рейн не ваш! И вы лишь тли на розе – Сосут и говорят: «Ах, это наш цветок!»; Сегодня люди – гады; Моя жена – насадка, мой сын – увы, эсер; Кузькин как товарищ – хам и гад, а как мужчина – жаба и кастрат; О ревность, раненая лань! О ревность,*

тигр грызущий!; Сегодня опять не пришла моя донна, Другой не завёл я – ворона, ворона!

Полнозначный глагол в сказуемом, второстепенные члены в структуре предложения способствуют ослаблению экспрессивности оценки: *Приятно ль быть волком? О, какая глухая тоска / Выть от вечного голода ночью / Под дождём у опушки леска... / Или быть безобразной жабой, / Глупо хлопать глазами без век / И любить только смрад трясины... / Я доволен, что я человек. / Лишь в одном я завидую жабе, – / Умирать ей, должно быть, легко: / Бессознательно вытянет лапки, / Побурчит и уснёт глубоко; А я её толстой гусыней в душе называл беспощадно; Лаборант уже не лев / И глядит бочком на дев; Хочу быть незлобным ягнёнком; Всю зиму нормандская баба недвижимее краба.*

Зоонимы в поэзии Саши Чёрного часто оказываются на месте субъекта в предложении. Для нормативного словоупотребления не характерна такая позиция слова, реализующего коннотативные значения, однако в художественном тексте совмещение синтаксической позиции подлежащего и коннотативного значения придают образу чёткость, оформленность и яркую выразительность, вне зависимости от того, насколько сильно проявляется коннотативность: *Мысли так свежи, / Пальто на толстой подкладке ватной, / И лучи-ужа / Ползут от глаз к фонарям и обратно; Пусть же мудрый и верблюд / Совершают строгий суд; Больной лоялен... На устах застыли крик и стоны, / С весёлым карканьем над ним уже кружат вороны...; Надо гневно помнить, встав с постели, / Что кроты не птицы, а кроты; Надо знать, что жизнь не вся убита, / Что она пока ещё моя, / Что под щепками разбитого корыта / Спит тоскливая, ленивая змея...*

Однако большинство субъектов-зоонимов в стихотворениях Саши Чёрного воплощают свои основные значения, то есть не утрачивают

архисему ‘представители фауны’: *в воде декламирует жаба; там аисты, милые птицы, семейство серьёзных жильцов; чета голубей воркует и ходит бочком вдоль карниза; пёс хозяйский подошёл к ним кротко; кот нежно ткнулся в рубашку; летят рысаки сквозь зелёное лоно; в возах – раскормленные кони, пылят коровы, мчатся овцы; Под водой дрожат, как студень, / Пять таинственных медуз. / Волны пухнут... Стая рыб косым пятном / Затемнила зелень моря. / В исступлении шальном, Воздух крыльями узора, / Вьются чайки.* Субъекты-зоонимы этого типа встречаются по большей части в стихотворениях, которые не имеют оттенка сатирической обличительности и недоброй иронии, считающейся одной из отличительных черт произведений Саши Чёрного. В семантике лексем зоонимического пласта в приведённых контекстах отсутствует коннотативный компонент негативной оценки. Так, в зоониме *аисты* явно присутствует контекстуальное значение положительной оценки. Для того чтобы верно его охарактеризовать, необходимо обратиться к полному тексту стихотворения, а также к обстоятельствам, в которых поэт сочинил эти строки. Недостаточно взглянуть на одно четверостишие. Если рассматривать как контекст исключительно его, можно вычленить только оттенок умиления, так как отрывок больше похож на поэзию для детей: *Там аисты, милые птицы, / Семейство серьёзных жильцов... / Торчат материнские спицы / И хохлятся спинки птенцов.*

Стихотворение «Аисты» написано в 1922 году, спустя два года после эмиграции из России и за два года до того, как поэт поселился во Франции уже до конца своей жизни. Впрочем, эти четыре года скитаний были, по-видимому, менее тяжелы морально для автора стихотворения, чем стабильное эмигрантское существование на юге Франции. В его стихах периода жизни в Ла-Фавьер сквозит ностальгия, он не презирает, подобно И. А. Бунину, новый порядок, установившийся в России, а кроме того, биографы и критики во главе с К. И. Чуковским утверждают, что

творчество его теряет свою остроту с удалением от привычных русских тем, ставших предметом остроумной критики. Поэзия приобретает большой лиризм, становится менее образной и конкретной. *С крыльца деревенского дома / Смотрю – и как сон для меня: / И грохот далёкого грома, / И перьев пушистых возня.* Здесь прослеживается двойственность духовного состояния писателя. Двойственность, граничащая с неопределённостью: нереальным и далёким кажется ему и умильный быт птенцов, и *грохот далёкого грома*, ассоциирующийся с беспокойным положением родины. Та бесцельность, бессмысленность «маленькой» жизни, резко осуждаемая Сашей Чёрным в более ранних, русских стихотворениях, приобретает в его эмигрантском творчестве положительную интерпретацию, ср.: *Отчего? Молчи и дохни. / Рок – хозяин, ты – лишь раб. / Плюнь, ослепни и оглохни, / И ворочайся, как краб! и Трещат про лягушек, про солнце, / Про листья и серенький мох – / Как будто в ведёрное донце / Бросают струёю горох...* То, что характеризовалось пренебрежительной авторской оценкой, теперь становится поводом для грусти и зависти: *В тумане дороги и цели, / Жестокие чёрные дни... / Хотя бы, хотя бы неделю / Пожить бы вот так, как они!* Таким образом и зооним *жаба*, который выполняет функцию субъекта в первом предложении этого стихотворения, реализуя своё основное лексическое значение, приобретает положительные оценочные коннотации, ср.: *васильевский остров прекрасен, как жаба в манжетах.* В свою очередь, слово *аист* в этом контексте реализует оригинальные, контекстуальные семы ‘беззаботности’, ‘естественности’.

Зоонимы в поэтических текстах Саши Чёрного не всегда имеют собственную вербализуемую коннотативную окраску. Однако они могут выражать собой детали общей семантической ассоциации, создаваемой одним стихотворением. Такое употребление в свете проблемного поля

нашего исследования несколько отличается от воплощения субъектами-зоонимами только своего основного значения.

В ностальгическом стихотворении 1920 года «На миг забыть – и вновь ты дома» также присутствует зооним *аист*, этот пример хорошо иллюстрирует обозначенное различие. В смысловом отношении стихотворение можно разделить на две части: набросок воображаемой или вспоминаемой действительности, оставленной родины и описание живой реальности, того, чем окружён поэт сейчас. В обеих этих частях присутствуют зоонимы, служащие созданию общего художественного образа: *Снижаясь, аист тянет к лугу, / Мужик коленом вздел подругу, – / Всё до пастушьей бороды, / Увы, так горестно знакомо! <...> Печёным хлебом дышат трубы, / И Жучка дремлет на бревне.* Глаголы, характеризующие зоонимы-субъекты, вносят важный оттенок значения. Общими семами для них являются ‘неторопливость’, ‘спокойствие’, ‘мирность происходящего’, тогда как во второй части происходят действия резкие, неконтролируемые, не приносящие ощущения уюта и покоя: *трясётся ксендз, гарцует стражник, здесь бой кипел, ревели пушки, чужая девочка сквозь тын смеётся, хлопая в ладони.*

Такие же оттенки вносятся во второй части стихотворения и в актуальную коннотативную семантику зоонимов: *В возах – раскормленные кони, / Пылят коровы, мчатся овцы, / Проходят с песнями литовцы – / И месяц, строгий и чужой, / Встаёт над дальнею межой...* Контраст прослеживается при сравнении употребления субъектов-зоонимов в приведённом стихотворении и в стихотворении военных лет «На поправке» (1916): *Целый день сижу на лавке / У отцовского крыльца. / Утки плещутся в канавке, / За плетнём кричит овца.* Здесь отсутствуют дополнительные значения зоонимов, присутствует слабо выраженная оценочная коннотация, раскрывающаяся историческим и биографическим контекстами.

Поэтике Саши Чёрного свойственна самобытная образность, актуальные коннотации первого уровня, то есть совпадающие с бытующим в языке употреблением, редко встречаются в его стихотворениях. Исключением можно назвать, например, зоонимы *осёл* и *щенок*: *Гурьба учащихся ослов бежит за горничною Лидкой; пришёл первокурсник-щенок*. Потенциальные семы 'упрямство', 'глупость' реализуются с помощью импликационала зоонима *осёл* по его словарному значению – второй семеме с переносным значением 'о глупом, тупом, упрямом человеке' (на сайте «Академик. Словари и энциклопедии»). Подобным образом проявляется и семема с переносным значением 'несовершеннолетний, молокосос, мальчишка'. Мы будем считать актуальной коннотацию пренебрежительной оценки, совпадающую с нормативными переносными значениями.

Количество употреблений устойчивых выражений в поэзии Саши Чёрного незначительно, одним из немногочисленных примеров является стихотворение «Вешалка дураков»: *Пусть свистнет рак, / Пусть рыба запоёт, / Пусть манна льёт с небес, – / Но пусть дурак / Себя в себе найдёт – / Вот чудо из чудес!* Здесь зоонимы не имеют собственных коннотативных значений, но реализуют их в составе предикативного центра предложения, выраженного фразеологизмом со значением 'никогда'.

В отдельный класс соответственно условиям актуализации контекстуальных коннотаций мы выделяем такие субъекты-зоонимы, значение которых раскрывается в совмещении нормативного словоупотребления, устойчивой образности и оригинальной, авторской семантизации: *Мужичок, глушите водку, как и все её глушат в Думе просто драло глотку стадо правых жеребят; размокшие от восклицаний самки, облизываясь, пьются на Рейн: «Ах, волны! Ах, туман! Ах, берега! Ах, замки!» и тянут, как сапожники, рейнвейн; Плавающая конюшня*

раздражает! Отворотясь, смотрю на берега. Зелено-жёлтая вода поёт и таёт, и в пене волн танцуют жемчуга; гигиеническим, упорно мерным шагом идут гулять немецкие быки; мимо шлялись пары пресных обезьян; но ведь этот женский гнус оскорбил и мозг, и зреньё.

Оказываясь в роли субъекта, зооним, образно обозначающий объект оценки, усиливает ироническую окраску. Детализированный процесс ресемантизации, обновления значения, имеет такую последовательность: лексема *гнус* ('летающие кровососущие насекомые – комары, мошки, слепни') приобретает актуальную коннотативную семантику как следствие замены архисемы и классемы в основном лексико-семантическом варианте слова 'представители фауны' и ослабления дифференциальных сем, отражающих родовые признаки – 'насекомое'. Одновременно происходит усиление потенциальных сем 'незначительность', 'вредность' (мелкий размер насекомых, кровососущие вредители). Коннотация имеет резко негативную окраску, содержащую оценку-пренебрежение, оценку-уничтожение (Рыбальченко О. И., 1999).

Оценочные значения субъектов-зоонимов могут быть градуированы в составе предложения, семантика последовательного снижения характера оценки достигается за счёт ряда однородных членов: *Бессмертье? Вам, двуногие кроты, / Не стоящие дня земного срока? / Пожалуй, ящерицы, жабы и глисты / Того же захотят, обидевшись глубоко.* На нисходящую градацию указывает обозначение в первом предложении объекта оценки *двуногие кроты*. Уничжительное оценочное значение интенсифицируется выражением *двуногие кроты*.

Стоит отметить, что последовательность зоонимов в этой градации не случайна. Закономерности в соответствии определённых средств выражения схожему коннотативному содержанию позволяют трактовать употребление зоонимов в поэзии Саши Чёрного как систему воплощения авторских оценок. Примечательно, что характер оценки, очевидно,

соотносится с физическими размерами представителей фауны, названия которых воплощают оценку лексически. Это соотношение носит обратный характер в том, что касается преобладающих, негативных оценок. Названия крупных существ, млекопитающих и птиц чаще выражают оценку-неодобрение слабой степени проявления: *мартышка, обезьяна, ворона, воробей, рысь, собака, тигр, волк*. Представители земноводных и морских существ соответствуют в идиолекте Саши Чёрного средней степени интенсивности негативного оценочного значения: *краб, рак, лягушка, жаба, акула, килька*. В свою очередь, выражение наиболее резкой отрицательной оценочной характеристики происходит через употребление зоонимов, называющих самых мелких животных, насекомых и даже одноклеточных организмов: *слизни, амёбы, глисты, мошки, овод, комары, гнида, гнус*.

Содержание стихотворения «Несправедливость» раскрывается благодаря смысловой связи субъектов-зоонимов с их предикатами. На первый взгляд, зоонимы употреблены здесь в своём основном номинативном значении, на это указывают обстоятельства описанной ситуации: *Адам молчал сурово, зло и гордо, / Спеша из рая, бледный, как стена; / Передник кожаный зажав в руке / Нетвёрдой, / По-детски плакала дрожащая жена... / За ними шло волнующейся лентой / **Бесчисленное пёстрое зверьё:** / Резвились юные, не чувствуя / Момента, / И нехотя плелось угрюмое старьё*. В стихотворении присутствуют элементы басни, в которой признаки животных ассоциируются автором с чертами человеческого характера. Одно это позволяет говорить о реализации субъектами-зоонимами в большей степени своих актуальных коннотативных значений, нежели основных номинативных. В данном случае не проявляется градуированность значений, основанная на характере авторской оценки в соотношении с размерами представителей

фауны, названия которых используются для выражения коннотативного плана.

Контекстуальное значение субъектов-зоонимов проясняется с помощью предикатов, характеризующих поведение людей в ситуации некоего значимого экзистенциального перелома, метафорой которого является фабула стихотворения: *Ржал вольный конь, страшась неволи вьючной, / Тоскливо мекала смиренная коза, / Рыдали раки горько и беззвучно, / И зайцы тёрли лапами глаза. / Но громче всех в тоске визжала кошка: / «За что должна я в муках чад рожать?» / А крот вздыхал: «Ты маленькая сошка, / Твоё ли дело, друг мой, рассуждать?»*

Субъекты с предикатами олицетворяют в тексте стихотворения силу духа разных людей, их поведение, свойства личности. Реализация именно таких значений происходит с помощью актуализации семантических ассоциаций: сильный человек – *вольный конь*; бесхарактерный, безвольный человек – *смиренная коза*; неуверенный, нерешительный человек – *пятящийся рак*; боязливый, робкий человек – *зайцы* (ср.: фразеологический оборот *заячья душа*); невлиятельный, неавторитетный, зависимый человек – *кошка*, авторская синтагма *маленькая сошка* (ср.: фразеологический оборот *мелкая сошка* – ‘человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение, невлиятельный, неавторитетный человек’) (Рыбальченко О. И., 1999).

Лексическая единица при ироническом употреблении может реализовать коннотативное значение в рамках двух направлений: реального и вторичного, переносного, потенциального, которое может не отражаться в словарях, но быть очевидным для языкового сознания, например: *лев* – 1) ‘животное из семейства кошачьих’; 2) перен. ‘о смелом, отважном человеке’; 3) перен. ирон. ‘о трусливом, робком человеке’ (разг.).

В поэтическом языке Саши Чёрного зооним развивает не антонимическое употребление ‘смелость’ / ‘трусость’ как основание переноса (*лев* – ‘смелый человек, мужчина’), а противопоставление ‘сила’, ‘независимость’ / ‘слабость к чужому вниманию’, ‘стремление им овладеть’: *Перед трюмо расселся местный лев, / Сияя парфюмерною улыбкой, – / Вокруг колье из драгоценных дев, / Шуришит волной томительной и гибкой...* Происходит реализация переносного иронического значения ‘о мужчине, законодателе мод и правил светского поведения, пользующемся большим успехом у женщин’. Контекстуальное коннотативное значение расходится с регулярными семантическими ассоциациями этого зоонима, подразумевающими могущество, силу, царственность, выражая вместо этого ироническое, насмешливое оценочное значение, чему способствует позиция субъекта в предложении, а также характеризующего субъект предиката *расселся*.

Схожую оценочную семантику насмешки зооним *лев* реализует и в другом стихотворении (1909 г.): *Лаборант уже не лев / И глядит бочком на дев, / Как колибри на боа. / Девы тоже трусят льва: / Очень страшно, очень жутко – / Оскандалиться не шутка!* В этом примере присутствуют иные способы раскрытия оценочного значения, они отличаются от средств уточнения семантики субъекта-зоонима в предыдущем стихотворении, однако для носителя языка верная интерпретация не осложняется такими деталями, она происходит естественно и не требует дополнительных сведений, как могло быть в случае социально-исторического основания коннотативного оценочного компонента.

Стоит отметить, что эти стихотворения написаны в один и тот же период. «На музыкальной репетиции» сочинено поэтом в 1910 году, а «Лаборант и медички» – в 1909 году. Это могло бы позволить говорить о том, что определённые образные средства свойственны конкретным этапам развития идиолекта писателя. Однако, на наш взгляд, такая

характеристика не лучшим образом подходит по-настоящему творческому языковому сознанию.

В творчестве Саши Чёрного есть и иные примеры, когда одна и та же схема образа встречается в стихотворениях, написанных с разницей в семнадцать лет: «Любовь и картошка» 1910 года и «Мой роман» 1927 года. Ср.: «*Ша... – начал Фарфурник. – Скажите, могли бы ли вы / Купить моей дочке хоть зонтик на ваши несчастные средства? / Галошу одну могли бы ли вы ей купить?!*» / *Зажглись в глазах у Эпштейна зловещие львы:* / «*Купить бы купил, да никто не оставил наследства*» (1910); *Каминный кактус к нам тянет колючки, / И чайник ворчит, как шмель... / У Лизы чудесные тёплые ручки / И в каждом глазу – газель* (1927).

В обоих стихотворениях зооним находится в позиции субъекта, повторяется даже конструкция, воплощающая образ, однако коннотации зоонимов носят диаметрально противоположную стилистическую окраску. В первом примере ироническое значение усиливается за счёт контраста патетичности словосочетания *зловещие львы* и мотивов мелочности, бедности и меркантильности. Во втором примере ироническая оценка отсутствует, актуальное оценочное значение положительное, и даже зооним *шмель*, денотат которого относится к группе существ, обычно используемой автором для выражения резко отрицательной оценки, в данном случае носит нейтральный характер, а его коннотативное значение, создающее общую зрительно-слуховую ассоциацию, уточняется глаголом *ворчит*.

Итак, охарактеризуем основные синтаксические функции зоонимов, актуализирующих свои коннотативные значения. Предложениям, в которых зоонимы занимают предикатную позицию, свойственна яркая, ясная и однозначная коннотативная окраска. Для полноты коннотативной оценочной и эмоционально-экспрессивной семантики имеет значение способ выражения предикативности. Наибольшим потенциалом

воздействия обладают предложения со сказуемым, вещественное значение которого выражено существительным-зоонимом, а модальное значение – связкой *быть* в нулевой форме. Дополнительные оттенки вносятся в значение зоонима в составе предиката модальными и фазисными глаголами. Предложения с зоонимами в предикативной функции приравнивают объект и характер коннотативной оценки грамматическими категориями объекта и предиката вследствие синтаксически обусловленного значения и предикатной, характеризующей семантики оценочной функции.

Позиция субъекта в рамках нормативного словоупотребления не характерна для слов, реализующих в контексте свои коннотативные значения. Отчасти это утверждение верно и для поэтического языка Саши Чёрного: большинство субъектов-зоонимов употребляется поэтом в своём основном номинативном значении. Однако, квалифицируя оценочную семантику как доминанту структуры коннотации, мы можем говорить о нейтральной оценочной семантике, а также о положительной и отрицательной оценках в разной степени проявления. Глаголы, предикатирующие субъекты-зоонимы, помогают обнаружить дополнительные коннотативные смыслы.

Анализ соответствий денотативного содержания зоонимов и характера оценки говорит о градуированности оценочных значений в соответствии с денотативными признаками и значимостью живых существ. Это позволяет говорить о системности употребления зоонимов в качестве авторских оценок Саши Чёрного.

Стоит отметить, что в большинстве случаев имеет место процесс ресемантизации зоонимов, не реализующих в тексте свои основные значения. Актуальная коннотативная семантика появляется в результате подмены архисемы и классемы основного лексико-семантического варианта слова ‘представители фауны’ и затухания, ослабления

дифференциальных сем, несущих родовые признаки существ одновременно с усилением различных потенциальных сем.

2.4. Реализация коннотаций зоонимов в составе сравнительных конструкций

Одним из наиболее продуктивных способов создания художественного образа является сравнение. Особенно ярко сравнительные конструкции проявляют свою выразительность в сатирической поэзии: *Рожал словечки и слова, и рифмы к ним рожал, И в жизнерадостных стихах, как жеребёнок, ржал.*

Общую классификацию сравнительных конструкций ввела М. И. Черемисина в работе «Сравнительные конструкции русского языка» 1976 года (Черемисина М. И., 1976). Мы будем исходить из этой классификации при анализе употребления зоонимов в конструкциях со значением сравнения. Основой для выделения классов являются в данном случае формальные характеристики; согласно им в русском языке выделяются упоминаемые далее типы сравнительных конструкций.

В поэзии Саши Чёрного полностью отсутствуют три типа сравнительных конструкций с зоонимами: конструкции со сравнительными частицами (*вроде как, как бы* и подобными), конструкции с прилагательными типа *похожий* и глаголами типа *различаться*, а также сравнительные конструкции с союзами *а* и *и*. Один раз встречается сравнительная конструкция с зоонимом и предлогом, близким по смыслу к *типа* и *вроде*: *Кисло-сладкие мужчины, / Знаменитости без лиц, / Строят знающие мины, / С видом слушающих птиц.* Объектом сравнения в данном случае становится образ действия, производитель этого действия представлен явно, и именно с его образными характеристиками связано отрицательное значение коннотативной оценки, выражающееся в

сравнительной конструкции. Сам по себе классифицирующий зооним *птицы* не несёт ни стилистических, ни дополнительных оценочных оттенков значения. Единственная возможность связать контекстуальную оценочную коннотацию с бытующими в языке элементами значения – это производное прилагательное *птичий* в составе фразеологизма *птичий язык*, значения которого, зафиксированные в словарях, делятся на две группы – с акцентом на бессмысленность описываемой речи (абракадабра, абсурд) и на закодированность, непонятность для окружающих.

Конструкции со сравнительной степенью прилагательных и союзами *чем* и *нежели* или родительным падежом лексемы, выражающей эталон сравнения, также не характерны для поэтических текстов Саши Чёрного. Два раза употребляется синтетическая форма сравнительной степени, управляющая формой родительного падежа зоонима: *Я чему-то рад и иду вперёд беспечней насекомых; всю зиму нормандская баба недвижимее краба*. Стандарт сравнения в обоих случаях выражается зоонимами, объектом сравнения может выступать как действие, так и одушевлённое лицо, а значение сравнения заключено в форме сравнительной степени наречия (*беспечней насекомых*) и прилагательного (*недвижимее краба*). В синтетической форме отсутствуют показатели *более* или *менее*, обуславливающие аналитическую форму. Реализация коннотативной семантики зоонимов в этом случае связана с вербализованным в тексте признаком сравнения, который выражает реалистичную денотативную характеристику, но относится к области соозначаемого.

Такой же невысокой степенью продуктивности в пределах материала нашего исследования характеризуется конструкция с творительным падежом сравнения: *Но прохожие воблою вялой / Сквозь холщовый текут коридор; Три подмастерья, – / Волосы, как перья, / Руки глистами, / Ноги хлыстами / То в глину, то в ствол, – / Играют в футбол*. Из грамматических средств, выражающих значение сравнения, этот тип

конструкции представляется нам наиболее ярким и прямым способом создания художественного образа. Отсутствие элементов-посредников, союзов или предлогов обуславливает эффективность воздействия таких языковых средств воплощения образа. Особенность семантики зоонимов в подобных сравнительных конструкциях заключается в том, что признаки сравнения входят в поле прямого значения, а не относятся к коннотации.

Наиболее распространённым типом, к которому принадлежит большинство структур со значением сравнения, содержащих зоонимы, в стихотворных произведениях Саши Чёрного, является конструкция, выражающая сравнительную семантику с помощью специализированных союзов: *В лес! К озёрам и девственным елям! / Буду лазить, как рысь, по шершавым стволам; Лежу, как лошадь на траве, – / Забыл о мире бренном, / Но кто-то ноет в голове: / Будь злым и современным...* Отметим, что из всего спектра союзов, предназначенных для воплощения сравнительной семантики, широкое распространение в составе зоонимических сравнительных конструкций в поэтическом языке писателя, за исключением дважды используемого союза *словно* (*ты кроток, словно утка; я качался на площадке, словно сонный, праздный векрь*), получает союз *как*: *вхожу к «Доминику», как лев; вздыхает, как белуга; жужжат, как осы; огонь, как змей; я зол, как леопард*. Среди конструкций этого типа выделяются те, которые обозначают сравнение объектов, и те, в которых сравниваются ситуации. Разделение это в некоторой степени условно и для нашего исследования не является принципиальным. Несмотря на отсутствие глаголов во второй части большинства сравнительных конструкций, построенных по образцу <субъект + предикат + второстепенный член + *будто* + предикат>, они, тем не менее, сравнивают именно ситуации, а не объекты: *Подожди! Я сживусь со своим новосельем – / Как весенний скворец запою на копые; У плетня на старой балке / Восемь штук сидят, как галки, / Исхудалые, как*

*ть. / Восемь штук туберкулезных, / Совершенно не серьёзных, / Ржут, друг друга тормоша; Фаддей Симеонович Смяткин / Сказал беззвучно: «Спасибо!» / А в горле ком кисло-сладкий / **Бился, как в неводе рыба.***

Такая точка зрения обусловлена тем, что в грамматической структуре данных предложений опущен логически наличествующий второй глагол, который выражал бы конкретизированный стандарт ситуации сравнения: *бился, как **бьётся** в неводе рыба*, а функционирующий в тексте стандарт сравнения явно связан не с субъектом предложения, а с характеризующим его предикатом.

Существенным для конструкций со сравнительными союзами оказывается противопоставление признака сравнения и его значения. В поэзии Саши Чёрного признак, как правило, вовсе не выражается в грамматической структуре сравнительной конструкции: *Из палатки вышла дева / В васильковой нежной тоге, / **Подошла к воде, как кошка,** / Омочила томно ноги; Смерть и холод! Хорошо бы / С диким визгом взвиться ввысь / **И упасть стремглав в сугробы,** / **Как подстреленная рысь...*** Это способствует ощущению свободы, стихийности языкового факта сравнения, который воздействует непосредственно на образное восприятие читателя. Впрочем, встречаются и редкие примеры сравнительных конструкций с зоонимами, в которых признак сравнения выражен эксплицитно: *Хватают лапами бесчувственное тело / **И рьяно ржут, как стадо лошадей;** Снова буду молча кушать, / **Отчуждённый, как удод,** / И привычно-тупо слушать, / Как сосед кричит соседу, / Что Исакий каждый год / Опускается всё ниже... / Тише, снег мой, тише, лыжи!*

Тот факт, что, как было сказано выше, конструкции со сравнительной степенью прилагательных и наречий употребляются поэтом крайне редко, позволяет опустить анализ субъектов сравнительной конструкции по признаку кореферентности / некорреферентности. Нами

выявлено только две подобные конструкции, и их можно однозначно отнести к некоррелативному типу сравнения. К этому типу относятся компаративы, характеризующие разных референтов: *нормандская баба беспечнее краба, иду вперёд беспечней насекомых*. Сентенциальные актанты в составе сравнительных конструкций с зоонимами в стихотворениях Саши Чёрного, как правило, отсутствуют: *я живу, как тёмный вол*.

Классификация по синтаксическому статусу стандарта сравнения включает три основных типа двухчастных сравнительных конструкций: именной, предложный и сентенциальный. Они различаются тем, какая составляющая занимает позицию после сравнительного союза (то есть выражает стандарт сравнения). Так как мы сосредотачиваем внимание на конструкциях, включающих компонент, выраженный зоонимом, самым распространённым среди материала исследования оказывается именной тип. В конструкциях этого типа стандарт сравнения выражен именной группой, то есть применительно к нашей работе, – существительными тематической группы зоонимов: *Мы давно живём, как слизи, в нищете случайных крох*. Такие конструкции можно было бы рассматривать в качестве эллиптических, производных от полного варианта с повторяющимся глаголом, однако эти «полные» структуры имеют отличную от исходных выражений семантику: *мы давно живём, как (живут) слизи в нищете случайных крох*. Предложный и сентенциальный типы стандарта сравнения практически не представлены среди сравнительных конструкций с зоонимами в поэтических текстах Саши Чёрного, как и второстепенные типы, включающие деепричастные элементы в подчинённой клаузе и стандарты сравнения, выраженные адъективной группой.

Так как самой продуктивной схемой построения сравнительных конструкций в рамках нашего материала является схема с показателем

сравнения *как*, стоит дополнительно отметить, что варианты реализации этой конструкции можно условно разделить на два вида. Один вид не допускает замены *как* другими сравнительными показателями, к нему относится двухчастная конструкция (*такой*) ... *как* со значением 'соответствия по свойству заданному стандарту'. Этот вид сравнительных конструкций не распространён в поэтическом языке Саши Чёрного, тогда как ко второму виду принадлежат все выявленные примеры сравнительных конструкций с показателем *как*. Он способен образовать больше синтаксических конструкций, чем союзы / частицы *будто* (*бы*), *как будто* (*бы*), *словно* (*бы*), *точно* и *как бы*. Среди конструкций этого вида в поэзии Саши Чёрного встречается как двухчастная структура: *Васильевский остров прекрасен, как жаба в манжетах*, так и одночастная структура с невыраженным признаком сравнения: *и вдруг, взметнувшись, как удав, летит, краснее меди*. В свою очередь, конструкции с невыраженным признаком сравнения подразделяются в зависимости от свойств бытования этого признака на конструкции с восстанавливаемым и невозстанавливаемым признаком сравнения. Ср.: *Каминный кактус к нам тянет колючки, / И чайник ворчит* (низко, монотонно), *как имель*; *Тихий малыш / В халатике рваном / Притаился* (тихо), *как мышь*, / *Под старым бурьяном и Я, как филин, на обломках / Переломанных богов. / В неродившихся потомках / Нет мне братьев и врагов; Вот ещё один философ: / «Что сидишь, как дикий зверь? / Плюнь, да веруй – без вопросов.*

С точки зрения самобытности идиостиля писателя важным оказывается то, что с большим перевесом преобладают именно конструкции с невозстанавливаемым признаком сравнения. Это обусловлено тем, что контекстуальная коннотативная семантика в большинстве случаев не является очевидной или тесно связанной с бытующими в языке значениями. Оригинальность словоупотребления

способствует появлению необычной, яркой, а благодаря этому и обладающей сильным воздействием на читателя образности: *Плюнь, ослепни и оглохни, и ворочайся, как краб; Голос твой – как голубь кроткий, стан твой – тополь на горе.*

Наибольшей продуктивностью и разнообразием характеризуется употребление зоонимов в составе сравнительных конструкций, однако преобладающая часть выражений со значением сравнения построена по схеме одного типа. Из всего спектра сравнительных союзов, функционирующих в системе русского языка, только союз *как* широко используется в сравнительных конструкциях с зоонимами. В рамках классификации по синтаксическому статусу стандарта сравнения самым распространённым среди сравнительных конструкций с зоонимами в поэзии Саши Чёрного оказывается именно тип двухчастной конструкции, что характерно и для узуса. Отметим количественное преимущество сравнительных конструкций с невозстанавливаемым признаком сравнения, содержащимся на уровне коннотативных означаемых, что является характерной чертой поэтического языка Саши Чёрного.

Выводы

Глава посвящена анализу разных сторон коннотации лексем тематической группы зоонимов в сатирических и лирических стихотворениях Саши Чёрного. Процессы внутренней жизни человека, задающие отражённый в его речевых произведениях образ мира, являются интериоризированными внешними обстоятельствами, а проявления образов сознания, отчётливо присутствующие в продуктах речевой деятельности автора, в частности, в литературном творчестве, отточены благодаря этическим и эстетическим установкам личности. Отчётливая характеристика мировосприятия Саши Чёрного – резко отрицательное

отношение ко всему типическому и автоматическому в людях и ко всем проявлениям этой типичности и автоматизированности в общественной жизни. Такие мотивы прослеживаются в сатирических стихотворениях на совершенно разные темы – от любовных свиданий до внутренней и внешней политики.

Особая ценность сатиры Саши Чёрного состоит в том, что она не представляет собой распространённый тогда и сейчас газетный юмор на злобу дня, пересказывающий в издевательской форме события минувшей недели. «Под ненавистью дышит оскорблённая любовь» к прекрасному в своей естественности живому духу в человеке, к радостям простой жизни, ко всему, что под неописуемым множеством влияний превращается в пародию на себя. Обстановка, которую описывают его сатиры, – это современная ему городская среда, «обстановочка», в которую, как в одинаковые клетки, высажены обычные люди, не окрепшие духом настолько, чтобы ей сопротивляться, и следующие самым простым и потому не самым человеческим образцам поведения. Лексемы тематической группы зоонимов присутствуют в большинстве стихотворных произведений Саши Чёрного, что стало новшеством в поэтическом языке и отличительной чертой его идиолекта. Всегда, когда название животного используется не для обозначения соответствующего существа с его комплексом денотативных признаков и естественным поведением, оно символизирует переход от проявлений человечности в высшем смысле слова к механической реакции людей на внешние стимулы наименее духовно затратным для себя образом.

В сатирических произведениях Саши Чёрного коннотативные значения зоонимов находятся на стыке признаков человека, который свободен иметь любые взгляды и варианты поведения, и животного, которому свойственна черта, сопоставляющая в контексте его с человеком и ставящая их в отношения компаративности. Эта черта для животного

полностью естественна, тогда как люди и другие животные всё же имеют разную психическую организацию. Напротив, при использовании в прямом значении, зоонимы в поэзии Саши Чёрного почти всегда реализуют коннотативные оттенки положительной оценки или нейтрально присутствуют, выразительно украшая стихотворение и создавая с другими его элементами общую семантическую ассоциацию.

Характер контекстуальной семантизации зоонимов точно соответствует тематике стихотворения: в большинстве случаев зоонимы реализуют яркую коннотативную семантику в сатирических стихах Саши Чёрного, тогда как в лирике становятся трогательной частью фона или отсылают к образцам той самой естественности, которой лишены герои его сатир. Мир настоящих людей и мир настоящих зверей – предмет лирики поэта, его этический ориентир, и зоонимические лексемы в описании этих миров всегда эмотивно нагружены и реализуют, помимо иных оттенков, семантику положительной оценки. В сатирах же зоонимы на коннотативном уровне содержат сопоставление и отрицательную оценку соответствующего персонажа из мира «людей как зверей» или, выражаясь словами критика, «человекоподобной животности» – переход к искусственности, косности, бесчувственности, пассивности, примитивности, бессознательному следованию течению, чужому примеру или поветрию. Механизм проявления таких коннотаций в контексте созвучен механизму, с которого начинается коннотативный процесс сам по себе. Катализатором коннотирования является эмоция, мотивирующая оценку, которая уже оказывается приблизительно измеримой величиной.

Зоонимы – это квазиоценочная форма воплощения субъективного восприятия поэта, основные структурные элементы категории оценки содержатся в конструкциях с зоонимами имплицитно, лексически выражен, как правило, только объект оценки. Основание оценки соотносится с информационным содержанием коннотации (признаков или

отсылки к другим текстам), а характер оценки – с группой коннотаций выделительной функции (в случае слабо коннотированных в контексте лексем) или с группой коннотаций характеризующей функции (в случае ярко коннотированных, отдалённых от денотации).

Оценочный компонент доминирует при реализации коннотаций зоонимов именно в сатирических стихотворениях, тогда как в лирических преобладают ненасыщенные коннотации, активно выделяющие денотативный или близкий к денотации признак. Стилистические созвучия, возникающие при нетрадиционном введении в лирический текст вкраплений чистой наивной образности детской поэзии – жаб, аистов, воробьёв и т. д., не имеют конкретных коннотативных признаков, являясь постоянно проявляющимся воплощением части авторского «образа мира».

При анализе позиций зоонимов в логической структуре предложения было выявлено, что реализация яркой коннотативной семантики свойственна зоонимам, занимающим предикатную позицию, при этом важную роль играет способ выражения предикативного значения. Субъекты-зоонимы в традиционном словоупотреблении редко актуализируют коннотативные семы, но в идиостиле Саши Чёрного субъектная позиция зоонима с сильной коннотативной семантикой, оторванной от денотата, становится распространённым инструментом усиления иронической окраски, хотя большая часть номинаций животных в позиции субъекта предложения реализует денотативное значение, встраиваясь в общую семантическую ассоциацию, проявляющуюся при рассмотрении предикативных глаголов и более широкого контекста стихотворения. Их обильное употребление характерно для лирических стихотворений Саши Чёрного.

С точки зрения частотности проявления коннотативной семантики наиболее плодотворным полем для её актуализации становится

употребление в составе сравнительной конструкции. Зоонимы в поэзии Саши Чёрного чаще всего используются как эталоны в оборотах именного типа сравнительной конструкции, где значение сравнения выражено союзом *как*. Механизм и особенности проявления коннотативного значения эталонов-зоонимов сравнительных конструкций таковы, что признак, на основе которого с ними сопоставляется объект, не только не выражен в грамматической структуре сравнения, но и оказывается невозстановливаемым элементом. Выделение таких эталонов-зоонимов связано с описанием образа мира автора, проявляющегося в его идиолекте, а также с методикой отбора и лексикографического толкования коннотаций лексем зоонимического пласта.

Глава 3. МЕТОДЫ ОПИСАНИЯ КОННОТАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ЗООНИМОВ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ. КРИТЕРИИ ГРУППИРОВКИ И СТРУКТУРА ТОЛКОВАНИЯ

Вводные замечания

Данная глава посвящена решению основной практической проблемы, заявленной в качестве темы исследования. В этой части работы речь пойдёт о том, как должно выглядеть и какие сведения должно содержать толкование коннотации. «Значение, фиксируемое в словарях и именуемое в лингвистике системным, создаётся лексикографами в соответствии с принципом редукционизма, то есть минимизации признаков, включаемых в значение. <...> Логический редукционизм связан с традиционной идеей лингвистики первой половины XX века о том, что значения (как и понятия) – это небольшой набор логически сформулированных признаков называемого явления, отражающий его (явления) сущность. Описательный редукционизм диктуется практическими соображениями – объёмом словарной статьи, которая не может быть слишком большой, так как тогда объём словаря увеличится до беспредельности» (Стернин И. А., 2010, с. 57). Результатом применения этого принципа редукционизма является лексикографическое значение, приводимое в толковых словарях и смоделированное специально для этой цели. И. А. Стернин подчёркивает, что «лексикографическое значение – это в любом случае искусственный конструкт лексикографов, некоторый субъективно определённый ими минимум признаков, который предлагается пользователям словаря как словарная дефиниция» (Стернин И. А., 2010, с. 57). Эти цитаты взяты из статьи «К разработке психолингвистического толкового словаря», её название отражает идею описания приблизительного психологически реального значения. Автор

выделяет несколько видов подвергаемых словарному описанию значений на основании представления о степени их жизненной актуальности и приводит примеры статей с ранжированными по частоте ассоциациями, выявленными в результате психолингвистического эксперимента. Именно сумма вербализуемых коннотаций слова в разных контекстах и составляет большую часть психолингвистического значения.

3.1. Практика отражения коннотативной семантики слова лексикографическими средствами, формальные и содержательные характеристики лексикографического толкования контекстуальной коннотативной семантики

Для решения проблемы лексикографического толкования коннотации необходимо, в первую очередь, ответить на общеметодологические вопросы, встающие при выработке практического подхода к её описанию: определить, какие цели преследует создание таких толкований и кем является их адресат, а также на общие вопросы о целесообразности и обоснованности некоторых комплексных решений в этой области.

Язык традиционно рассматривается в синхроническом и диахроническом аспектах. В диахроническом аспекте проанализировать объём и динамику изменения содержания коннотаций определённой группы слов представляется возможным. Точное же синхронное описание всей системы коннотативных значений на современном этапе развития технологий вызывает сложность по двум причинам: во-первых, объём коннотативного компонента значения слов, количество и характер связей между ними изменяется в информационном пространстве ежесекундно; во-вторых, коннотативные значения реализуются при восприятии слова в составе контекста, а значит, носят intersubъективный характер, то есть

процесс ассоциирования формы слова с определённым содержанием не является универсальным и объективным, но нельзя и назвать его полностью субъективным, индивидуальным и изолированным.

Состав и структура семантических ассоциаций может как полностью изменяться со временем, так и сохранять прочную связь с первично закреплёнными коннотативными значениями. Подобные механизмы свойственны не только коннотациям языковых единиц, но и комплексам ассоциаций, связанным с другими видами знаков. Так, изображение жеста устремленных друг к другу рук со сводов Сикстинской капеллы, самого по себе вполне обычного, используется в кинематографе, рекламе, художественной фотографии и неизменно содержит в себе историко-культурный коннотативный компонент, семантическую ассоциацию с первоисточником. Скорость и непредсказуемость таких изменений обуславливают научный интерес к изучению и фиксации в лексикографической форме картины коннотативного пласта, характеризующей определённый исторический период, жанр, авторский идиолект.

Распространённым и эффективным для предписывающих словарей способом отражения семантических ассоциаций слова являются пометы. С ними в лексикографической теории и практике связано множество вопросов. Наиболее серьёзной проблемой является тот факт, что единая классификация словарных помет отсутствует, как и универсальные рекомендации по их использованию. Ю. Д. Апресян отмечает в связи с этим, что «до тех пор, пока нет надёжной содержательной интерпретации всех типов стилистических помет, преждевременно выделять стилистический аспект знака на паритетных началах с другими его аспектами» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 57–60). В целом, функции помет часто ограничивают стилистической дифференциацией, несмотря на отсутствие окончательной определённости этой категории, тогда как на

практике спектр их значений гораздо шире и разнообразнее. Это ограничение отражается и в самой их квалифицирующей номинации *стилистические пометы*. Ю. Д. Апресян упоминает о разноаспектности содержания стилистических помет, относя, однако, все эти аспекты именно к одноимённой подзоне структуры словарной статьи «в тех случаях, когда определённая стилистическая помета имеет несомненно семантическое, коммуникативное или прагматическое содержание» (Апресян Ю. Д., 1995, с. 57–60).

Семантическую недостаточность этого термина отмечает Н. Ю. Шведова: «Для указания на квалификационную и / или оценочную сторону лексемы используются в разной степени дифференцированные *так называемые стилистические пометы*» (Шведова Н. Ю., 1988, с. 9) (курсив наш. – П. К.).

Основная сложность лексикографического применения помет как маркёров коннотаций заключается в следующих факторах: 1) в корреляции пометы и коннотации; 2) в отсутствии одного из этих явлений; 3) в разночтениях: в каждом словаре используется своя система стилистических и эмоционально-экспрессивных помет, которая далека от логического совершенства (Тихонова М.А., 2015).

Несколько проще соотнести состав и содержание помет с целями авторских словарей. Спектр помет в таких словарях зависит от намерений составителей, и сам по себе является свидетельством специфики художественной речи автора. Несмотря на их разнообразие, мы поддерживаем точку зрения Л. Л. Шестаковой: «Ставить вопрос о разное в составе помет в авторских словарях так остро, как это делается в общей лексикографии, едва ли целесообразно» (Шестакова Л. Л., 2011).

На наш взгляд, полностью отразить содержание коннотативной части семантики слова в помете невозможно. Помета может только кратко определить сферу и характер коннотации, но не её основание. Из всех

содержательных и функциональных типов коннотаций (см. Глава 1) помета является достаточным средством описания только более или менее устойчивых дополнительных и переносных значений с собственно стилистической функцией. Отсылочные коннотации интерпретируются пометами в краткой форме (*библ.*), а выделительные поддаются описанию с помощью пометы только при наличии яркого оценочного компонента.

Например, стихотворение Саши Чёрного «Мой роман» 1927 г., содержащее слова *я отдал ей всё: портрет Короленки и нитку зелёных бус*, невозможно интерпретировать достаточно полно без описания семантических ассоциаций, актуализирующихся в контексте употребления имени писателя В. Г. Короленко. В данном случае имя является символом, а значение этого символа не сокращается до формы пометы: «За портретом Короленки можно увидеть просто портрет писателя как знак духовного мира. Имя В.Г. Короленко (1853–1921) также может быть знаковым. Для современников Короленко был идеальным образом не только русского писателя, интеллигента, но и общественного деятеля. Его портреты хранились в каждом демократически настроенном семействе. Революционные символы имеют сходство с символами религиозными, Короленко был тем, кого считали “совестью эпохи”, “светлым духом”, “праведником”. Так что расстаться с портретом Короленки, значило оторвать от сердца что-то очень дорогое, например, семейную икону» (Жиркова М. А., 2012).

Не менее яркий пример многослойной коннотативной семантики приведён в Приложении: словосочетание с зоонимом *чёрный рак* имеет, во-первых, коннотацию, обусловленную социально-историческими обстоятельствами (движение черносотенцев), в рамках которых характер выражаемой им коннотативной оценки оказывается резко отрицательным; а во-вторых, связывается семантическими ассоциациями с термином, обозначающим ботаническое заболевание. Попытка отразить в одной

помете *бранное* или *презрительное* все мотивы, лежащие в основе данного словоупотребления, нецелесообразна и сложна. Применение нескольких помет вместе может только обозначить общий характер коннотации, тогда как для учебной лексикографии, для литературоведческих, лингвострановедческих и многих других исследований, даже для непрофессионального интереса к глубокому пониманию текста приоритетным является именно толкование оснований, обусловивших употребление того или иного языкового знака писателем. Это не значит, что мы считаем нужным отказаться от их использования при толковании коннотативной семантики, ведь они «фиксируют особенности авторского лексикона и словоупотребления (например, *лирич.* – лирически, *порицат.* – порицательно, *фкл.* – из фольклора и др. в “Словаре автобиографической трилогии М. Горького”» (Шестакова Л. Л., 2011), и поэтому представляют ценность для статистического анализа. Тем не менее, так как одна из целей настоящего исследования – всестороннее описание коннотативной семантики определённого пласта лексем, использование помет несёт исключительно резюмирующую функцию. Коннотативные значения воспринимаются в определённом контексте, поэтому в лексикографическом описании, включающем помету, должны присутствовать иллюстративные примеры, позволяющие приблизиться к семантическому и синтаксическому окружению лексемы, в котором отчётливо проявляется оценочный компонент.

Подходы к лексикографическому описанию значения, перечисленные в уже упомянутой статье И. А. Стернина, дифференцируются в зависимости от таких качеств толкования, как обобщённость и детализированность, универсальность и ситуативность, формальность и реалистичность. Традиционное лексикографическое значение является наиболее умозрительным и далёким от жизненной

полноты, будучи продуктом сознательного, логически обоснованного сужения семантического объёма.

Рассмотрение структуры и особенностей формирования коннотативного значения зоонимов, продемонстрировавшее сложность, непредсказуемость и неравномерность распределения объёма коннотации, а также конкретный специфический языковой материал соответствуют такому уровню описания лексических единиц – элементов образа мира носителей языка как расширенное контекстуально-лексикографическое значение. Оно представляет собой «дополнение словарной дефиниции данными, полученными из семантики контекстуального употребления слова» (Стернин И. А., 2010, с. 60). Наиболее подходящим направлением для работы с таким материалом и принципами толкования семантических ассоциаций является авторская лексикография.

Ю. Д. Апресян называет свойством современной лексикографии «синтез филологии и культуры в широком смысле слова», так как «значительная часть культуры любого народа реализуется через его язык, а язык во всём его богатстве закрепляется прежде всего в словаре» (цит. по Шестакова Л. Л., 2011). Важным для данной работы результатом обобщения истории русской авторской лексикографии является постепенный качественный переход, произошедший за полтора столетия, – переход от элементарных регистрирующих справочников к теоретически обоснованным словарям сложной структуры, ориентированным на воссоздание авторской картины мира (Шестакова Л. Л., 2011). В XXI веке ярко проявляется тенденция к расширению, разнообразию практики создания авторских словарей. Само понятие авторской лексикографии представляется динамичным, в нём заложен потенциал к расширению объёма.

Крайне спорным в свете нашего исследования является вопрос употребления термина *словарь*, так как он предполагает определённую

степень формализации материала на уровне структуры словарной статьи и макроструктуры всего словаря. Именно это и обеспечивает словарям их практические качества, системность и удобство в использовании, однако на этом этапе следует задать вопрос о том, кому и для чего нужны материалы, документирующие коннотативную семантику. Маловероятно их применение в справочных целях, удовлетворяющее точечные потребности пользователя. Предполагаем, что в масштабе авторского словаря коннотативной семантики определённой тематической группы лексики гораздо более актуальным может быть его последовательное изучение, так как, скорее всего, сведения такого рода интересуют аудиторию в связи с двумя обобщёнными мотивами – учебной или научной надобностью и тем, что можно охарактеризовать любым выражением в диапазоне от любопытства до желания углубить свои знания, не имея для этого профессиональной или практической необходимости. Кроме этого, отказ от термина *словарь* в данной работе связан с представлением о конструктивности и искусственности традиционного лексикографического толкования слова, тогда как полноценное описание коннотативной семантики даже в ограниченном количестве контекстов в целом больше связано с внешними обстоятельствами, задающими и регулирующими её развитие, и поэтому должно строиться не по схеме знак – означаемое, а по схеме знак – связь известного означаемого с описываемой коннотацией – коннотативно означаемое. Это положение представляется принципиально важным для лексикографического толкования коннотации, так как оно не имеет цели просто ответить на вопрос «что это?». Такая усечённая цель допускала бы большую субъективность толкования коннотации, так как его обоснованность не требовала бы подтверждения указанием мотивации коннотативного значения.

Профессиональный интерес к проблеме коннотации может иметь отношение не только к литературоведению, углублённому комментированию художественных произведений и разным направлениям в исследованиях культуры, но и, в случае живой речи и нехудожественного текста, к работе специалистов, занимающихся практической стороной функционирования дополнительного значения. Особенно актуальна сейчас такая деятельность в рамках лингвистической экспертизы, где квалификация того или иного слова или выражения как носителя определённого смысла, внеположного денотативному, имеет очень большое значение. Это соотносится с изложенным в Главе 1 тезисом о психолингвистической стороне функционирования коннотации на этапе её дешифрации воспринимающим сознанием и соответствующей интерпретации предполагаемых намерений автора.

Множество практических направлений включает необходимость учёта и использования коннотаций и на другом этапе – при создании текста или при планировании речи, так как убедительность и конечная эффективность продуктов такой деятельности: рекламных текстов, текстового сопровождения различных тренингов, презентаций публичной личности на сцене, в книге или в медиапространстве, речей политиков, политических манифестов и т. п. – достигается не столько за счёт фактического содержания, выраженного в денотативном плане, и его осмысления аудиторией, сколько благодаря сознательному или несознательному использованию эмотивно-оценочного потенциала коннотативной стороны семантики и её считыванию адресатом.

Таким образом, эмотивная сущность коннотации видна не только при появлении у слова дополнительного значения как такового и при её реализации в спонтанной речи или в целях достижения художественной образности, но и на конечном этапе в виде спрогнозированного и

смоделированного речевым воздействием эмоционального отношения аудитории речевого продукта к фактическому содержанию сообщения.

Итак, с учётом специфики назначения любых лексикографических материалов, фиксирующих содержание коннотации, и особенностей дополнительного значения как такового, представляется целесообразным отбор подлежащих описанию контекстов в соответствии с заданными критериями, что позволит избежать путаницы при толковании, связанной с разграничением функционирования коннотаций разных типов, относящихся к разным периодам или имеющих несколько традиций употребления (например, отсылочной и стилистической у лексемы *корова*) у одного и того же слова или выражения.

Выбранный нами языковой материал представляет собой не только срез литературной традиции определённого периода и направления, но и отображение в текстах некоего образа мира, совокупности внешних и внутренних обстоятельств в преломлении восприятия одного человека. Поэтому авторская лексикография является тем направлением, которое позволяет наиболее полно осветить все стороны функционирования коннотаций зоонимов в поэзии Саши Чёрного, не ставит условий жёсткой и постоянной параметризации для всех контекстов и не требует специального языка лексикографического толкования, использующего семантические примитивы для составления точных «формул» каждого значения. Все эти «послабления» также вынуждают отказаться от использования термина *словарь* в пользу более точного определения *словарный этюд*, принадлежащего также Л. Л. Шестаковой.

Рассматривая модель словарного этюда в качестве практического итога работы, следует указать характеристики предполагаемого проекта, определённые в соответствии с предметом, объектом, целью, задачами, методами и материалом исследования. Описанные тенденции к многообразию авторской лексикографии проявляются и на уровне

жанровой системы, происходит изменение, сближение жанров, а также распространение частных форм словарей, что позволяет предложить гибридную форму, дающую возможность расширить толкование коннотативной семантики лексемы настолько, насколько это требуется для полного понимания оттенков значения и их мотивирующих оснований. С одной стороны, это представление включает признаки словаря-справочника, содержащего статьи проблемно-аналитического характера, в которых рассматривается языковое воплощение символов и образов, характерных для языка писателя, с другой – признаки словаря-комментария объяснительного типа. Такой синтетический тип предполагает не только лингвистические факты, но и описание внешних обстоятельств, исторических, социокультурных, литературоведческих, имплицитно включённых в коннотативную семантику.

Лексикографический параметр словаря понимается как способ интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий (Караулов Ю. Н., 1993, с. 111). В качестве такого способа мы должны сформулировать описание сущности и разного рода предпосылок коннотативного значения слова. Такие предпосылки могут быть как элементарными и выражаться кратко, в виде пометы, так и многослойными, связанными с разными уровнями языка и отражённой в нём действительности. Во втором случае форму описания значения можно назвать свободной, хотя её свобода ограничивается выявленной для каждого слова структурой коннотативной семантики.

Макроструктуру описания задают особенности языковых единиц и подхода к их организации. В соответствии с содержательной и функциональной классификациями коннотаций (см. Глава 1) рациональной можно назвать макроструктуру, в которой отдельные части посвящены разным типам дополнительных значений. Это связано не

только со сформулированным нами теоретическим основанием, но и с существенной разницей в объёмах и формах толкований.

Наиболее важной функциональной особенностью авторской лексикографии является то, что она не выполняет основной словарной функции – нормализаторской. Словарь языка писателя не может быть регламентирующим в строгом смысле слова, при этом современная конкретному автору языковая норма, естественно, присутствует в его произведениях. Поэтому монографический авторский словарь не имеет предписывающего назначения, но должен выполнять полноценную объяснительную функцию. Этим обусловлен наш взгляд на микроструктуру словаря, т. е. на структуру словарной статьи, которая может быть обогащена сведениями разного рода, результатом чего и становится появление пограничных текстов типа словарных эссе, этюдов и т. п. (Шестакова Л. Л., 2011). Такая позиция соотносится с характерным для современной лексикографии сближением лингвистического и энциклопедического типов словарей, когда подача употреблённых автором лексем сопровождается элементами энциклопедизма, культурно-этнографическим комментарием, а в авторские энциклопедии включаются лингвистические словари (Шестакова Л. Л., 2011).

В представлении об открытой структуре статьи заложена не бесформенность и неформальность, а конкретизация задач авторского словаря в связи с его ориентацией на создание разностороннего описания коннотативной стороны семантики слова. Сама по себе статья как составной элемент авторского словаря – это особенный, своеобразный лексикографический текст, вопросы соотношения частей которой являются предметом дискуссии. Избранная нами траектория работы допускает комментирование вариантов, некатегоричность дефиниций и не исключает минимальное присутствие субъективности в толковании, то есть идёт вразрез с принципом редукционизма в лексикографии.

Понятие основного объекта словарного описания в свете нашего исследования также трактуется комплексно, так как, по словам В. В. Виноградова, «Само собой разумеется, что граница между языковыми явлениями в собственном смысле и явлениями стилистическими в кругу поэтического словоупотребления очень текуча и зыбка» (Виноградов В.В., 1981, с.10). Это усложняется таким предметом рассмотрения, как поле коннотативных значений, ведь его интерпретацию можно назвать и словарём нравов, и словарём эпохи, и словарём элементов образа мира, интериоризированного в сознании автора и отражённого в продуктах его речевой деятельности, литературного творчества.

В Главе 1 была приведена классификация коннотаций по признаку их содержательной экспликации и по их функциональной характеристике внутри контекста. Проблема способа и вида лексикографического отображения дополнительного значения в некоторой степени разрешается при соотнесении разных содержательных и функциональных типов коннотации с разными формами их толкования. Помета, будучи наиболее распространённым способом отражения коннотативной семантики в лексикографии, не может называться инструментом толкования, так как толкование подразумевает наличие объяснения причинно-следственных связей, приведших к данному результату в семантике слова и к мотиву его использования в контексте, если лексема рассматривается не изолированно. Помета содержит указание на общий характер дополнительного значения слова или на его функцию, следовательно, подходит только для характеристики коннотаций второго и третьего функциональных типов – отсылочных и собственно стилистических значений. Выделительная функция коннотации в контекстуальной семантике слова не может толковаться без выделяемого ею признака, а все содержательные экспликации коннотаций требуют более (для отсылок к разным типам нарративов) или менее (для признаков и предикативных

характеристик) объёмных дополнений в лексикографическом описании, тогда как помета в этих случаях не только не является необходимым элементом, но и может делать толкование «ходульным» из-за чрезмерного упрощения. Далее мы рассмотрим реализацию разных функциональных и содержательных типов дополнительных значений зоонимов в поэзии Саши Чёрного, чтобы сформировать представление о преобладающих в их толковании элементах в соответствии с описанными принципами лексикографического отражения контекстуальной коннотативной семантики.

3.2. Художественная образность поэзии Саши Чёрного как результат реализации коннотаций разного типа и степени интенсивности

В Главе 1 была представлена классификация тех видов выражения коннотативных компонентов, которые в современной науке обычно понимают как дополнительное значение лексемы, с учётом их функциональных характеристик. Начнём с самой пространной в экспликации коннотации – с коннотативной отсылки, вводящей в текст семантику, обусловленную для данного слова смыслами, приписываемыми ему в других нарративных структурах. Среди лексем тематической группы зоонимов в поэтических произведениях Саши Чёрного самым ярким примером такой коннотации является отсылка к басне И. А. Крылова в сатирическом стихотворении «Перед началом думских игр (беспартийная элегия)»: *Избранников кадет до крупных слёз мне жалко...<...> Они – три лебедя (а октябристы – раки, / Союзники же – щуки без зубов)... / Впрягаться ль в воз? Измажешь только фракы, / Натрёшь плечо и перепортишь кровь.<...> На днях опять начнётся перепалка, / И воз вперёд не двинется опять... / Избранников кадет до крупных слёз мне жалко: / Их – раки с щуками потащут с возом вспять.*

В двух стихотворениях присутствует коннотативная отсылка к содержанию пьесы Мориса Метерлинка «Синяя птица». Даже тогда, когда носитель дополнительного значения – прямо сообщённое и взятое в кавычки название пьесы, мы, тем не менее, будем считать его контекстуальную семантику коннотативной, так как вносимый коннотацией смысл находится во внеположном данному контексте и не подразумевает, что упоминание является случайным примером популярной у современников пьесы: *Нам «Синие птицы» / И «Вечные сказки» – желанные гости, / Пускай – небылицы, / В них наши забытые слёзы дрожат. <...> У барьера много серых, некрасивых, бледных лиц, / Но в глазах у них, как искры, бьются крылья синих птиц; Синие кредитки вместо **Синей Птицы** / Унесут туда, где солнце, степь и тишь.*

Сложный коннотативный оттенок выражает лексема *соловей*, отсылая к излюбленной символической романтизма как направления в искусстве. На эту отсылку наслаивается негативная оценочная коннотация по признакам ‘примитивно’, ‘избито’, ‘пошло’, аналогично и в контексте вторичной моделирующей системы синонимично рифме *кровь – любовь*: *Любовь должна быть счастливой – / Это право любви. / Любовь должна быть красивой – / Это мудрость любви. / Где ты видел такую любовь? / У господ писарей генерального штаба? / На эстраде, – где бритый тенор, / Прижимая к манишке перчатку, / Взбивает сладкие сливки / **Из любви, соловья и луны?** <...> **В лирических строчках поэтов, / Где любовь рифмуется с кровью / И почти всегда голодна?***

В некоторых случаях отсылочная коннотация эксплицируется кратко и может не распознаваться именно как отсылка, так как нарратив-адресат сильно укоренён в образе мира воспринимающего сознания: *Вихры свирепей змей Медузы; К приезду французских гостей / Пышных, развесистых клюкв и медведей на Невском не видно; Для других вопрос*

*еврейский – / Пятки чешущий вопрос: / Чужд им пафос полицейский, / Люб с горбинкой жирный нос, / Гершка, Сруль, «свиное ухо» – / Столь желанные для слуха! / Пейсы, фалдочки капотов, / Пара сочных анекдотов: / Как в вагоне, у дверей / В лапсердаке стал еврей, / Как комично он молился, / Как на голову свалился / С полки грязный чемодан – / **Из свинной, конечно, кожи...**; В час заката, / Весной, в зеленеющем сквере, / **Как безгрешные звери,** / Забыв осторожность, тоску и потери...; **Волчий паспорт** навсегда... / Ах, зачем я был злодеем / Без любви и без стыда!*

Пародийная поэма «Песнь песней» многочисленными зоонимическими метафорами отсылает не к оригиналу, а к современной автору тенденции использовать в поэзии подобные витиеватые конструкции. В коннотациях зоонимов важны здесь не частные дополнительные признаки, означаемые каждым из них, а обобщающая их манера употребления. Содержанием общей семантической ассоциации является ясно выраженное сопоставление поэтических традиций, на которые накладывается функциональная коннотация иронической оценки: **Бедра, как две кобылицы, / Кобылицы в кремовом мыле... / Кудри, как козы стадами, / Зубы, как бритые овцы с приплодом, / Шея, как столп со щитами, / И пупок, как арбуз, помазанный мёдом!** <...> *Но не стоит волноваться, всякий может увлекаться: / Ты писал и раскался, как козуля по горам. / «Песня песней» – это чудо! И бессилён здесь Хирам. / Что он делал? Вылил блюдо в дни, когда ты строил храм... / **Но клянись! В двадцатом веке по рождении Мессии / Молодые люди возродят твой стиль в России...***

Вспоминая об эмотивной основе коннотативности как таковой, приведём интересный пример отсылки не к тексту, а через название – к музыкальному произведению: *Тишина задумчивого мига. / Лёгкий стук откинутой доски – / **И плывёт бессмертный «Лебедь» Грига / По***

ночному озеру тоски. Лингвистические представления о коннотации неприменимы к этому случаю, но по структурным и функциональным признакам *лебедь* воплощает здесь невыразимый содержательно-эмотивный компонент значения, заложивший этот образ лебедя в сознании автора вместе с его чувствами от музыки. Коннотативная сторона текста стихотворения полностью раскрывается при эмоциональном восприятии произведения Грига.

Самая частотная компаративная связь, реализуемая зоонимическими коннотациями в поэзии Саши Чёрного, эксплицируется как предикативный признак, который соотносит действие человека с действием животного. Данное действие зачастую не выходит за референциальные границы, то есть оно нормально для животного, его легко представить за выполнением этого действия, и именно за счёт этого создаётся яркий образ, визуализирующий в деталях описанное действие или положение человека. Такое семантическое содержание неявно выходит за границы денотации, и коннотативным его делает соотношение функциональных характеристик – выделительных и оценочных. Среди предикативных признаков, скрытых в коннотациях зоонимов у Саши Чёрного, обобщённо можно выделить несколько моделей, по которым они выстроены.

1. Перемещаться или двигаться подобно другому существу: *Как шакал, Эпштейн бродил; В жаркий полдень влез, как белка, на смолистую сосну; Как мамонт бешеный, влачился я, хромой; Ползут кольцом вокруг «музыки», как стая мух в горшке; Ползут и ползут, словно оводы сонные; Как разваренная муха, вверх по лестнице спиральной полз я в гулкой темноте; Я качался на площадке, словно сонный, праздный вепрь; Играет, как белочка в чаще; Словно пьяные газели, из воды бегут девчонки; Она прошла, как злая рысь; Лазать, как рысь, по шершавым стволам; Ты проскользнёшь, как бабочка, ко мне.*

Предикативный признак в некоторых случаях может быть истолкован двояко: и как полная иллюстрация действия, и как описание действующего лица см. *вхожу в доминику как лев*. Изредка движение транспортного средства также сравнивается с движением другого существа: *Дилижанс ползёт, как клоп; Наши трамвай летел, как кот, напоённый жидкой лавой*.

2. В статичном положении быть подобным другому существу: *Восемь штук сидят, как галки; Растянувшись на пляже, как краб; Лежу, как растерзанный лев; Лежу, как лошадь на траве; И дремать, как галки на заборе; Она, как такса, у окна сидит в течение суток; Безнадёжно влюблённый, я стою, словно мул истомлённый*.

3. Напоминать другое существо своими

- мимическими характеристиками: *Улыбаясь, как тарань; И запел, зевнув, как щука; И друг на друга косятся тигрицами; Кто сверкает глазами, как хитрая змейка в норе; Смотрят снизу, как акулы; Порой вам «знаменитость» подаст, забыв маститость, пять пальцев с миной льва;*

- аудиальными характеристиками: *смотрела в окно и скрипела, как злой попугай; белый клоун надывается белугой; и вздыхают, как тюлени; вздыхает, как белуга; пробурчал, вздыхая, как медведь*. Реже таким же способом создаётся звуковой образ обстановки: *ток гнусавил, как волчок; чайник ворчит, как шмель*.

Несколько раз встречаются зоонимы, коннотация которых иронически описывает молчание человека, отсылая к нормативно употребляемому выражению *молчать, как рыба: объяснил и опять замолчал, как солидная рыба; лишь для крошечного друга не нашёл я слов внезапных и, краснея, – как белуга, как белуга, промолчал!*

4. Выполнять действие, свойственное и характерное для другого существа, причём чаще описание действия имеет не прямое значение

(например: *я согрелся в складках волчьей шубы, как детёныш в сумке кенгуру; Целый день, как вол, тружусь; ты там, как мышь, притихла в тишине?*), а метафорическое: *Что им сказать, когда такая пушка, / Как Родичев, и тот умолк давно? / Лишь Маклаков порою, как кукушка, / Снесёт яйцо. Кому – не всё ль равно; В искусстве – прокурор, всё смял он, кроме моды, / В быту – надменный крот, обрёл все «нет» и «да», / И, словно саранча, зудит в садах природы / Бессчётные года!; Нет, Рейн не ваш! И вы лишь тли на розе – / Сосут и говорят: «Ах, это наш цветок!»; От ваших плоских слов, от вашей гадкой прозы / Исчез мой дикий лес, поблёк цветной поток...; Я, как страус, не раз зарывался в песок... / Но сегодня мой дух так спокойно высок....*

5. Делать что-то с внешним или внутренним качеством, приписываемым какому-то существу. В таких случаях ироническая окраска всегда проявляется очень ярко: *И выглядывать оттуда, / Превращаясь в снежный ком, / С безразличием верблюда, / Занесённого песком; Четыре кавалера / С изяществом стрекоз; Вмиг с апломбом плоской утки; Семьсот ребячеств без табу, / Насмешка, вызов на борьбу / И любопытство марабу.*

6. Испытывать нечто, сопоставимое с физическими ощущениями от воздействия какого-то существа: *В сердце вгрызлись голодные волки; В сердце вгрызлись голодные жуки; Дикая страсть сжимает сердце, давит душу, как удав...; Усталость дует ласково в глаза. / Хор всё торопится – скорей, скорей, скорее... / Кружатся стены, пол и образа, / И грузные слоны сидят на шее.*

Следующая группа, первой выделенная нами в рамках содержательной классификации коннотаций, – это дополнительные значения зоонимов, эксплицируемые в виде признака. В стихотворениях Саши Чёрного признак чаще всего выражен непосредственно, поэтому особенности данной группы проявляются не в полной мере, однако в то же

время отчётливо проступают функциональные коннотации, создающие стилистически окрашенные визуальные образы: *я застенчив, как мимоза, осторожен, как газель; вокруг сгрудились баширята любопытно, как телята; отчуждённый, как удад* – или несущие оценочную семантику: *Несложен и ясен, как дрозд; Впиваясь в скрипку, тоненький, как глист.*

Помимо перечисленных в классификации содержательных коннотаций, можно обнаружить также два примера эмотивно нагруженных коннотаций, выраженных не собственно зоонимами, а всем языковым описанием ситуации, в которой оказывается названное существо. В обоих случаях эта семантическая ассоциация строится на признаках ‘покинутый’, ‘забытый’, ‘брошенный’, ‘оторванный от дома’: *Друзья и родственники холодно молчат, / И девушки любимые не пишут... / Печальна жизнь покинутых галчат, / Которых ветер бросил через крышу; «О, мой царь! Года пройдут, как сон – / Но тебя никто не забывает – / Ты мудрец, великий Соломон. / Ну, а я, шалунья Суламита, / С лучезарной, смуглой красотой, / Этим миром буду позабыта, / Как котёнок в хижине пустой!»*

У Саши Чёрного животным уподобляются не только люди, но и

- природные явления: *Спички, живей! Огонь, как змей, с ветки на ветку кружит по клетке; Воздух спёрт, как в чреве у кита;*

- метафизические конструкты: *Планы множатся, как блохи; Мысли – божие коровки – Уползли куда-то вбок...; Зимнюю жизнь в Житомире сонлива, как сурок; Сорвавши белые перчатки / И корчась в гуще жития, / Упорно правлю опечатки / В безумной книге бытия. / Увы, их с каждой мыслью больше: / Их так же трудно сосчитать, / Как блох в конце июля в Польше – Поймал одну, а рядом пять...;*

- речевые формулы: *С липким чмоканием змеиным ходят жирные клише.*

При этом есть только один пример выразительного образа, построенного на сравнении, где эталоном является человек или люди, а объектом сравнения – другие живые существа: *За тяжёлым гусем старшим / Вперевалку тихим маршем / Гуси шли, как полк солдат.*

Зоонимические коннотации, реализующие в рассмотренных контекстах характеризующую функцию, чаще всего совпадают с узуальными переносными значениями (см.: *свинья, гиена, червяк, слизняк*). В этой функции Саша Чёрный использует также отымённые прилагательные, для которых данная коннотация может быть как близкой к общеупотребительным, см.: *остротами **скотными**, положенье **собачье**, с **собачьими** лицами*, так и авторской: *психология **рачья**, радость **телячья**, обезьяний стильный профиль, с **куриным** самомнением.*

Следует отметить два стихотворения, выделяющиеся на фоне остальных произведений Саши Чёрного контекстуальными свойствами коннотаций лексем тематической группы зоонимов. Одно из них, «Волк и баран», является басней, и это отражается в коннотативной структуре использованных лексических знаков. Роли животных традиционны, отсутствует выраженный компаративный партнёр, с которым соотносились бы коннотации зоонимов, эксплицирующие своё содержание через реплики персонажей и уже на основании этого содержания выстраивающие сопоставление с внешними обстоятельствами в форме социально-политической сатиры: ***Волк как-то драл с барана шкуру./ Баран, конечно, верещал. / Озлился волк: Что воешь сдуру, / Нахал! / Деру тебя тебе ж во благо – / Без шкуры легче – тесно в ней. / Я эту тему на бумаге / Могу развить тебе ясней! / Бедняк баран, почти покойник, / В ответ заблеял, чуть дыша: / «Прошу вас, господин разбойник! / Пусть ваша тема хороша – / Но ваша справедливость волчья/ Сейчас едва ль мне по плечу... / Ой-ой! Дерите лучше молча, / Я тоже***

*скоро замолчу!» / Когда-то волки просто драли / Без объяснения причин.../
Для умных женщин и мужчин / Другой не надобно морали.*

Второе из упомянутых выше стихотворений – «Гармония (подражание древним)» – можно условно назвать творческой установкой в свете темы нашего исследования. Используемые в нём зоонимы не коннотируют определённые признаки и не являются отсылкой или оценкой, а в комплексе обозначают саму избранную автором литературную традицию, хотя, естественно, присутствие именно этих трёх зоонимов связано с узуально свойственной им образностью: *Тихо приветствую мудрость любезной природы. / Ловкой рукою она ярлыки налепляет: / Даже слепой различит, что **серна, свинья и гиена** / Так и должны были быть – **серной, свиньёй и гиеной**. / Видели, дети мои, приложения к русским газетам?/ Видели избранных, лучших, достойных и правых из правых?/ В лица их молча взгляните, бумагу в руках разминая,/ Тихо приветствуя мудрость любезной природы.*

Значительное количество зоонимов в поэзии Саши Чёрного, как мы неоднократно отмечали, используется в своём прямом денотативном значении, являясь своеобразной «авторской меткой» практически на всех лирических стихотворениях. Такие знаки в поэтическом языке не могут быть исключительно денотативными, но подробно проанализировать лингвистическую сущность их коннотаций невозможно. Они, несомненно, несут стилистическую функцию, соответствующую особенностям образа мира автора. Частично она выражается в сопоставлении с детской поэзией, где обычно интенсивно используются зоонимы, но по своему эмотивному содержанию они явно противопоставлены зоонимам, коннотирующим человеческие черты в сатирических стихотворениях.

В сатирических стихотворениях зоонимы с преобладающей контекстуальной денотативной семантикой создают художественный фон, производящий впечатление прекрасного и естественного мира, к которому

неприменимы все оценочные мерки: **Червонные рыбки** из стеклянной обители / Грустно-испуганно смотрят на толпу; или обозначают атрибуты «обстановочки»: *Возле раковины щель / Вся набита прусаками; На полу пред самоваром / Кот сидит, как неживой; По комнатам проснувшаяся моль / Зигзагами носилась одурело / И вдруг – поняв назначенную роль – / Помчалась за другой легко и смело./ Из-за мурильевской Мадонны на стене / Прозрачные клопёнки выползали, / Невинно радовались комнатной весне, / Дышали воздухом и лапки расправляли. / Оконный градусник давно не на нуле – / Уже неделю солнце бьёт в окошки! / В вазончике по треснувшей земле / Проворно ползали зелёные вошки.*

В стихотворениях, где отсутствует обличительно-иронический пафос, образы животного мира служат средством чистой лирической выразительности: *Белобрюхая камбала – нежное чудо морей; Пчёлы льнут к зелёному своду. / На воде зелёные тени. / Я смотрю, не мигая, на воду / Из-за пазухи матери-лени; Трясогузка по соседству / По песку гуляла всласть... / Разве можно здесь не впасть / Под напевы моря в детство; Вишни буйно вскрыли цвет – / Будет много мёда. / Мне сейчас не тридцать лет,/ А четыре года; Пчёлки в щёку – щёлк и щёлк / И гудят, как трубы. / Прокуси-ка драп и шёлк, / Обломаешь зубы! / Всуньте лучшие в пряный цвет / Маленькие ножки. / Я лирический поэт, / Безобидней мошки.../ Не стучите в решето – Живо за работу! / Я же осенью за то / Опростаю соты; Девчонки вышивают, / А овцы там и сям / Сбегают и взбегают / По лакомым бокам; Какие-то пёстрые мухи / Танцуют в искристой слюде. / Муравей путешествует в ухе, / Пауки бегут по воде./ Изумительно мелкая рыбка / Удирает от тени своей.<...> Качаются томные листики. / Душа покидает причал. / В волнах немигающей мистики / Смотрю в светло-синий провал. / Так сонно звенят насекомые,/ Так мягко спине и бокам... / Прощайте, друзья и знакомые, – / Плыву к*

золотым облакам; Виноград, бобы, горошек / Лезут в окна своевольно... / Хоровод влюблённых **мух**. / Мириады пьяных **мошек** / И на шпигеле колокольном / Зачарованный **петух**; Над листвой гудит пустынно / Пенье майского **хруща**; Если летом по бору кружить, / Слышать свист неведомых **птиц**, / Наклоняться к зелёной стоячей воде, / Вдыхать остро-свежую сырость и терпкие смолы / И бездумно смотреть на вершины, / Где ветер дремотно шумит, – / Так всё ясно и просто...; Под водой дрожат, как студень, / Пять таинственных **медуз**; Стая **рыб** косым пятном / Затемнила зелень моря. / В исступлении шальном, / Воздух крыльями узоря, / Вьются **чайки**; **Улитки** гуляют с улитками / По прилизанной ровной дорожке, / Автомат с шоколадными плитками / Прислонился к швейцарской сторожке; По тихой веранде гуляет лишь ветер да пара **щенят**, / Закатные волны вскипают, шипят и любовно звенят.

Рассмотрение коннотаций зоонимов, небывалая (за исключением детской литературы) концентрация которых в поэтических произведениях Саши Чёрного является отличительной чертой образной системы его произведений, позволило сделать выводы о типах и особенностях их реализации в различных контекстах.

За основной принцип такого анализа прежде всего принимается очевидная необходимость понимания коннотации именно внутри контекста, так как при изолированном описании результатом будет или словарь мифопоэтической семантики, свойственной в большей степени образам животных в культуре, чем их названиям в языке, или комплекс включающих слово контекстов, отобранных в результате некоего обоснованного ограничения материала (поэзия определённого направления, пресса с указанием социально-политической направленности и периода, сайт с наполняемой пользователями базой текстов).

Сложность работы лингвиста во втором случае заключается в том, что комплекс контекстов требуется снабдить обобщающим комментарием, который так или иначе будет выражать в том числе взгляды своего автора. Обработка языкового материала художественной литературы в этом смысле является разумным, хотя и условным, уходом от выражения этической установки. К тому же, что более важно, подобные обобщения выходят за рамки даже максимально расширенной компетенции учёного-лингвиста и являются скорее эссеистикой на лингвистической основе.

Итак, выбрав в качестве языкового материала совокупность поэтических произведений Саши Чёрного, имеющих в своём лексическом составе зоонимы, мы классифицировали лексемы данной тематической группы в соответствии с типом экспликации содержания их коннотаций и функциональными особенностями дополнительного значения.

Стилистические коннотации с собственно оценочной функцией используются в поэзии Саши Чёрного ограниченно и традиционно, т. е., как правило, с семантикой отрицательной оценки (например: *свинья, гиена, червяк*). Яркую оригинальную образность собственно оценочные коннотации создают только при наличии положительной оценки, что само по себе является узואльно нетипичным. Основанием для такой оценки становится эмотивное восприятие воодушевления, благостного, счастливого состояния человека как сопоставления с естественным и «чистым» существованием представителей фауны: *В гонуэзском заливе, / Как сардинка, счастливый, / Я купаюсь, держась за верёвку. / Плещет море рябое, / И в солёном прибое / Заплетаются ноги неловко; Как весенний скворец запою на копье! / Оглушу твои уши цыганским весельем! / Дай лишь срок разобраться в проклятом тряпье.*

Самым распространённым типом коннотаций в отобранных контекстах является дополнительное значение, содержащее реальный или вымышленный признак, задающий мотивацию для сопоставления какого-

то объекта с животным. В них реализуется выделительная функция и чаще всего присутствует элемент эмотивной оценки. Среди этих значений наблюдается обратная пропорциональность между степенью коннотированности и яркостью образов, т. е. близкие к денотативным признаки в качестве компаративного основания создают наиболее «живые» визуально-эмоциональные представления при восприятии: *с безразличием верблюда, с миной льва; с телячьими улыбками; как разваренная муха; давит сердце как удав; огонь как змей; лучи-ужа бегут от глаз к фонарям и обратно; словно пьяные газели, из воды бегут девочки; я согрелся в складках волчьей шубы, Как детёныш в сумке кенгуру.* То же можно сказать и о признаках, приписываемых внутренним свойствам животных: *отчуждённый как удав; как сардинка счастливый.*

Все эти коннотации на основе сопоставления признаков или действий можно обобщить как иллюстративные. Некоторые могут требовать энциклопедической справки, но это зависит только от уровня знаний аудитории об окружающей природе (например, об особенностях отношений кукушки с потомством). Иллюстративные коннотации могут эксплицироваться визуально – в видеозаписи или изображении, однако целесообразность этого вызывает сомнения, так как при нынешней экологической ситуации и благодаря иным обстоятельствам для большинства людей интерпретация компаративного основания не представляет трудности.

Коннотации, содержащие отсылки к нарративам разных видов и несущие соответствующую функцию, количественно составляют наименьшую группу, однако их толкование требует наибольшего объёма. Они же и представляют наибольший интерес для читателя и для исследователя, так как их верная интерпретация невозможна без дополнительных сведений о социально-культурном контексте эпохи (например: *осёл, чёрный рак*) или о мифопоэтической мотивации

коннотативного процесса (например: *божья коровка, сорока, филин*). Примеры словарных этюдов приведены в Приложении к работе.

Выводы

Представление семантики лексикографическими инструментами может показаться отработанной веками практикой, не предполагающей решения сложных методологических вопросов. Однако это суждение правомерно только в отношении справочной функции словарей, и даже в пределах этой функции существует множество не имеющих однозначного решения проблем, как, например, выработка единого метаязыка описаний.

Настолько изменчивая и обладающая столь неоднородным содержанием и свойствами область, как коннотативная семантика, является сложным объектом для лексикографического толкования. Традиционный логический редукционизм в конструировании словарных значений не только отсекает возможность описания, выходящего за рамки условного ответа на вопрос «что это?», но и косвенно влияет на сам подход к составлению словарей или иных материалов такого типа, диктуя стремление сделать как можно более точный и при этом лаконичный «слепок». Для толкового словаря эта тактика действительно целесообразна, однако наш интерес сосредоточен не на принципах толкования значения лексемы или энциклопедического описания денотата, соответствующего реальному объекту и его комплексу признаков, а, наоборот, на выборе способов распознавания и толкования всего, что находится за пределами денотативной области и регулирует как свойства контекстуальной дополнительной семантики лексемы, так и её коннотативный потенциал вне определённых контекстов. Кроме того, важно определить, каким образом развился коннотативный признак, связан ли он с денотацией и насколько тесно, т. е. не только объяснить,

что именно данная лексема означает помимо известного комплекса признаков денотата, но и истолковать мотивы появления такого означаемого у конкретного знака.

Языковой материал исследования требует диахронического взгляда на семантику анализируемых лексем непосредственно в пределах её реализации в выбранных текстах, позволяя при этом обращаться к сведениям об исторических, биографических, этнолингвистических обстоятельствах, связь которых с контекстуальной семантикой зоонимов полагается существенной для полноценного толкования. Соответственно, адекватной материалу и цели такой работы признаётся направление авторской лексикографии.

Неравномерность коннотативной структуры лексем даже внутри одной тематической группы обусловила отказ от использования терминов *словарь* и *словарная статья*, так как довести описание коннотативной семантики до необходимого соответствия качествам словаря не представляется возможным. Вместо этого изложение толкования коннотаций каждой лексемы именуется термином Л. Л. Шестаковой *словарный этюд*.

Вопросы, касающиеся непосредственно практики лексикографического описания дополнительных значений, можно разделить на две группы, соотносящиеся с формированием макро- и микроструктуры комплекса словарных этюдов. На уровне макроструктуры мы определили критерии отбора и группировки лексем. Процесс такого конструирования включает следующие этапы:

1. Выделение контекстуальных употреблений зоонимов, не выводящих их семантику за пределы области денотата. Для этого, в случае неопределённости, требуется использовать тесты, позволяющие квалифицировать тот или иной признак как коннотативный или денотативный. Тесты не во всех случаях дают удовлетворительный

результат, но проверить его и подтвердить возможно с помощью «лингвистической интуиции». Хорошим маркером, сразу дающим приблизительное представление о характере употребления, нам кажется определение того, присутствует ли в контексте некий семантический «партнёр», на который распространяется компаративная функция коннотации. Для лексикографического толкования коннотации тот факт, что тестирование не всегда приводит к достоверным результатам, принципиально важен. Так, большинство коннотаций, обусловленных социально-историческими факторами, возможно правильно и полно истолковать только при понимании внеязыкового контекста употребления коннотирующего слова. Подробное описание обстоятельств формирования коннотации способно стать инструментом анализа и других контекстов употребления конкретного слова или словосочетания и поднять на поверхность не только особенности процесса развития данной коннотации, но и множество новых смыслов, имеющих значение для герменевтического анализа текста.

2. Рассмотрение всех контекстов, в которых выбранные лексемы предположительно реализуют коннотативное значение. Таким образом мы можем проследить общие закономерности, сопутствующие этим употреблениям, зафиксировать и описать их. Это важно для характеристики функционирования коннотативного плана в художественной системе автора, так как наличие общих, метатекстовых аналогий реализации значений лексем одной группы в языке писателя выводит их совокупность в индивидуальную коннотативную область уже на основании их многочисленности, тогда как разовые реализации разными лексемами данной группы своей денотативной семантики не дают оснований предполагать за ними общее основание.

3. Отделение в выбранных контекстах нормативно зафиксированных и функционирующих в языке переносных значений. Формирование

переносного значения у зоонимов мы считаем результатом количественной или качественной активизации коннотативного процесса, переполняющей потенциальный объём дополнительного значения настолько, что сама собой образуется уже другая семантическая ёмкость, оторванная от своего источника и не связанная с его системой денотативно-коннотативных соответствий. С точки зрения авторской лексикографии такие употребления не требуют толкований, однако важно заметить количественное соотношение с менее устойчивыми и развитыми коннотациями, так как это позволяет выявить общую статистику функционирования коннотативной стороны семантики в совокупности авторских текстов.

4. Группировка лексем с контекстуальной коннотативной семантикой, оставшихся в результате отсечения реализаций денотативных и переносных значений, в соответствии с разработанной классификацией коннотаций на основе содержательных и функциональных характеристик и построение макроструктуры на основании итогов этой группировки. Так, в зависимости от их пропорций и намерений составителя, возможно, например, привести сначала набор отсылочных коннотаций с развёрнутыми описаниями, а после более краткие толкования лексем, соосзначающих признаки. Признаковые коннотации разграничиваются с помощью их упрощения до логических формул.

Микроструктура материалов лексикографического толкования коннотаций определяется свойствами дополнительных значений. Модель словарного этюда может быть общей только для одного содержательного или функционального класса коннотативно означаемых вследствие разницы объёма экспликации и структуры разных типов коннотаций, а соответственно, и их толкования. Так, толкования отсылочных коннотаций включают развёрнутые описания вносимых ими в контекст внеположных ему означаемых с указанием источников, эксплицируемые

признаком коннотации требуют непосредственного формулирования этого признака, и только для ярких и относительно устойчивых эмоционально-оценочных коннотаций зоонимов достаточным является такой общепринятый способ толкования, как стилистическая помета.

Непосредственное рассмотрение конкретных содержательных и функциональных реализаций коннотативного потенциала зоонимов в поэзии Саши Чёрного позволило объединить их в следующие группы:

1. Коннотации с отсылочной функцией, содержание которых эксплицируется в виде развёрнутого описания смыслов, вносимых ими в контекст из других текстов разного типа. Эти контекстуальные реализации дополнительной семантики в поэтическом наследии Саши Чёрного немногочисленны и наименее очевидны вследствие своей полной оторванности от денотативных признаков, однако именно поэтому их тщательное описание представляет интерес для исследователя (см. Приложение).

2. Зоонимические коннотации с компаративной функцией, сопоставляющие человека или иной активный объект с животным на основании общего предикативного признака. Такие коннотации являются самыми распространёнными в рассмотренных текстах, а их содержательные экспликации строятся в соответствии с шестью обобщёнными моделями, соответствующими следующим значениям: признак движения; признак статичного положения; характеристика невербального поведения (мимического, аудиального); перенесённое на человека свойство животного; перенесённое на человека свойство, иронически приписываемое животному; ощущение, сходное с испытываемым физическим воздействием животного.

3. Дополнительные значения, содержащие сравнительный признак, общий для человека и животного, не представляют сложности для

толкования, так как основа сравнения в большинстве случаев лексически выражена в контексте.

Устойчивые переносные значения зоонимов, традиционно толкуемые словарными пометами, в поэзии Саши Чёрного очень редки и не требуют обновлённых описаний, так как их реализация ограничена стилистической оценочной функцией, а иное содержание отсутствует.

Зоонимы с контекстуальной денотативной семантикой составляют большую группу, превосходящую количеством совокупность лексем той же тематической группы, несущих коннотации разных типов. Несмотря на отсутствие ярко выраженных проявлений коннотативности в этих случаях, само их присутствие в таком количестве становится манифестацией некой черты художественного образа мира автора, рождающей ярчайшую лирическую выразительность за счёт такого несложного и оригинального механизма. Следовательно, применительно к этим употреблениям мы можем говорить об их коннотативной нагруженности, содержательно эксплицировать которую невозможно, так как она производится из довербальных эмотивных реакций и при восприятии читателем находит отклик на эмотивном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение истории термина *коннотация* показывает, что в начале своего использования он был связан с описанием общекатегориального значения прилагательных. На рубеже XIX и XX веков коннотация вошла в терминологические аппараты ширящихся и разделяющихся направлений, синтезирующих лингвистику, логику, философию и психологию. В отечественной науке до сих пор много внимания уделяется вопросам поиска универсальной трактовки термина и единого представления о сути именуемого им явления, тогда как в разговорной речи и в публицистических текстах понятие стабильно используется при наивном анализе динамики дополнительной семантики, будучи ограничено категорией оценки (см.: *выражение приобрело положительные коннотации*), и ошибкой это упрощение не является, так как оценочность действительно продуцирует наиболее укоренённые в общественном сознании векторные элементы коннотативной семантики. В зависимости от рассматриваемого проявления коннотативной оценочности эти векторы мотивируются позитивным или негативным восприятием признаков референта коннотирующего понятия в реальном мире и информационном пространстве (на этапе формирования и укоренения коннотации), или соответствующей оценкой компаративного партнёра, на которого распространяется ситуативно актуальная коннотация внутри контекста употребления.

Если представить, насколько мало места в образе мира человека занимают реальные объекты, их действия и объективные качества, то есть денотативно означаемые, в означивании которых не участвуют эмоционально-оценочные или обусловленные культурой субъективные надстройки, то становится очевидным количественное и качественное преобладание коннотативной сферы семантики в языковых проявлениях

этого образа мира. Так как мы не можем вообразить себе масштаб деятельности сознания, разворачивающейся на основе даже наблюдаемой лабораторно передачи импульсов в нервной системе человека, маловероятна и возможность определения структурной схемы, достоверно, подробно и универсально описывающей закономерности наращивания тем или иным значением слова новых коннотативно означаемых. Собственные принципы соотношения коннотации и денотации свойственны не только словам разных частей речи, но и разным тематическим группам в пределах одной лексико-грамматической категории. Этот тезис подтверждается сопоставлением коннотативной семантики оценочных слов, названий объектов интроспективной психической жизни, существительных с абстрактным значением.

Содержательная насыщенность и потенциальная глубина коннотации лексемы обратно пропорциональна степени абстрактности и объёму эмоционально-чувственной составляющей её значения. Вечное стремление человека к умножению смыслов сущего, повлиявшее на древнейшие анимические представления, способствовало активному расширению дополнительной семантики слов, называющих наиболее близкие, значимые и кажущиеся доступными для осмысления факты и объекты действительности. К такой лексике относятся номинации проявлений стихии, объектов живой и неживой природы, ориентационных признаков, частей тела человека и основных предметов его быта. Зоонимы занимают среди них особое место, так как их коннотативный потенциал стал наиболее продуктивной областью образования сопоставлений, переноса признаков и наращивания дополнительных означаемых в целом, а их коннотативная семантика хорошо сохранилась для наблюдения в материальной культуре, фольклоре, детской литературе и в образной системе языка как таковой.

Разные коннотативные компоненты и аспекты функционирования дополнительных значений оказываются значимыми в определённые моменты «жизни» лексемы, поэтому наиболее адекватным изучаемому явлению подходом оказалось психолингвистическое представление значения в виде «динамической иерархии процессов», как сформулировал эту идею А. А. Леонтьев. Таким образом, самое общее, абстрагированное от влияния частных аспектов описание феномена коннотации – это его процессуальная сущность.

В коннотативном процессе можно выделить фазы или этапы, каждый из которых регулируется своим комплексом принципов: 1) расширение элементарного номинативного значения за счёт превышения определённого уровня значимости для человека; 2) накопление и формирование коннотативного потенциала лексемы; 3) оформление коннотации в близком к современному виде; 4) актуализация в употреблении как многократно последняя фаза, продолжающая развитие коннотации слова.

Для зоонимических лексем процесс начинается при эмотивном восприятии комплекса признаков как позитивного или негативного, рождающем положительную или отрицательную оценку, которой задаётся вектор, направляющий коннотативную семантику. Этот момент хронологически удалён, он приходится на время господства способа восприятия человеком образа мира, называемого демоническим, анимическим, магическим или мифологическим, когда ни один воспринимаемый объект или явление не мог быть изолирован от дополнительных означаемых, что объясняется невозможностью позитивного познания сложных причинно-следственных связей и поиском замены для их установления, поэтому признаки и функции непознаваемого и неизвестного присваивались близкому и доступному для восприятия.

При появлении и накоплении потенциала коннотация вбирает в себя информацию, на уровне означаемых описывающую миф как совокупность неосознаваемых механизмов, задающих отношения человека с действительностью. Оттачиваясь при восприятии и использовании отдельным человеком, этот унаследованный миф интериоризируется, становится частью его собственного образа мира и структурирует его, создавая единую схему вместе с другими элементами, а в характере актуализаций дополнительных значений и их наборе отражается то, какие означаемые участвуют в организации структуры эмоционально-оценочного восприятия автора текста или высказывания, присутствуют в мотивации его суждений и поступков, а также то, какой миф транслируется при сознательном речевом воздействии или подготовке специальных текстов, имеющих целью убедить читателя в чём-либо (политика, журналистика, реклама, общественная деятельность).

Были выделены две характеристики коннотативного значения: вид содержательной экспликации и реализуемая им функция. В соответствии с этими двумя аспектам коннотативного процесса распределяются различные содержательные и функциональные типы проявлений феномена дополнительного значения.

Содержание соознаваемого может эксплицироваться в виде трёх различающихся по объёму типов информации: 1) как объективный или приписываемый признак понятия, выраженного знаком; 2) как предикативный признак, описывающий действие или образ действия; 3) как внеположный текст или комплекс текстов, к которым коннотирующая лексема отсылает при интерпретации. Первые два типа содержания коннотативно означаемого имеют выделительные функции (1), подчёркивая в определённом контексте один или несколько семантических компонентов и нивелируя значимость других в данном контексте. Коннотации с третьим типом содержания, выглядящие при

экспликации как объёмное цитирование, выполняют, соответственно, отсылочную функцию (2). Они наиболее далеки от денотативных признаков, даже будучи выстроенными на их основе. Третий функциональный класс коннотаций (3) – это яркие оценочные коннотации, как правило, с устойчивыми стилистическими характеристиками связанные при актуализации с эмотивными мотивирующими основаниями.

Процессуальная сущность коннотации предполагает два возможных объекта описания, значительно различающихся по всем параметрам, – это потенциальная и актуальная коннотация. Толкование потенциальной коннотации зоонима как номинации конкретного объекта обязывает провести, во-первых, культурологическое исследование и, во-вторых, тщательно изучить все значимые контексты употреблений лексемы за многие столетия. Отдельные аспекты потенциальной коннотации могут быть зафиксированы в форме материалов по истории материальной и духовной культуры, мифопоэтической образности, истории функционирования лексемы в языке (в как можно более широкой выборке контекстов, охватывающей весь период использования слова) и по психолингвистическому описанию интерсубъектных ассоциаций носителей языка. Цель, состоящая в толковании актуальной коннотации, намного более реалистична, хотя не лишена опасности излишней субъективности в описании. Результатом такого описания является контекстуально-лексикографическое значение, включающее не только выявленные контекстуальные означаемые, т. е. сведения о том, что значит данное слово в контексте, но и информацию о том, почему связь между знаком и коннотативным означаемым существует в узусе или была установлена непосредственно в описываемом случае. Проанализировав содержательную и функциональную стороны реализации коннотативного значения в определённом контексте, можно рассматривать динамику

обнаруженных означаемых и в ретроспективе, и в перспективе по отношению к данной реализации, что позволяет делать предположения о соответствующих изменениях в обстоятельствах, мотивирующих образование, закрепление и изменение коннотативных означаемых.

Анализ коннотаций в комплексе текстов автора – это анализ образов его сознания, определяющихся сложной комбинацией влияний. С точки зрения использования Сашей Чёрным зоонимических образов были выделены следующие идиостилевые показатели:

1. Саша Чёрный расширил поэтический словарь множеством образов представителей живой природы, не встречавшихся ранее в языке художественной литературы ни в таком качестве, ни в таком количестве. В художественной системе сатиры поэта вместо мира Теней и мира Идей – мир Людей и мир Зверей.

2. Анализ употребления зоонимов в его поэзии позволяет охарактеризовать систему образов животного мира двумя основными направлениями, непосредственно связанными с разграничением денотативных и коннотативных означаемых. Темы его сатир, в которых «под ненавистью дышит оскорблённая любовь», – неестественность, обезличенность, внутренняя пустота, духовное обнищание, ведущее к автоматизации и типизации внутренних реакций людей в соответствии с простыми мыслительными стратегиями, наименее затратными эмоционально и наиболее одобряемыми общественным мнением. Именно проявления этих качеств описываются поэтом через уподобление человека животному, через их коннотативное сопоставление друг с другом, как правило, с контекстуальной негативной эмотивно-оценочной семантикой (см. *побежали светотени жадных к зрелищу зверей; плюнь, ослепни и оглохни, и ворочайся, как краб; знаменитости без лиц строят знающие мины, с видом слушающих птиц*).

3. В стихотворениях есть и ряд примеров коннотативных сопоставлений человека с животным, в которых компаративный признак оценивается положительно, и признак этот один – естественность, беззаботность, чистота души безгрешного животного или ребёнка: *я чему-то рад и иду вперёд беспечней насекомых; я качался на площадке, словно сонный, праздный вепрь; семьсот ребячеств без табу, насмешка, вызов на борьбу и любопытство марабу; в генуэзском заливе, как сардинка, счастливый, я купаюсь, держась за верёвку.*

4. В тех же случаях, когда зоонимы реализуют часть комплекса собственных денотативных признаков, не переносящихся на компаративного партнёра, их дополнительная контекстуальная семантика носит или нейтральный оценочный характер (при описании обстановки через факт наличия или действия животного см. *возле раковины щель вся набита прусаками; на полу перед самоваром кот сидит, как неживой*) или положительный, создающий ярчайшую лирическую выразительность: *белобрюхая камбала – нежное чудо морей; по тихой веранде гуляет лишь ветер да пара щенят; так сонно звенят насекомые, так мягко спине и бокам, прощайте, друзья и знакомые, – плыву к золотым облакам.*

Таким образом выглядит самая общая классификация контекстуальной семантики зоонимов в поэзии Саши Чёрного на основании различий в реализации ими коннотативных и денотативных значений в художественной системе. Этот вывод относится к образу мира поэта, проявляющемуся на уровне имплицитно и эксплицитно функционирующих оценок. Оценка в сатирических стихотворениях – это наиболее продуктивный способ насыщения контекстуальной коннотации. Катализатором коннотирования является эмоция, мотивирующая оценку, которая уже оказывается приблизительно измеримой величиной. Зоонимы – это квазиоценочная форма воплощения субъективного восприятия поэта. Оценочный компонент доминирует при реализации коннотаций зоонимов

именно в сатирических стихотворениях, тогда как в лирических преобладают ненасыщенные коннотации, выделяющие денотативный или близкий к денотации признак. Стилистические созвучия, возникающие при нетрадиционном введении в лирический текст вкраплений чистой наивной образности детской поэзии – жаб, аистов, воробьёв и т. д. – являются воплощением части авторского образа мира.

Анализ коннотирующих зоонимов в логической структуре предложения продемонстрировал, что зоонимам в составе сказуемого свойственна яркая, ясная и однозначная коннотативная окраска, преобладающим элементом которой является эмотивно-оценочная функция, формирующая художественную выразительность: *Нет, Рейн не ваш! И вы лишь тли на розе – Сосут и говорят: «Ах, это наш цветок!»; О ревность, раненая лань! О ревность, тигр грызущий!*

Для насыщенности коннотативной оценочной и эмоционально-экспрессивной семантики имеет значение способ выражения предикативности. Наибольшим потенциалом воздействия обладают предложения со сказуемым, вещественное значение которого выражено существительным-зоонимом, а модальное значение – связкой *быть* в нулевой форме. Позиция субъекта в рамках нормативного словоупотребления не характерна для слов, реализующих в контексте свои коннотативные значения. Отчасти это утверждение верно и для поэтического языка Саши Чёрного: большинство субъектов-зоонимов употребляется поэтом в своём основном номинативном значении.

Наиболее плодотворным полем для её актуализации становится употребление в составе сравнительной конструкции с союзом *как*, где особенность проявления коннотативного значения эталонов-зоонимов – невозстановливаемый признак, на основе которого с ними сопоставляется объект.

Вопросы, касающиеся непосредственно практики лексикографического описания дополнительных значений, можно разделить на две группы, соотносящиеся с формированием макро- и микроструктуры комплекса словарных этюдов. На уровне макроструктуры были определены критерии отбора и группировки лексем. Предлагаемый алгоритм такого конструирования включает следующие этапы:

1. Выделение контекстуальных употреблений зоонимов, не выводящих их семантику за пределы области денотата. Для этого используются тесты, позволяющие квалифицировать тот или иной признак как коннотативный или денотативный. Хорошим маркёром, сразу дающим приблизительное представление о характере употребления, является определение того, присутствует ли в контексте семантический партнёр по сопоставлению, на который распространяется компаративная функция коннотации.

2. Рассмотрение всех контекстов, в которых выбранные лексемы предположительно реализуют денотативное значение. Таким образом возможно проследить общие закономерности, сопутствующие этим употреблениям, зафиксировать и описать их, что важно для характеристики функционирования коннотативного плана в художественной системе автора, так как наличие общих, метатекстовых аналогий реализации значений лексем одной группы в языке писателя выводит их совокупность в индивидуальную коннотативную область уже на основании их многочисленности, тогда как разовые реализации разными лексемами данной группы своей денотативной семантики не дают оснований предполагать за ними общее основание.

3. Отделение в выбранных контекстах нормативно зафиксированных и узуально функционирующих переносных значений. Формирование переносного значения у зоонимов мы считаем результатом количественной или качественной активизации коннотативного процесса,

переполюющей потенциалный объём настолько, что сама собой образуется уже другая семантическая ёмкость, оторванная от своего источника и не связанная с его системой денотативно-коннотативных соответствий. С точки зрения авторской лексикографии такие употребления не требуют толкований, однако важно заметить количественное соотношение с менее устойчивыми и развитыми коннотациями, так как это позволяет выявить общую статистику функционирования коннотативной стороны семантики в совокупности авторских текстов.

4. Группировка лексем с контекстуальной коннотативной семантикой, оставшихся в результате отсечения реализаций денотативных и переносных значений, в соответствии с разработанной классификацией коннотаций на основе содержательных и функциональных характеристик и построение макроструктуры на основании результатов этой группировки. Так, в зависимости от их пропорций и намерений составителя, возможно, например, привести сначала набор отсылочных коннотаций с развёрнутыми описаниями, а после более краткие толкования лексем, созначающих признаки. Признаковые коннотации также разграничиваются с помощью их упрощения до логических формул.

Микроструктура материалов лексикографического толкования коннотаций определяется свойствами дополнительных значений. Модель словарного этюда может быть общей только для одного содержательного или функционального класса коннотативно означаемых. Так, толкования отсылочных коннотаций включают развёрнутые описания вносимых ими в контекст внеположных ему означаемых с указанием источников, эксплицируемые признаком коннотации требуют непосредственного формулирования этого признака, и только для ярких и относительно устойчивых эмоционально-оценочных коннотаций зоонимов достаточным

является такой общепринятый способ толкования, как стилистическая помета.

Непосредственное рассмотрение конкретных содержательных и функциональных реализаций коннотативного потенциала зоонимов в поэзии Саши Чёрного позволило объединить их в следующие группы:

1. Коннотации с отсылочной функцией, содержание которых эксплицируется в виде развёрнутого описания. Эти контекстуальные реализации дополнительной семантики в поэтическом наследии Саши Чёрного немногочисленны и наименее очевидны вследствие оторванности от денотативных признаков, однако именно поэтому их тщательное описание представляет интерес для исследователя (см. Приложение).

2. Зоонимические коннотации с компаративной функцией, сопоставляющие человека или иной активный объект с животным на основании общего предикативного признака. Такие коннотации являются самыми распространёнными в рассмотренных текстах, а их содержательные экспликации строятся в соответствии с шестью обобщёнными моделями, соответствующими следующим значениям: признак движения; признак статичного положения; характеристика невербального поведения (мимического, аудиального); перенесённое на человека свойство животного; перенесённое на человека свойство, иронически приписываемое животному; ощущение, сходное с испытываемым физическим воздействием животного.

3. Дополнительные значения, содержащие сравнительный признак, общий для человека и животного, не представляют сложности для толкования, так как основа сравнения в большинстве случаев присутствует в контексте.

Устойчивые переносные значения зоонимов, традиционно толкуемые словарными пометами, в поэзии Саши Чёрного очень редки и

не требуют обновлённых описаний, так как их реализация ограничена стилистической оценочной функцией, а иное содержание отсутствует.

В Приложении представлены примеры лексикографических этюдов с толкованием коннотаций, контекстуальная реализация которых включает сложную комбинацию отсылочных коннотаций и функциональных особенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамбен Дж., Новиков Д., Пензин А., Скидан А. Поэтический субъект должен каждый раз быть произведён заново – только для того, чтобы затем исчезнуть // Транслит. 2010. № 8. С. 4–11.
2. Академик. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/> (Дата обращения: 17.08.2019).
3. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.
4. Апресян Ю. Д. Лексикографическая концепция Нового большого англо-русского словаря // Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 6–17.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 767 с.
6. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // Вопросы языкознания. 1986. № 2. С. 57–70.
7. Арно А., Лансло К. Всеобщая рациональная грамматика (Грамматика Пор-Рояля). Л.: Изд-во ЛГУ, 1991.
8. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста. Л.: Просвещение, 1981. 295 с.
9. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 145 с.
10. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. 1982 / отв. ред. д-р филол. наук В. П. Григорьев. М.: Наука, 1984. С. 5–24.
11. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

12. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотация // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. 204 с.
13. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
14. Афанасьева Е. А. Славянизмы в сатирической поэзии Саши Чёрного // «Слава вам, братья, славян просветители!»: материалы научно-практической конференции. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2008. С. 373–378.
15. Афонина Е. Л. Поэтика малышей стихов Саши Чёрного («Детский остров») // Проблемы детской литературы и фольклор: сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 30–40.
16. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 607 с.
17. Ахутина Т. В. Модель порождения речи Леонтьева-Рябовой: 1967–2005 // Вопросы психолингвистики. 2007. № 6. С. 13–27.
18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Едиториал УРСС, 2001. 416 с.
19. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. 536 с.
20. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против»: сб. статей. М.: Прогресс, 1975. 473 с.
21. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с.
22. Беглова Е. И., Валькова Е. А., Войлова К. А., Звукова Е. Д., Иванова И. А., Иванова Л. А., Кириллина Н. В., Королёва И. А., Леденёва В. В., Лешутина И. А., Маркова Е. М., Тихонова В. В., Фадеева Т. М., Черникова Н. В., Шаповалова Т. Е., Шаталова О. В. Фрагмент русской

языковой картины мира «Жизнь женщины». М.: Изд-во МГОУ, 2013. 236 с.

23. Белый А. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы / из книги «Поэзия слова» // Семиотика: антология. М.: Академ. Проект: Деловая кн., 2001. С. 480–485.

24. Бельчиков Ю. А. О культурном коннотативном компоненте // Язык: система и функционирование. М.: Наука, 1988. С. 30–35.

25. Белякова И. Ю. Русскоязычная авторская лексикография: история, типология, современный этап развития // Преподаватель XXI век. М.: Изд-во МПГУ, 2008. № 4. С. 167–175.

26. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

27. Берковский Н. Я. Велимир Хлебников. 1985. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ka2.ru/nauka/berkovsky.html> (Дата обращения: 05.10.2017).

28. Блок А. А. «Я лучшей доли не искал...» Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. Предисловие и комментарии В. П. Енишерлова. М.: Правда, 1988. 560 с.

29. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.

30. Борботько В. Г. Аксиоматический пласт языка в моделирующей деятельности языкового сознания // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: Тезисы XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 29–31 мая 2003. М., 2003.

31. Борунова С. Н. О новом издании «Словаря языка Пушкина» // Русский язык. 2001. № 24.

32. Бурдые П. Поле литературы. Новое литературное обозрение, 2000. № 45. С. 22–87.

33. Буслаев Ф. И. Учебник русской грамматики. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1896. 239 с. Отсканированные страницы.

34. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция. Пер. с нем. / Под ред. В.Д. Мазо. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000. 528 с.

35. Васильев А. Д. Некоторые манипулятивные приёмы в текстах телевизионных новостей // Политическая лингвистика. Выпуск 20 / Урал. гос. пед. ун-т; Главный ред. Чудинов А. П. Екатеринбург, 2006. С. 95–116.

36. Васильев Н. Л. Сколько слов в «языке Пушкина» // О Пушкине: язык классика, поэтика романа «Евгений Онегин», писатель и его современники: монография. Саранск, 2013. С. 88–104.

37. Васильев Н. Л. Словарь поэтического языка П. А. Вяземского. М.: Флинта: Наука, 2015. 424 с.

38. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 623 с.

39. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

40. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1990. 247 с.

41. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избранные труды. М.: Художественная литература, 1980. 316 с.

42. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. 1977. [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vinogradov—77a.htm> (Дата обращения: 30.09.2017).

43. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика // Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320с.

44. Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М., Л.: АCADEMIA, 1935. 455 с. Отсканированные страницы.

45. Виноградов В. В. Предисловие // Словарь языка Пушкина. Т. 1. М.: ГИС, 1956. 806 с.

46. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // В.В. Виноградов. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. [Электронный ресурс] URL:<http://project.spbu.ru/lib/data/ru/vinogradov/syntax.html> (Дата обращения: 16.11.2017).

47. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове Учебное пособие. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

48. Винокур Г. О. О языке художественной литературы // Словарь языка Пушкина. М.: Высшая школа, 1991. С. 297–317.

49. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959. 492 с.

50. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

51. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.

52. Востоков А. Х. Русская грамматика. Спб.: Тип. Глазунова. 1831. 449 с. Отсканированные страницы.

53. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики 1971. IV. Вопросы грамматики и семантики. М.: Институт русского языка АН СССР, 1972. С. 367–395.

54. Гак В. Г. Высказывания и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 349–372.

55. Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 11–27.

56. Гальперин И. Р. Проблемы лингвостилистики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Изд-во «Иностранная литература», 1980. Вып. 9. С. 5–34.

57. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистических исследований. М.: Наука, 1981. 139 с.

58. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение. 1996. 352 с.

59. Гаспаров М. Л. Статьи о лингвистике стиха: художественная литература / М. Л. Гаспаров, Т. В. Скулачева. М.: Языки русской культуры, 2004. 283 с. (Studia poetica). [Электронный ресурс] URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=211220> (Дата обращения: 28.01.2020).

60. Гегель Г. В. Ф. Лекции по эстетике. Т. 2. СПб.: Наука, 1999. 622 с.

61. Герасименко Н. А. Бисубстантивный тип русского предложения. Монография. М.: Изд-во МГОУ, 1999. 136 с

62. Герасименко Н. А. Оценочность современной прозы: Дина Рубина // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 20–21 ноября 2015 г.) / Ред колл.: П.А. Лекант (отв. Ред.), Н.Б. Самсонов (зам. отв. ред.), Н.А. Герасименко и др. М.: ИИУ МГОУ, 2015. с. 145–159;

63. Герасименко Н. А., Степанчиков М. А. Оценка в газетном тексте: об одной форме выражения оценочных значений // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. Ярославль: РИО ЯГПУ. 2019. № 3. С. 91–96.

64. Геращенко М. Б., Шипицына Г. М. Лексикографическое отражение динамических процессов в лексике русского языка // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки», 2010. № 18 (89). С. 20–30.

65. Гиндин С. И. От писательской лексикографии – к текстологии писателя. В.Я. Брюсов и супруги Бальмонты в работе над «Пушкинским словарём» // Известия РАН. Серия литературы и языка, 2014. Т. 73, № 1. С. 37–50.

66. Говердовский В. И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: автореф. дисс... канд. филол. наук. М.: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1977. 20 с.

67. Говердовский В. И. История понятия коннотации // Филологические науки. М.: Наука, 1979. № 2. С. 83–86. Архивная копия от 29 марта 2008 на Wayback Machine.

68. Говердовский В. И. Диалектика коннотации и денотации: (Взаимодействие эмоционального и рационального в лексике) // Вопросы языкознания, 1985. № 2. С. 71–79.

69. Говердовский В. И. Коннотемная структура слова. Харьков: Изд-во ХГУ, 1989. 98 с.

70. Горшков А. И. Лекции по русской стилистике. М.: Изд-во Лит. инс-та им. А.М. Горького, 2000. 272 с.

71. Греч Н. И. Практическая грамматика русского языка. Санкт-Петербург, 1827. 386 с. Электронное факсимиле.

72. Григорьев В. П. Грамматика идиостиля: Велимир Хлебников. М.: Наука, 1983. 264 с.

73. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с.

74. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.

75. Гура А. В. Символика животных в славянской культурной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.

76. Дашевская В. Л. Соотношение фразеологических единиц и семантики контекста, в котором они функционируют // Московский

педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза: сб. науч. тр. М., 1984. С. 40–49.

77. Девятова Н. М. Об образном сравнении и его типологии // Болгарская русистика. 2010. № 3–4. С. 56–64.

78. Девятова Н. М. Сравнение в динамической системе языка М.: Либроком, 2010. 320 с.

79. Денисов П. Н. Об универсальной структуре словарной статьи // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М.: Русский язык, 1977. С. 205–225.

80. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 5. С. 35–41.

81. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М.: Просвещение, 1978. 348 с.

82. Дружинин П. А. Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки (секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б)) // Литературный факт, 2017. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-sessii-vashnil-dlya-filologicheskoy-nauki-sekretnaya-dokladnaya-zapiska-leningradskih-lingvistov-v-tsk-vkp-b> (дата обращения: 24.11.2019).

83. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учебное пособие. М.: Наука; Флинта, 2008. 432 с.

84. Евстигнеева Л. А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. 454 с. [Электронный ресурс] URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/BOOKS/SATIR/SATIR_02.HTM (Дата обращения: 10.02.2018).

85. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. Пер. с англ. / Сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006. 248 с.

86. Ерофеев Вен. Саша Чёрный и др. // «Континент». 1991. № 67. С. 316–318.

87. Ерофеева Е. В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект. Пермь: Изд-во пермского гос. ун-та, 2005. 320 с.

88. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М.: Изд-во МГУ, 1957. 448с

89. Жиркова М. А. Саша Чёрный о детях и для детей. Учебное пособие. СПб.: Лема, 2012. 100 с.

90. Жирмунский В. М. Избранные труды: Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 407 с.

91. Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2003. № 1. С. 30–34.

92. Звегинцев В. А. Семасиология. М.: Изд-во МГУ, 1957. 324 с.

93. Золотова Г. А. Разговорные вариации в нормативном пространстве // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. М.: Наука, 1996. С. 181–190.

94. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона: функциональная роль в познании и общении // Вопросы психолингвистики. М.: Институт языкознания РАН, 2003. № 1. С. 35–42.

95. Иванов А. С. Волшебник // Чёрный Саша. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5: Детский остров / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 2007. 560 с.

96. Иванов А. С. Саша Чёрный. Библиография. Париж: Институт славяноведения, 1994. С. 7–14.

97. Ивин А. А. Основания логики оценок. М.: Изд-во МГУ, 1970. 122 с.

98. Иорданская Л. Н. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.

99. Карасик В. И. Языковое проявление личности. М.: Гнозис, 2015. 384 с.
100. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Наука, 1976. 354 с.
101. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
102. Каширина Н. М. Коннотация как сопутствующее значение языковой единицы [Электронный ресурс] URL: <http://www.pglu.ru> (Дата обращения: 06.02.2018).
103. Киселева И. А., Абашева Д. В., Алпатов Т. А., Джанумов С. А., Дорожкина М. А., Колокольцев Е. Н., Крутова М. С., Леденёва В. В., Павлова И. Б., Поташова К. А., Сохряков Ю. И., Сытина Ю. Н., Федосеева Т. В., Шевцова Л. И., Щедрина Н. М. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе. М.: ИИУ МГОУ, 2019. Монография. 312 с.
104. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Учебник для вузов. М.: УРСС, 2000. 350 с.
105. Ковалева Т. В. Поэзия для детей Саши Чёрного // Литература русского зарубежья (1917–1939 гг.): Новые материалы. Т. 1. / Под науч. ред. А. М. Грачевой, Е. А. Михеичевой. Орёл: Вешние воды, 2004. С. 142–145.
106. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
107. Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М.: Высшая школа, 1965. 240 с.
108. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 211 с.
109. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов М.: Эксмо-Пресс, 2000. 1308 с.

110. Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М.: КомКнига, 2006. 192с.
111. Комлев Н. Г. Слово в речи: Денотативные аспекты. М.: Изд-во МГУ, 1992. 216 с.
112. Коротких А. В. Образ пригостишки в юмористической прозе Саши Чёрного // Филологический журнал. Вып. 9. Сахалин: СахГУ, 2000. С. 111–115.
113. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 480 с.
114. Кропотова Л. В. История развития лексической коннотации // Язык и культура. 2010. №1 (9). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-leksicheskoy-konnotatsii> (дата обращения: 13.06.2018).
115. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.
116. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях. Очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.
117. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований) / под ред. Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. М., 1977. 360 с.
118. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка. М.: Комкнига, 2007. 178 с.
119. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М., 1996. 380 с.
120. Куприн А. И. О Саше Чёрном и его книгах. [Электронный ресурс] URL: <http://cherny-sasha.lit-info.ru/cherny-sasha/articles/kuprin-o-sashe-chernom-i-ego-knigah.htm> (Дата обращения: 25.01.2020).
121. Курилович Е. Очерки по лингвистике: сб. ст. М.: Иностранная литература, 1962. 456 с.

122. Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

123. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

124. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. Избранные работы. М.: Просвещение. 1977. 224 с.

125. Леденёва В. В. Лексикография современного русского языка. Практикум. М.: Высшая школа, 2008. 648 с.

126. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации: дисс... д-ра филол. наук. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 2000. 479 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/osobennosti-idiolekta-n-s-leskova-sredstva-nominatsii-i-predikatsii> (Дата обращения: 18.10.2017).

127. Леденёва В. В., Тихонова В. В., Шаповалова Т. Е., Войлова К. А. Идеографический словарь по русскому языку: учебно-справочное издание для школьников. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 324 с.

128. Лекант П. А. Русский язык в современной языковой ситуации // Уральский филологический вестник. 2012. № 2 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/russkiy-yazyk-v-sovremennoy-yazykovoy-situatsii> (Дата обращения: 7.03.2017).

129. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 132 с.

130. Леонтьев А. А. Психологическая структура значения // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. 216 с.

131. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 5–24.

132. Лившиц Б. Полутораглазый стрелец. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 193. [Электронный ресурс] URL: http://az.lib.ru/l/liwshic_b_k/text_0080.shtml (Дата обращения: 15.02.2018).

133. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 368 с.

134. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ, 1982. 480 с.

135. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/losev/losev_problema_sim/ (Дата обращения: 26.01.2020).

136. Лосев А. Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления. М.: Изд. МГУ, 1982. [Электронный ресурс] URL:<http://noogen.narod.ru/losev.htm>.

137. Лотман Ю. М. О проблеме значений во вторичных моделирующих системах. Учён. зап. Тарт. гос. ун-та, 1965. Вып. 181. С. 22–37.

138. Лотман Ю. М. Сочинения: В 3 т. Т. 1. М.: Просвещение, 1991. 406 с.

139. Лурия А. Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 320 с.

140. Ляпон М. В. Оценочная ситуация и словесное моделирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С.24–34.

141. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 416 с.

142. Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. [Электронный ресурс] URL:<http://psylib.org.ua/books/mamapg02/txt01.htm> (Дата обращения: 23.11.2017).

143. Мамардашвили М. К. Лекции по античной философии. М.: Азбука-классика, 2014. 256 с.

144. Мандельштам О. Э. Стихотворения [Электронный ресурс:] URL:<http://ruscorpora.ru/index.html> (Дата обращения: 21.09.2018).

145. Манн Т. Волшебная гора / Собрание сочинений Томаса Манна. Т. 3 М.: Издательство «РАМ», 1995. 479 с.

146. Маркелова Т. В. Взаимодействие оценочных и модальных значений в русском языке // Филологические науки. 1996. № 1. С. 80–90.

147. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства её выражения в русском языке. Учебное пособие по спецкурсу. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 1993. 125 с.

148. Маркелова Т. В. Семантика и прагматика средств выражения оценки // Филологические науки. 1995. № 4. С. 67–80.

149. Маркова Е. М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имён существительных). М.: ИИУ МГОУ, 2014. 312 с.

150. Маслова В. А. Лингвокультурология. Учебное пособие для вузов. М.: Академия, 2001. 208 с. [Электронный ресурс] URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/02.php (Дата обращения: 17.12.2018).

151. Миленко В. Д. Жизнь замечательных людей. Саша Чёрный. М.: Молодая гвардия, 2014. 368 с.

152. Милл Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: Книжный дом, 1899. 781 с. Отсканированные страницы.

153. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 360 с.

154. Морковкин В. В. Основы теории учебной лексикографии. Дисс. в виде науч. докл. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. М., 1990.

155. Набоков В. В. Памяти А. М. Чёрного // Чёрный Саша. Улыбки и гримасы: Избранное. В 2 т. Т. 2: Рассказы / сост. А. Иванов. М.: Локид, 2000. 559 с.

156. Найда Е. А. Анализ значения и составление словарей: пер.с англ. // Новое в лингвистике. Вып. II. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 45–71.

157. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL:<http://www.ruscorpora.ru/new/> (Дата обращения: 31.01.2020).

158. Никитина О. А. О становлении понятия «Коннотация» в лингвистике // Вестник ВуиТ, 2017. № 2 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-stanovlenii-ponyatiya-konnotatsiya-v-lingvistike> (дата обращения: 24.11.2018).

159. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта, 2006. 344 с.

160. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. (Теория словесности), 5-е изд. М.: Госиздат, 1923. Отсканированные страницы.

161. Оккам У. Избранные диспуты / пер. Е. Лисанюк по изд. Guillielmide Ockham. Opera Theologica et Philosophica. New York, 1967-1968. [Электронный ресурс] URL: http://www.odinblago.ru/neretina_antologia_2/33 (Дата обращения: 13.10.2018).

162. Осипова И. В. Работа со «Словарём языка Пушкина» в школе // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Орёл, 2011. № 6. С. 446–448.

163. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов на основе русской художественной литературы XVIII–XX веков. В 2 т. М: Эдиториал УРСС, 2007.

164. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

165. Пищальникова В. А. Языковое сознание: устоявшееся и спорное. Обзор материалов XIV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. // Вопросы психолингвистики, 2003. № 1. С. 19–29.

166. Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 382 с.

167. Полякова Р. И. Изменение лексического значения слов в молодёжной среде. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/izmenenie-leksicheskogo-znacheniya-slov-v-molodezhnoy-srede> (Дата обращения: 8.03.2017).

168. Постмодернизм. Энциклопедия. Сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. 1040 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/konnotats.html> (Дата обращения: 13.04.2018).

169. Потебня А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. М.: Лабиринт, 1999. 300 с.

170. Потебня А. А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. 623 с.

171. Потебня А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высш. шк., 1990. 334с.

172. Приходько В. А. «Детский остров» С. Чёрного // Детская литература. 1993. № 5. С.40–46.

173. Приходько В. А. Любит... и все // Дошкольное воспитание. 2000. № 8. С. 80–83.

174. Пушкин А. С. Отрывки из писем, мысли и замечания. [Электронный ресурс] URL: http://rvb.ru/pushkin/01text/07criticism/01criticism/0124_30/0915.htm (Дата обращения: 12.02.2018).

175. Пятигорский А. М. Третья беседа о буддизме [Электронный ресурс] URL: <https://syg.ma/@sasha-plotnikova/a-tochka-m-piatighorskii-biesieda-o-buddizmie> (Дата обращения: 17.03.2019).

176. Ракитина О. Н. Национально-культурная коннотация как семантическая категория (на материале русских и немецких слов, обозначающих участки рельефа в фольклорных текстах): дисс... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 229 с.

177. Рассел Б. Человеческое познание: его сферы и границы. М.: ТЕРРА-Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.

178. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 436–446.

179. Румлянский М. П. Коннотация слова и словосочетания: дисс... канд. филол. наук. М., 1976. 212 с.

180. Русская авторская лексикография XIX–XX веков. Антология / Российская академия наук ин-т русского языка РАН / отв. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М., 2002. 512 с.

181. Рыбальченко О. И. Лексико-стилистические средства выражения оценки в идиостиле Саши Чёрного (Александра Гликберга): дисс... канд. филол. наук. М.: Изд-во Моск. пед. ун-та, 1999. 188 с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/leksiko-stilisticheskie-sredstva-vyrazheniya-otsenki-v-idiostile-sashi-chernogo-aleksandra-g> (Дата обращения: 21.10.2018).

182. Рябикина Н. Н. Оценочная метафора в идиостиле И. А. Бунина / Т. В. Маркелова, Н. Н. Рябикина // Вестник Московского государственного университета печати. № 9. М.: Изд-во МГУП, 2005. С. 12–22.

183. Сент-Бёв Ш. О. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Художественная литература, 1970. 583 с.

184. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир; пер. А.М. Сухотина. М.: Юрайт, 2019. 211 с.
185. Склярёвская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.
186. Склярёвская Г. Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. К 70-летию чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулова: сборник статей. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 365–377.
187. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б. Современный русский язык (лексика и фразеология). М.: 2002. 264 с.
188. Сорокин Ю. С. Словарь русского языка XIX века и его источники // Историко-культурный аспект лексикографического описания русского языка. М., 1995. С. 78–89. (В соавторстве с Л. Л. Кутиной).
189. Спиридонова Л. Бессмертие смеха. Комическое в литературе русского зарубежья. М.: Наследие, 1999. С. 167–208.
190. Степанов Ю. С. Семиотика. М.: Наука, 1971. 168 с.
191. Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Монография: 2-е изд. М., Берлин: Директ-медиа, 2015. 212 с.
192. Стернин И. А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избранные работы; [науч. ред. З. Д. Попова]. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
193. Стернин И. А., Саломатина М. С. Семантический анализ слова в контексте. Учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2011. 150 с.
194. Стернин И. А. К разработке психолингвистического словаря // Вопросы психолингвистики, 2010. № 2(12). С. 57–63.
195. Сторожева Е. М. Социальные компоненты коннотации // Вестник ВятГУ. 2008. № 3. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-komponenty-konnotatsii> (дата обращения: 24.11.2019).

196. Тарасов Е. Ф. Московская психолингвистическая школа: истоки, становление, результаты. Интервью с профессором Евгением Фёдоровичем Тарасовым // Вопросы психолингвистики, 2010. № 12. С. 15–19.
197. Тарасов Е. Ф. Проблемы теории речевого общения // Вопросы психолингвистики, 2010. № 12 С. 20–26.
198. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 144 с.
199. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. М.: Наука, 1981. 269 с.
200. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
201. Тихонова М. А. Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник МГУП, 2015. № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnaya-leksika-russkogo-yazyka-problemy-leksikografirovaniya> (дата обращения: 12.06.2018).
202. Толстой Н. И. (общ. ред.). Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Том 5: С–Я М.: Международные отношения, 2012. 736 с.
203. Толстые Н. И. и С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 240 с.
204. Томашевский Б. В. Стилистика. 3-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2010. 288 с.
205. Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе // Aequinox. М., 1993. С. 70–167.
206. Топоров В. Н. Статьи для мифологических энциклопедий: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2014. 1136 с.

207. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 135–168.
208. Усенко Л. В. Улыбка Саши Чёрного // Чёрный Саша. Стихи и проза. Ростов н/Д.: Ростовское кн. изд-во, 1990. 528 с.
209. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 206 с.
210. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
211. Фатеева Н. А. Типология интертекстуальных элементов и межтекстовых связей в художественном тексте // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка, 1998. № 5. С. 10–11.
212. Филиппов А. В. К проблеме лексической коннотации // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 57–63.
213. Фонякова О. И. Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // Из истории науки о языке: Межвуз. сборник памяти проф. Ю. С. Маслова. СПб., 1993. С. 113–134.
214. Фрост С. Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций: дисс... канд. филол. наук. Челябинский гос. ун-т, 2006.
215. Халикова Н. В. Визуально-перцептивная ситуация в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 5. С. 30–34.
216. Халикова Н. В. Язык художественной литературы. М.: ИИУ МГОУ, 2013. 190 с.
217. Халикова Н. В., Леденёва В. В. Культура книжного слова. М.: ИИУ МГОУ, 2017. Учебное пособие для студентов-магистрантов. 172 с.
218. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. 1976. № 3. С. 66–71.
219. Хлебников Велимир. Творения [Электронный ресурс] URL: <http://rvb.ru/hlebnikov/tvorprim/110.htm#1> (Дата обращения: 18.10.2017).

220. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции в русском языке. Новосибирск.: Наука, 1976. 239 с.

221. Чёрный Саша. Стихотворения [Электронный ресурс] URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

222. Чудаков А. П. Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого: очерки поэтики русских классиков. М.: Сов. писатель, 1992. 317 с.

223. Чуковский К. И. Саша Чёрный // Стихотворения. Вступительная статья. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 656 с.

224. Шаклеин В. М. Лингвокультурная ситуация в современной России: монография. М.: Флинта: Наука, 2010. 152 с.

225. Шанский Н. М., Боброва Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов [Электронный ресурс] URL:<https://shansky.lexicography.online> (Дата обращения: 10.10.2017).

226. Шаповалова Т.Е. Субстантивный оборот как темпоральный знак в повести Б. Зайцева «Голубая звезда» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2015. № 4. С. 58–62.

227. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология, 2018. № 5. С. 139–146.

228. Шаповалова Т. Е. Темпоральная семантика поэтического высказывания: монография. М.: МГОУ, 2020. 166 с.

229. Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка: историко-документальное издание, Ч. 1. Исторический процесс образования русских племен и наречий. М.: Директ-Медиа, 2014. 153 с.

230. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с. Отсканированные страницы

231. Шаховский В. И. Лексикография и коннотативная семантика // Лексические и прагматические компоненты в семантике языковых оценок. Воронеж, 1983. С.27–34.

232. Шаховский В. И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопросы языкознания. 1984. № 6. С. 97–104.

233. Шаховский В. И. Эмоции – мотивационная основа человеческого сознания // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 64–68.

234. Шведова Н. Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 6–11.

235. Шелестюк П. П., Пушкарёв С. В. Правда о раке [Электронный ресурс] URL: <http://www.nsu.ru/community/vera/rak.htm> (Дата обращения: 20.10.2017).

236. Шенько К. В. Синтаксис и семантика образного сравнения (на материале английского языка): автореф. дисс... канд. филол. наук. Л.: 1972. 24 с.

237. Шестакова Л. Л. «Словарь языка Пушкина» в истории русской авторской лексикографии // Русский язык в школе. 2011. № 10. С. 71–77.

238. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность. Монография. М.: Языки славянской культуры, 2011. 465 с.

239. Шильке В. Как язык влияет на картину мира? Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа / Concepture 2016 [Электронный ресурс] URL: <http://concepture.club/post/obrazovanie/teorii-kak-jazyk-vlijaet-na-kartinu-mira-gipoteza-lingvisticheskoj-otnositelnosti-sepira-uorfa>.

240. Шкловский В. Б. Потебня // Поэтика. Пг.: 18-я Гос. тип., 1919. С. 3–6. (Сб. по теории поэтич. Языка; 3) [Электронный ресурс] URL: <http://www.opojaz.ru/shklovsky/potebnja.html>17
241. Шмелёв А. Д. Русская языковая модель мира. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.
242. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа: (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
243. Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. I. Л.: Изд-во Ленингр.ун-та, 1958. 182 с. Отсканированные страницы.
244. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М.; Л., 1974. С. 31–44.
245. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Symposium, 2004. 544 с.
246. Эпштейн М. Н. Идеология и язык: (Построение и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания, 1991. № 6. С. 19–33.
247. Юрченко А. И. Прилагательное: потерянное и возвращённое имя. [Электронный ресурс] URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=129>
248. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С.193–230.
249. Ярошевский М. Г. История психологии. М., 1976. 463 с.
250. Amoruso M. Saudade: the untranslatable word for the presence of absence [Электронный ресурс] URL: <https://aeon.co/ideas/saudade-the-untranslatable-word-for-the-presence-of-absence> (Дата обращения: 11.06.2018).
251. Dictionary of the Social Sciences Edited by Craig Calhoun Publisher Oxford University Press Print Publication Date: 2002. 569 с.

252. Erdmann K.O. Die Bedeutung des Wortes. Aufsätze aus dem Grenzgebiet der Sprachpsychologie und Logik. Leipzig, 1925.

253. E. Grodzinski Znaczenie słowa w języku naturalnym. Warszawa 1964, с. 38.

254. Kerbrat-Orecchioni C. La connotation. Lyon, 1977.

255. Ogden C. K., Richards J. A. The Meaning of Meaning. London, 1953.

256. Pierce Ch. Logic and Semiotic. The theory of signs. In: Philosophical writings of Peirce. Selected and ed. with an introduction by I. Bucliler. New York, 1955.

257. Salah Salim Ali “Connotation and Cross-cultural Semantics”.
[Электронный ресурс] URL:
[<https://translationjournal.net/journal/38connot.htm>. (Дата обращения:
18.10.2018).

258. Sapir E Grading, a study in Semantics // Philosophy of science. Vol. 11. 1944, № 2. [Русск. пер.: Э. Сэпир. Градуирование: семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985. С. 43–78.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примеры лексикографических этюдов

Осёл (заглавное слово)

Контексты употребления:

1. Рождение футуризма

Художник в парусиновых штанах,

Однажды сев случайно на палитру,

Вскочил и заметался впопыхах:

«Где скипидар?! Давай – скорее вытру!»

Но, рассмотревши радужный каскад,

Он в трансе творческой интуитивной дрожи

Из парусины вырезал квадрат

*И... учредил салон «**Ослиной** кожи».*

2. Пока не требует Демьяна

К казённой жертве Коминтерн,

Он в полумраке ресторана

Глокает ром, как Олоферн.

Умолкли струны балалайки,

В душе икает пьяный звон, –

И среди поэтов чрезвычайки,

Быть может, всех ничтожней он...

Но лишь развязный комсомол

Над ухом гонораром звякнет,

Душа Демьяна зычно крикнет,

*Как пробудившийся **осёл**.*

С сардинкой тухлою в проборе

Из кабака он вскачь бежит

И басни красные строчит

Ногою левой на заборе.

3. Стилизованный осёл

(Ария для безголосых)

Голова моя – тёмный фонарь с перебитыми стёклами,

С четырёх сторон открытый враждебным ветрам.

По ночам я шатаюсь с распутными пьяными Фёклами,

По утрам я хожу к докторам. / Тарарам.

Я – волдырь на сиденье прекрасной российской словесности,

Разрази меня гром на четыреста восемь частей!

Оголюсь и добьюсь скандалёзно-всемирной известности,

И усядусь, как нищий-слепец, на распутье путей.

Я люблю апельсины и всё, что случайно рифмуется,

У меня темперамент макаки и нервы, как сталь.

Пусть любой старомодник из зависти злится и дуется,

И вопит: «Не поэзия – шваль!»

Врёшь! Я прыщ на извечном сиденье поэзии,

Глянцевито-багровый, напевно-коралловый прыщ,

Прыщ с головкой белее несказанно-жжённой магнезии

И галантно-развязно-манерно-изломанный хлыщ.

Ах, словесные, тонкие-звонкие фокусы-покусы!

Заклюю, забрыкаю, за локоть себя укушу.

Кто не понял – невежда. К нечистому! Накося – выкуси.

Презираю толпу. Попишу? Попишу, попишу...

Попишу животом, и ноздрёй, и ногами, и пятками,

Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах,

Зарифмую всё это для стиля яичными смятками

И пойду по панели, пойду на бесстыжих руках...

Толкование

Актуальная коннотация пренебрежительной оценки, выражаемая зоонимом *осёл*, основана на субъективном отношении поэта к представителям новых направлений в искусстве. «Ослиный хвост» – это название выставки, проходившей в Москве весной 1912 года.

«Выставка организована М. Ф. Ларионовым; вторая (после «Бубнового валета» зимой 1910–1911) из серии его четырёх знаменитых выставок живописи авангарда начала 1910-х. Смысл эпатажного названия выставки связан с известной в кругах художников историей об ослике из Парижа, который кистью, привязанной к его хвосту, создал картину, якобы признанную художественной критикой за шедевр живописного искусства. <...> В историю искусства авангарда «Ослиный хвост» вошёл не столько благодаря скандальности названия, но главным образом из-за новаторского характера и высокого качества представленных на выставке живописных произведений».

Сам сюжет стихотворения «Рождение футуризма» является пародией на творческие искания молодых футуристов, подробное описание которых можно найти в книге воспоминаний Бенедикта Лившица «Полутораглазый стрелец»: «И как соблазнительно это хищничество! Мир лежит, куда ни глянь, в предельной обнажённости, громоздится вокруг освежёванными горами, кровавыми глыбами дымящегося мяса: хватай, рви, вгрызайся, комкай, создавай его заново, – он весь, он весь твой! Это заражало. Это было уже вдохновением. <...> Схватив свой последний холст, Владимир выволакивает его на проталину и швыряет в жидкую грязь. Я недоумеваю: странное отношение к труду, пусть даже неудачному. Но Давид лучше меня понимает брата и спокоен за участь картины. Владимир не первый раз «обрабатывает» таким образом свои полотна. Он сейчас перекроет густым слоем краски

приставшие к поверхности комья глины и песку, и – *similia similibus* – его ландшафт станет плотью от плоти гилейской земли» (Лившиц Б., 1933).

Стихотворение «Стилизованный осёл» написано в 1909 г., до открытия выставки, но в нём образ осла, использованный только в названии, также выражает пренебрежительную авторскую оценку творцов, стремящихся, по его мнению, придумать наиболее изощрённую форму выражения «двухкопеечных мыслей». Эта идейная пустота упоминается также в произведении «Вешалка дураков»:

Дурак рассматривал картину:

Лиловый бык лизал моржа.

Дурак пригнулся, сделал мину

И начал: «Животись свежа...

Идея слишком символична,

Но стилизовано прилично»

(Бедняк скрывал сильнее всего,

Что он не понял ничего).

В стихотворении «Пока не требует Демьяна...» (1925 г.) лексема *осёл* предположительно выражает обусловленную теми же фактами культуры коннотативную окраску. На это указывает описанная выше история данной коннотации и обстоятельства, к которым отсылает текст стихотворения: Демьян – это поэт и общественный деятель Демьян Бедный. «В 1918 году Демьян Бедный прибыл вместе с Советским правительством из Петрограда в Москву и получил квартиру в Большом Кремлёвском дворце, куда перевёз жену, детей, тещу, няню для детей. По ряду свидетельств, расстрел и сожжение тела Фанни Каплан (1918 год) происходили в присутствии Демьяна Бедного, желавшего посмотреть на казнь своими глазами ради творческого вдохновения. В годы гражданской войны Бедный вёл агитационную работу в рядах РККА. В своих стихотворениях тех лет превозносил Ленина и Троцкого²». Демьяну

Бедному благоволило высшее партийное руководство, он имел множество привилегий и мог позволить себе роскошную жизнь, что с острой сатирической обличительностью описано в стихотворении. Кроме Саши Чёрного о его литературном таланте отзывался в стихах С. А. Есенин:

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета каким-то там Демьянам.

Пускай бываю иногда я пьяным,

Зато в глазах моих

Прозрений дивных свет.

Примечания

Исключены те контексты, в которых понимание содержания и характера коннотации не вызывает сложностей у большинства носителей русского языка и культуры; у читателя может создаться впечатление перегруженности статьи лингвистическими сведениями, однако они представляются необходимыми для полного понимания контекста, а то, что одним читателям кажется общеизвестным и очевидным, для других является чуждой и абсолютно неизвестной информационной областью.

Рак (заглавное слово)

Контекст употребления:

Диета

Каждый месяц к сроку надо

Подписаться на газеты.

В них подробные ответы

На любую немощь стада.

Боговздорец иль политик,

*Радикал иль чёрный **рак**,*

Гениальный иль дурак,

*Оптимист иль кислый нытик –
На газетной простыне
Все найдут своё вполне.
Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Я с улыбкой благодатной,
Бандероли не вскрывая,
Аккуратно, не читая,
Их бросаю за буфет.
Целый месяц эту пробу
Я проделал. Оживаю!
Потерял слепую злобу,
Сам себя не истязая;
Появился аппетит,
Даже мысли появились...
Снова щёки округлились –
И печёнка не болит.
В безвозмездное владенье
Отдаю я средство это
Всем, кто чахнет без просвета
Над унылым отраженьем
Жизни мерзкой и гнилой,
Дикой, глупой, скучной, злой...
Получая аккуратно
Каждый день листы газет,
Бандероли не вскрывая,
Вы спокойно, не читая,
Их бросайте за буфет.*

Толкование

«Чёрным раком» в народе именовали черносотенный «Союз русского народа» – монархическую организацию, созданную в 1905 году под руководством властей и использовавшую антисемитизм как основу своей идеологии. Употребление этого слова ставит стихотворение в один ряд с откровенно обличительными строками, сочинёнными поэтом в 1908 году: *Четыре нравственных урода – один шпион и три осла – назвались ради ремесла «Союзом русского народа».*

«Приученный искать двойное дно у каждого сатириконского произведения, читатель вспоминал, что для разоблачения “союзников” в журнале часто использовался один и тот же устойчивый образ – чёрный рак (черносотенец)» (Евстигнеева Л. А., 1968).

Название заболевания *чёрный рак*, как и просто *рак*, используется в фитопатологии и означает опасное заболевание плодовых деревьев, про рак у людей отдельно и говорить не стоит. В биологическом отношении они не имеют ничего общего, не считая одной характеристики – оба они очень быстро распространяются и губительны для жизни. Следовательно, прозвище черносотенцев и всего движения «Союз русского народа» образовано на основе субъективной оценки политического течения как чего-то смертельно опасного для общественного сознания.

У современника Саши Чёрного Велимира Хлебникова в стихотворении 1919 года также встречается это словосочетание:

И чёрный рак на белом блюде

Поймал колосья синей ржи.

И разговоры о простуде,

О море праздности и лжи.

Но вот нечаянный звонок:

«Мы погибоша, аки обре!»

Как Цезарь некогда, до ног

*Закройся занавесью. Добре!
Умри, родной мой. Взоры если
Тебя внимательно откроют,
Ты скажешь, развалясь на кресле:
«Я тот, кого не беспокоят».*

Н. Я. Берковский, известный советский литературовед, пишет так: «мимолётная сценка: к человеку нечаянно позвонили, он прикрывается занавесью, но непрошенный гость его находит. Всё это рассказано с мраморной важностью, с цитатой из летописи на древнеславянском, герой рассказа принимает пышные исторические позы: за занавесью он прячется, как Юлий Цезарь в сенате от заговорщиков с кинжалами. Хлебников вгоняет быт в кадры исторической мизансцены, придаёт ему величие и каменность, монументальность, чтобы верней прозвучало его тщедушие» (Берковский Н. Я., 1985).

Можно предположить, что для Хлебникова *чёрный рак* – случайный образ, однако использованное выражение *Мы погибоша, аки обре!* тематически связано с проблемой национализма: «*Мы погибоша, аки обре!* – изменённое летописное выражение. Обры (авары) за свою гордость и насилия над славянскими племенами были, согласно летописи, истреблены богом» (Берковский Н. Я., 1985).

Сорока (заглавное слово)

Контексты употребления:

*1. Чу... Сорока крылом замахала,
С виноградной летит полосы
И стрекочет: «Узнала! Узнала!
Вон следы вдоль песчаной косы...
Только куртка на нём другая*

И совсем побелели усы...»

2. Из моря вышло кроткое солнце

И брызнуло в сосны янтарной слюдой.

Беру ведро и по светлой тропинке

Спускаюсь вниз вдоль холма за водой.

А сзади фокс, бородатый шотландец,

Бредёт, зевая, за мной по пятам.

Здравствуйте, светло-зелёные лозы!

Шелест ответный бежит по кустам...

*Над пробковым дубом промчалась **сорока**,*

Внизу, над фермой завился дым...

Вот и колодец – за старую фигой –

Замшелые камни кольцом седым.

3. Я скользнул тихонько в чащу,

Сел у пня, скрестивши ноги,

Комара на шее хлопнул

И задумался... О чём?

Это знают только осы,

Ветер, веющий в ресницы,

*Пролетевшая **сорока***

И мимоза над плечом...

Толкование

На первый взгляд в употреблении зоонима *сорока* в перечисленных контекстах нет ничего необычного. Обращает на себя внимание тот факт, что этими контекстами в основном и ограничено использование данной лексемы. Кроме того, прослеживается общая для трёх стихотворений художественная атмосфера ностальгического воспоминания. В поисках ответа на вопрос, следует ли считать это случайностью или

закономерностью, мы обратились к «Словарю славянских древностей»: «Сорока – нечистая птица, близкая к вороне. Символика сороки в народных представлениях определяется её нечистой природой и демоническими, вредоносными функциями, с одной стороны, и её ролью “болтливой” вестницы и вещуньи – с другой» (Толстой Н. И., 2012, с. 127). Пример коннотативного значения, обусловленного такой традицией употребления, встречается в стихотворении Б. А. Слуцкого «Утихомирились, угомонились»:

*И отлетает не спеша,
неторопливо, как душа,
как знак исполненного срока,
величественная сорока.*

Однако у Саши Чёрного коннотации лексемы *сорока* явно не связаны с представленной историей употребления. Интересный факт обнаруживается в конце этнолингвистического описания: «у украинцев Житомирщины бытует убеждение, что поедание яиц сороки способствует улучшению памяти. <...> Ассоциации с памятью и разумом вызваны представлением о вещих способностях сороки, повсюду разносящей вести» (Толстой Н. И., 2012, с. 128). Саша Чёрный провёл в Житомире определяющую для своей судьбы и писательской карьеры часть жизни: «чтобы дать ребёнку возможность поступить в белоцерковскую гимназию, родители крестили его. В гимназии Александр проучился не долго. Мальчик сбежал из дома, стал нищим, попрошайничал. Об его горестной судьбе написали в газете, и житомирский чиновник К. К. Роше, растроганный этой историей, взял мальчика к себе. К. К. Роше, много занимавшийся благотворительностью и любивший поэзию, оказал на Александра большое влияние».

Таким образом, актуальная коннотативная семантика лексемы *сорока* у Саши Чёрного соотносится со значением, обусловленным

территориальными культурными особенностями, и содержит коннотативные семы ‘размышление’, ‘воспоминание’, ‘напоминание’, ‘узнавание’.

Сова (заглавное слово)

Контексты употребления:

1. Потомки

*Наши предки лезли в клетки
И шептались там не раз:
«Туго, братцы... Видно, дети
Будут жить вольготней нас».*
*Дети выросли. И эти
Лезли в клетки в грозный час
И вздыхали: «Наши дети
Встрелят солнце после нас».*
*Нынче, так же как вовеки,
Утешение одно:
Наши дети будут в Мекке,
Если нам не суждено.
Даже сроки предсказали –
Кто лет двести, кто пятьсот,
А пока лежи в печали
И мычи, как идиот.
Разукрашенные дули,
Мир умыт, причёсан, мил...
Лет чрез двести? Черта в стуле!
Разве я Мафусаил?
Я, как **филин**, на обломках*

*Переломанных богов.
В неродившихся потомках
Нет мне братьев и врагов.
Я хочу немножко света
Для себя, пока я жив,
От портного до поэта,
Всем понятен мой призыв...
А потомки... Пусть потомки,
Исполняя жребий свой
И кланя свои потёмки,
Лупят в стену головой! (1908)*

2. *Мы летим домой, на хутор...
Мрак. Гудок ревёт, как дьявол!
Впереди над фонарями
Взмыла глупая сова.
Заяц дикими прыжками
Поперёк шоссе промчался...
К счастью, к горю? Все забыл я,
Все приметы, все слова. (1929)*

3. *По базару вялым шагом, как угрюмые быки,
Шли в суконных шлемах чуйки, к небу вскинувши штыки.
Дети рылись в грудах сора, а в пустых мучных рядах
Зябли люди с жалким хламом на трясущихся руках.
«Возвратились?» – тихо вскрикнул мой знакомый у ворот,
И в глазах его запавших прочитал я: «Идиот».
«Батов жив?» – «Давно расстрелян». – «Лев Кузьмич?» –
«Возвратный тиф». –*

*Все, кого любил и знал я, отошли, как светлый миф...
Ветер дергал над Чекою палку с красным кумачом,
На крыльце торчал китаец, прислонясь к ружью плечом,
Молчаливый двор гостинный притаился, как сова,
Над разбитою лампадой – совнархозные слова...
На реке Пскове – пустыня. Где весёлые ладьи?
Чёрт слизнул и соль, и рыбу, и дубовые бадьи...
Как небритый старый нищий, весь зарос навозом вал,
Дом, где жил я за рекою, комсомольским клубом стал.
Кровли нет. Всех близких стёрли. Постоял я на углу –
И пошёл в Галошах Счастья в злую уличную мглу.
Странно! Люди мне встречались двух невиданных пород:
У одних – избыток силы, у других – наоборот.
Ах, таких ужасных нищих и таких тревожных глаз
Не коснётся, не опишет человеческий рассказ...
У пролома предо мною некто в кожаном предстал:
«Кто такой? Шпион? Бумаги!» Вскинул нос – Сарданапал!
Я Галоши Счастья сбросил и дрожащею рукой
Размахнулся над безмолвной, убегающей рекой.*

** * **

*На столе письмо белело, – потаённый гордый стон,
Под жилетную подкладкой проскользнувший за кордон,
Фея – вздор. Зачем датчанке прилетать в Passy ко мне?
Я отравленный посланьем, в старый Псков слетал во сне (1924).*

Толкование

В словаре поэтических образов зафиксированы аналогии совы со стражем, часовым, отшельницей, а филина – с совестью (Павлович Н. В., 2007, с. 136–147).

В посвящении к последнему стихотворению из приведённых Саша Чёрный написал: «Посвящается всем, мечтающим о советской визе». Коннотации лексем *сова* и *филин* в поэзии Саши Чёрного имеют схожий характер.

Для всех трёх контекстов актуальны коннотации слова *сова*, заложенные в древнем языковом сознании на уровне магического понимания действительности: «Зловещая нечистая птица, символ одинокой женщины. Сова, как и другие ночные птицы семейства совиных (филин, сыч), наделяется демоническими свойствами <...> для народных представлений о сове характерен мотив смерти <...> известны поверья о сове как о воплощении души умершего» (Толстой Н. И., 2012, с. 97–98). В последнем контексте традиционные коннотации слова *сова* особенно ярко проявляются в изображении зловещей атмосферы ранней советской действительности.

Отличия контекстуальной коннотации в третьем контексте заключаются в том, что лексема *филин* реализует также коннотативную сему ‘одиночество’, мотивированную образом жизни птицы, ставшим в народных поверьях символом вдовства или безбрачия.